
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

Университет Культуры

Литературно-художественный журнал

№ 1 / 2010

Кемерово 2010

Редакционный совет

Е. Л. Кудрина – ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

В. И. Бедин – проректор по маркетингу и развитию образовательного комплекса, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Л. И. Гвоздкова – проректор по учебно-воспитательной работе, доктор исторических наук, профессор.

В. Д. Пономарев – проректор по творческо-исполнительской и международной деятельности, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционная коллегия

И. А. Куралов – главный редактор, член Союза писателей России, заместитель председателя Союза писателей Кузбасса.

А. В. Шунков – заведующий кафедрой литературы и русского языка, кандидат филологических наук, доцент.

Е. А. Мироненко – доцент кафедры литературы и русского языка, кандидат филологических наук.

Э. М. Афанасьева – доцент кафедры литературы и русского языка, кандидат филологических наук.

В. С. Еременко – доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников.

Ю. В. Подковырин – старший преподаватель кафедры литературы и русского языка, кандидат филологических наук.

А. А. Лушпей – старший преподаватель кафедры литературы и русского языка.

Издание осуществлено в рамках проекта «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций», реализуемого кафедрой литературы и русского языка КемГУКИ.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ТУ 42-00219**, выданное Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области от **07 мая 2010 г.**

Цена свободная

Редактор: *О. В. Кравцова*
Компьютерная верстка: *Н. С. Польшгалова*

Подписано к печати 18.12.2009. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Отпечатано на ризографе. Усл.-печ. л. 14,6. Тираж 200 экз. Заказ № 446.

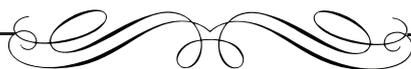
Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,

ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru

ISSN 2079-1917

© Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2010
© И. А. Куралов, А. В. Шунков, составление, 2010

Содержание

Александр Шунков. Вечные темы русской литературы.....	4
Поэзия	
Владимир Еременко. Духовная битва идет каждый день.....	5
Елена Солодянкина. Жди меня на синей тени.....	15
Сергей Харцызов. Как трудно говорить впервые.....	28
Владимир Каганов. Мы — современники друг друга.....	34
Юлия Мироненко. Огромное сияет солнце.....	68
Проза	
Людмила Тарасова-Чидилян. Рассказы.....	8
Михаил Стрельцов. Своя скрипка.....	22
Негасимый свет победы	
Иосиф Курочкин. Записки нестороннего человека.....	70
Любовь Рудич. Война глазами ребенка.....	142
Свой голос нового поколения	
Произведения победителей областного и кемеровского городского конкурсов «Свой голос».....	37
Истоки	
Произведения учащихся женской губернаторской гимназии и студентов КемГУКИ.....	112
Свет духовный	
Владимир Еременко. Крест Богородичных икон.....	127
Литературоведение, критика	
Эльмира Афанасьева. Невыразимое: А. П. Чехов — фрагменты о жизни.....	86
Мария Литовченко. «Онегинский» сюжет в рассказе А. П. Чехова «У знакомых».....	95
Елена Мироненко. Я люблю Твой замысел упрямый.....	100
Владимир Каганов. Поэзия поверх барьеров.....	103
Литературный архив	
Ирина Юртаева. Максимальное приближение к идеалу.....	106
Борис Мазурин. Как я понимаю учение о жизни Толстого.....	108
Наши ветераны	
Наталья Коргожа. Легендарный профессор в строю.....	83
Черно-белая радуга	
Валерий Фоминский.....	144
Музыка	
Анатолий Мохонько. Джазовый шаман из Абакана.....	149
Художник о художнике	
Галина Писаревская. Свойства души художника Коробейникова.....	139
История культуры	
Юрий Светлаков. Сибиряки-добровольцы на экране.....	155
Фотоискусство	
Любовь Фурс. Волшебная сила.....	168

Дорогие наши читатели! Перед вами второй номер журнала «Университет Культуры». Он совсем еще молод, однако его первый выпуск уже привлек внимание самой разной читательской аудитории: профессиональных литераторов и авторов, впервые вынесших на ваш суд свои сочинения; преподавателей университета, известных своими научными открытиями, и учителей, для которых Слово всегда было и остается главным мериллом образованности человека.

«В начале было Слово» (Ин 1:1). Приведенная строка евангельского текста хорошо известна широкому кругу людей. С нее начинается Евангелие от Иоанна, она же является, если вдуматься и окинуть взором всю русскую историю, истоком русской словесности, насчитывающей в своем развитии уже более десяти веков.

Русская культура начинается со Слова, им она и определяется. В России уровень образованности человека оценивался тем, как он говорит, как выражает свою мысль, может ли понимать и слушать своего собеседника. Слово всегда являлось мериллом духовного богатства нации. «Слово совмещает в себе и разум, и речь, и одно из наименований Сын Божия, и данный людям закон. <...> Слово никогда не ставится в один ряд с другими искусствами: они получают авторитет извне <...>. Слово же авторитетность присуща имманентно, как таковому» (Ю.М. Лотман). Хочется надеяться, что Слово не перестанет быть авторитетом и в наше совсем непростое время.

Второй выпуск журнала «Университет культуры» посвящен юбилейным событиям отечественной истории и словесности.

XX век в памяти русского человека навсегда останется связанным с одним из трагических событий в истории страны – Великой Отечественной войной. Войной, ставшей испытанием прежде всего духовных сил всего народа, осознавшего свою мощь в единении представителей разных национальностей и вероисповеданий. Именно поэтому, готовя второй номер журнала, редколлегия сочла своим долгом перед памятью народной посвятить ряд публикаций 65-летию Великой Победы – теме, святой для русской истории XX века. К этой теме обращаются в своем творчестве авторы разных поколений – от самых юных до ветеранов.

Другой раздел второго выпуска журнала посвящен юбилейным событиям русской литературы. В 2010 году исполнилось 150 лет со дня рождения А.П. Чехова, 120 лет со дня рождения Б.Л. Пастернака, 100 лет со дня смерти Л.Н. Толстого.

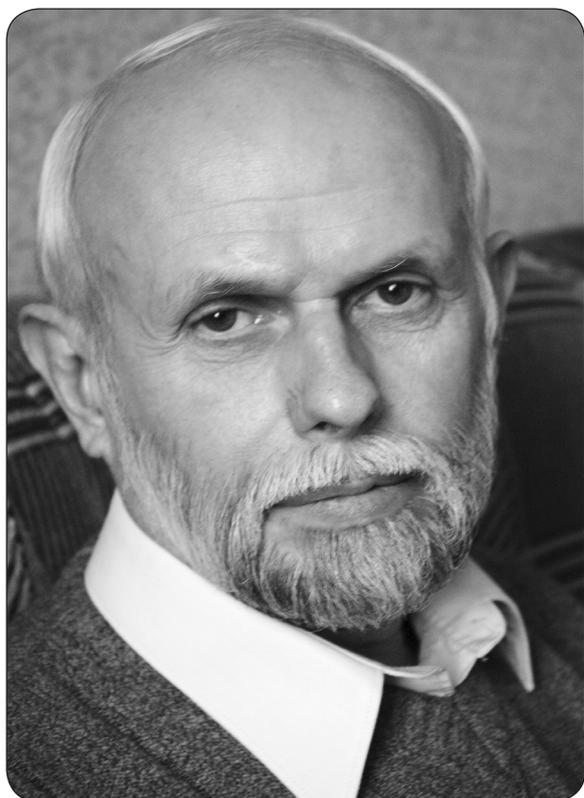
Изучению и интерпретации литературного наследия каждого из вышеназванных представителей русской и мировой литературы посвящено огромное количество научных исследований. Осмысление их роли в развитии литературной традиции – темы научных конференций, проводимых как в российских, так и зарубежных академических и университетских аудиториях. При всей разности художественных миров, созданных великими творцами, есть общее, что объединяет их – стремление постичь глубину человеческой души, полноту драматических, а подчас и трагических противоречий.

Человек и историческое время – тема вечная для русской литературы, уходящая своими корнями еще в эпоху Древней Руси. Но, пожалуй, только в XX веке эта тема наиболее остро, с надрывом души зазвучала в русской литературе, придав ей особую философичность. Постигание национального русского характера немислимо без философско-религиозных (противоречивых по своей природе) идей Л.Н. Толстого, представленных в последний период творчества писателя; без сложных вопросов чеховских героев, задаваемых жизни и самим себе; без «Доктора Живаго» Бориса Пастернака, где осмыслена судьба русского интеллигента, оказавшегося в вихре революционных событий.

Следующий номер журнала редколлегия предполагает выпустить во второй половине 2010 года.

*Александр Шунков,
заведующий кафедрой литературы и
русского языка*

Владимир Ерёменко

Еременко Владимир Спиридонович родился в 1948 году в Мариинске. Служил в армии. В 1973 году окончил Кемеровский государственный институт культуры, режиссерско-театральное отделение. С 1975 года по сей день работает в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. В 2001 году окончил Московский Свято-Тихоновский Православный Богословский институт, катехизаторско-педагогический факультет. Печатался в газетах, журналах «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово), «Всероссийский Собор» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь), коллективных сборниках «Собор стихов», «Поэты университета». Автор книг стихотворений «Белый инок» и «Высокий день». Живет в Кемерове.

Духовная битва идет каждый день

Передовая

*А край света –
На Руси он за первым углом.
Ю.Кузнецов.*

Не надо и тень наводить на плетень,
Духовная битва идет каждый день,
Не переставая.
Сирены пленяют предательским сном,
Край света зияет за каждым углом.
Здесь – передовая.

Пронзают нас стрелы эфирные лжи,
Взрывают сознание дурман-миражи
От края до края.
Очнись, разорви их, увидь и услышь,
Ты мертв, если им не противостоишь.
Здесь – передовая.

Здесь, где ты живешь, где Россия, где дом,
Где сердце терзает вселенский Содом,
Добычи алкая,
Где тьма, ополчившись, глумится в глаза,
Здесь – или нигде – нам восход в Небеса.
Здесь – передовая.

Видение о войне

А мама плакала во сне...
В то воскресенье... На войне...

Война... Война который год...
Смертей кружится хоровод...

Родную землю топчет враг...
И не очнуться ей никак...

И меркнет, меркнет белый свет...
В окно стучат!..
– Что?
– В сельсовет...

Махоркой сельсовет пропах.
– Что вы как на похоронах?

И полыхнула явь из сна:
– Ты угадала!..
– Что?!
– Война.

Война

И мир содрогнулся.
Во тьме – нерожденные дети.
Отец мой вернулся –
И я появился на свете.

И Дальние Дали
Свои распахнули объятья,
Родимыми стали
Мои нерожденные братья.

Во мне воплотились
Вселенским протестом бездомью.
Моими родились
И духом, и плотью, и кровью.

Память

Я несу в себе нерожденных
И погибших без времени, свет
Смелых замыслов невоплощенных,
Но спасающих мир от бед,
Наполняющих сердце болью
И взрывающихся звездой –
Самой светлой Твоей Любовью,
Самой чистой Твоей Слезой,
Самой радостной сердцу Вестью,
Ту, которую вечно ждут.
Все погибшие да воскреснут,
Все нежившие – оживут!

Победный май

I
Гремят оркестры духовые!
Весна! Судьба! Победный Май!
Друзья приходят фронтовые
К отцу:
– Софроныч, принимай!

Столы на улицу выносят,
И возгласы ласкают слух,
Меня под облака подбросят
Так, что захватывает дух!

Мир в звонкой радости купался,
И я почти не замечал,
Что кто-то без отцов остался
И только их в мечтах встречал.

II
В три года, помню, с половиной
Отец в Москву меня повез!..
От недостатка витаминов
Меня терзал экзематоз.

Порой наваливался зверски:
Так, будто кто смолой облил...
Москва!.. Вокзал и Министерский
Тупик, как спутник пояснил.

Вокзал обычный из вокзалов,
Но взгляд мой сразу приковал
Круг из десятка генералов,
А в центре – Главный генерал.

День светел был и вертикален...
К отцу на плечи я взлетел:
– Смотри!..
– Кто это, папа?..
– Сталин.
И на меня он поглядел!

Раймаг

Раймаг – как магазин в раю!
И я за сахаром стою.

Влетевших в магазин ребят
Здесь разбирают нарасхват.

И только слышится: «Сынок,
Постой за сахаром часок,

Я на мороженое дам!..»
А что нам нужно, пацанам?..

И мы, забыв игру свою,
Стоим за сахаром, в раю.

Положено отвесить нам
Один на душу килограмм.

Нас кормит Родина!.. Давай
Полнее чашу насыпай!..

И продавец из-под руки
Нам улыбается: «Сынки!..»

Послевоенные птенцы.
К нам не ко всем пришли отцы.

Но чувствую спокойно я:
Мы здесь – единая семья.

Как часовые на часах,
За сахаром, на небесах...

Райсобес

Райсобес – и бес, и рай,
Кого любишь – выбирай!

Рай земной – тыловикам,
Бес – простым фронтовикам.

На троих – один протез.
Люди – с душами и без.

В мире – Новая заря:
Нет ни Бога, ни царя!

Где действительность, где сон?..
Райсобес со всех сторон.

Звезда-полынь

Я сплю, но должен пробудиться
От сна.
Из мира в мир другой пробиться
Душа должна.

Дремота вязкой маской липнет
Вокруг лица,
Я не проснусь – и мир погибнет,
Весь до конца.

Уже с небес к земле стремится
Звезда-полынь,
Я должен, Боже, пробудиться!
Аминь.

***

Оглянусь по левую –
Боже мой!
Оглянусь по правую –
Господи!
Вся земля горит за спиной,
Хохот-вой стоит
Позади.

Впереди меня –
Смерть с косой,
Непроглядный враг
Впереди.
Но иду вперед,
Боже мой,
Но иду к Тебе,
Господи.

Божий глас проник
Смертный бой:
– В небеса, Мой сын,
Восходи.
– Через Крест восход,
Боже мой,
Верный путь к Тебе,
Господи.

Россия

Качнулись Звездные Весы,
Рассвет Господень наступает.
Россия – капелька росы,
В ней вся Вселенная сияет.

Людмила Тарасова- Чидилян

Тарасова-Чидилян Людмила Ивановна родилась в Белове. Окончила Кемеровский государственный институт культуры. Призер литературных конкурсов, автор публикаций в различных изданиях, на радио, телевидении, нескольких книг. Работает в Кемеровском городском классическом лицее. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Как Ниночка родилась

Рассказ

Ниночка родилась в конце января. По подсчетам врачей, мамы, маминых подруг, родственников ее рождения ждали сразу же после Нового года, и она сама не возражала, даже стала слегка разминаться: еще чаще поворачиваться из стороны в сторону, напрыгать ножки, ручки, пыталась угадать, как же она попадет туда, где ее уже все ждут. Но тут, как и полагается в Сибири, начались январские морозы. Ниночка слышала, как вокруг твердили: «Надо же! Таких морозов лет двадцать уже не было!» Мама вскрикивала: «Да мы все тут замерзнем в этой квартире!» Ниночка испугалась и затаилась. «Здесь радостно, а там мороз. Подожду еще, да и Ниночку ли они ждут?»

Было время, когда Ниночка не знала, кто она: Ниночка или Артаваз. Однажды она услышала, как папа сказал: «Ну, в третий-то раз, я думаю, будет мальчик, Артаваз». «Да, – соглашалась мама, – конечно, будет сын. Ну а если все-таки девочка, то назовем ее Ниной». «Ниночка... пусть так». И здесь папа стал рассказывать, каким крепким и задорным будет Артаваз. Он будет бегать, как ветер, прыгать, как мячик, папа научит его стрелять из лука и рогатки. И Ниночке захотелось стать Артавазом. Но потом она подумала: «А где же все это время будет Ниночка?» Об этой девочке никто ничего не говорил. Ниночка удивилась, даже растерялась чуть-чуть и решила, что Ниночкой станет она, и будет бегать, как ветер, и прыгать, как мячик.

Что нужно делать, для того, чтобы стать Ниночкой, она не знала. До сих пор жизнь ее была радостью. Не было ни одного мига, когда бы она не радовалась. Все ее движения или не движения были нужны только для радости. Радость никогда не была чрезмерна и не кончалась усталостью. И сейчас это состояние не покидало ее, но она стала более внимательно прислушиваться к тому, что происходит там, в этом неведомом ей пока мире, и всякий раз, когда мама или папа мечтали об Артавазе, Ниночка радостно, но удивленно напрягалась. «Может быть, все-

таки чуть-чуть Артаваз?» Когда же мама иногда поглаживая животик говорила: «Все-таки мне кажется, что там девочка», напряжение Ниночкино уходило и оставалась только радость. «Да, я, конечно, Ниночка».

«Восьмого января температура воздуха в Кемерове ожидается до 35 градусов», — слышала Ниночка прогноз. Мама принимала решения: «Так, все понятно. У нас два обогревателя: Алечка будет спать у мамы, второй мы ставим в нашей спальне, зал закроем, там только что снег не идет, на кухне газ зажжем, ничего, как-нибудь выживем. Жорочка, ты главное проверь, что бы проводка выдержала». «Да что ты паникуешь? Вчера было 36, значит завтра потепление, не могут же вечно быть такие морозы». Ниночка надеялась, что папа прав. Иначе, что же ей никогда не увидеть бабушкин марлевый костюм балерины, в котором она выступала на Новом году у себя на работе в лаборатории химкомбината? Костюм, который готовила вся семья? Папа вырезал из пенопласта высоченные туфли (по-бабушкиному, котурны, для смеха), мама крахмалила юбки, а Алечка, двухлетняя Ниночкина сестра, собирала золотистые фантики для короны.

Почему-то подготовка бабушкиного костюма взволновала ее больше всего. Конечно, весело было, когда они к Новому Году лепили пельмени (наверное, что-то смешное), но время, когда шили костюм, а потом бабушка его примеряла, было особенно радостным. «Скорей, скорей бы все увидеть самой!»

Но морозы не отступали, и маму положили в больницу, узнать, почему Ниночка задерживается. Больница была особенная: там никто не болел, а все врачи, медсестры и няни нужны были, чтобы подбадривать мам, внимательно прослушивать их животики, а когда придет время, помочь родиться мальчикам и девочкам. Больница так и называлась — роддом. Некоторые дети рождались быстро, стоило только их мамам приехать туда, другие же, наверное, тоже боявшиеся морозов, рождаться не торопились. Мамы ждали, а пока обсуждали, где можно достать марлю на подгузники, обязательно ли пеленки гладить, вредно ли ребенку спать в коляске ночью. В их разговорах часто слышалось: «А вы кого ждете? Мальчика или девочку?» Так Ниночка поняла, что есть и другие дети, которые могут родиться с ней в одно или почти в одно время и в этом же доме. «Но если детей родится много, то, как мама поймет, что родилась я, Ниночка? Вдруг она подумает, что появился Артаваз? Узнает ли

она меня?» Это волновало ее даже больше чем сообщения о морозах. «Надо еще подождать. Пусть все другие дети родятся, найдут своих мам, а потом уже и я появлюсь».

И действительно, каждый день одна или даже две мамы соседки по палате уходили в самую главную комнату, родовой зал, и счастливые возвращались в другие, послеродовые покои, заботиться о своих малышах. Уже родили все женщины, которые вместе с мамой поступили больницу, а Ниночка все ждала. Ежедневно врачи прослушивали мамин животик. «Все замечательно, — говорили они, ребенок здоров, сердцебиение отличное. Не волнуйтесь, бывает, когда дети задерживаются, значит такое у ребенка развитие, родится, как только придет его время».

«И когда же оно придет, его время?» — спрашивал папа. Первую неделю после того, как маму положили в больницу, он звонил в роддом каждый час, узнать, кто родился. Его уже узнавали по голосу дежурные медсестры, сочувствовали ему и обещали позвонить сами, как только все произойдет. Приятели и знакомые уже весело не спрашивали: «Георгий, а отмечать-то когда?», а глядя на его сосредоточенный вид, тихонько помалкивали. Папа не спал ночами, думал, ворочался, вздыхал, а утром снова звонил в роддом. «Может быть, ты здесь мало двигаешься? Я слышал, что физическая нагрузка помогает в этом деле», — говорил он маме. «А что? Он прав», — подумала мама, взяла ведро, тряпки у санитарок и вымыла панели и полы во всех палатах и коридорах этажа. Стало чище, но главная задача так и не решилась.

Через некоторое время забеспокоились врачи. «Бояться нечего, но что-то он засиделся. Вот умница, южная кровь, понимает, что в такие морозы лучше подождать. Ничего, завтра придумаем что-нибудь». Утром маме дали какое-то лекарство, через два часа еще, потом еще и еще, но желаемого результата не наступило, зато без всякой стимуляции в это утро родила мамина соседка по палате, ее перевели в другое отделение, и мама осталась одна. Она лежала на боку, одна рука была под щекой и по мизинцу слезы скатывались в подушку, другую руку мама прижимала к животу и шептала: «Ребенок мой сладенький, деточка моя родненькая, кровиночка моя, ну что же ты! Ластонька, мы же так тебя ждем!» И хотя мама говорила очень тихо, Ниночка отчетливо слышала все, каждое слово касалось ее сердца и заставляло его биться чаще. Посте-

пенно мама успокоилась, задремала. Уснула и Ниночка.

Но совсем рано утром, еще почти ночью, она услышала голос кого-то родного (она чувствовала, что роднее и быть не может), кто любил ее уже давно, всегда, голос, который ей, казалось, она слышала очень часто, но не знала, чей он. «Уже пора, Ниночка!» И вдруг ей показалось, что мир, где она жила, стал быстро-быстро увеличиваться, а сама Ниночка становилась все меньше и меньше, пока... «Ах! Я падаю!» Но тут мягкая волна подхватила, погладила ее, подняла и нежно опустила. Потом следующая волна, уже больше, стала раскачивать ее. И еще волна, и еще! Волны все выше и выше поднимали Ниночку и тут же осторожно ловили.

Ах, как же это понравилось ей! Эти, теперь уже гигантские волны, нежили, пестовали ее, устремляя как можно выше и опускающая на самую глубину. И чем больше они становились, тем радостнее было Ниночке. И когда она почувствовала, что больше радости уже и быть не может, этот голос, роднее родного, сказал ей: «Иди, Ниночка, иди!» «Ах, я знаю, чей это голос! — подумала Ниночка. — Я иду! Иду!» И последняя

самая сильная волна подняла ее, невообразимый свет вдруг ослепил Ниночку, и ей так и не удалось увидеть, как она появилась в этом, уже другом мире.

«Я ничего не вижу! Мне холодно! Я боюсь!» — пыталась объяснить Ниночка, но никто не понимал ее, всем слышался только ее громкий, хриловато-пронзительный крик: «У-а-а-а! А-а-о!» А пока она на своем языке общалась с окружающими, ее обтерли, помазали чем-то гжучим и взвесили на холодных, в виде маленькой колыбельки, весах. «Ого! Четыре триста! Посмотрите, малышка Ваша настоящий богатырь! Росла, зря время не теряла! А чуб-то, чуб какой черный да длинный! Вы уже знаете, как назовете?» И Ниночка услышала мамин голос: «Да, Ниночкой, Нинусечкой, дайте мне поддержать ее немножко!» «Она узнала меня! Узнала!» — обрадовалась Ниночка. Ее завернули во что-то мягкое и теплое и поднесли к маме. В маминых руках она согрелась, успокоилась и почти заснула. Потом кто-то Ниночку взял и понес, но она уже не волновалась. «Хорошо, что теперь они знают, что я Ниночка! — но потом ей подумалось. — А где же тогда Артаваз?»

Как Ниночка встречала Новый год

Рассказ

Наступал Новый Год, и мама закупала сладости. Больше всего Ниночка любила конфеты и шоколадки, но мама говорила, что надо есть фрукты, особенно яблоки. «От сладкого болят зубы, а в яблоках много железа и витаминов». Зубы от конфет не болели, а витаминов и железа в яблоках не было. Сначала Ниночка думала, что витамины — это маленькие черные жучки внутри, но ее сестра Алечка объяснила, что это не жучки, а «яблоковые» семечки.

Аля — старшая, ей после лета исполнится пять лет, и очень вдумчивая. Однажды она первый раз увидела гуся, тот сидел в луже и пил из нее. «Гуси полезные, — сказала Алечка, — они лужи уничтожают». Через два года Ниночка тоже станет такой же взрослой и умной, но пока Аля удивляла необычными словами и советами, и Ниночка понимала ее не всегда.

Честно говоря, в Ниночкиной жизни было много непонятного. «Витамины», «железо», «животное», «красиво», «полезно» — все эти и многие другие, ничего не значащие для нее слова, окружали, прони-

кали в ее мир, оставляя после себя удивление, вопросы, а иногда и страх.

Особенно многоречива была мама. Она рассказывала Ниночке стихи, сказки, истории, все время что-то поясняла и просила повторять за ней. Ниночка повторяла, но слова с «шипящими» и «рычащими» буквами не выговаривались. Она уставала и не специально, так получалось, что-нибудь роняла, рассыпала, мама восклицала: «Ах, какой беспорядок!» и начинала наводить чистоту. Без чистоты и порядка мама жить не могла.

Что такое «чистота» Ниночка понимала. Однажды у бабы Зины в деревне в жаркий день она из мокрой глины строила горку, глина была мягкая, послушная, но потом она высохла, съежила кожу, и руки сделались темными. Ниночка испугалась, заплакала, стала вытирать глаза и размазала глину по лицу. Пришла бабушка и из шланга для поливки вымыла всю Ниночку. «Вот какая чистота! Чисто огурец!» Руки стали беленькие, и чистота ей понравилась.

Слово «порядок» вызывало вопросы. Почему кубики должны лежать в коробке, если они только что заснули в кроватке? Почему беспорядок, когда куклы прячутся под столом? Зачем машина должна стоять в углу, если удобнее в нее садиться у кресла?

После «генерального» маминого порядка жить нужно было особенно осторожно. Зато когда приходили гости, порядок исчезал сам собой, и ничто не отвлекало Ниночку. Она бегала, подпрыгивала, пряталась и внезапно появлялась, показывала свои игрушки гостям и очень надеялась, что кто-нибудь из них догадается дать ей шоколадку или хотя бы конфетку.

Ниночка ждала Новый Год. Сам Новый Год она не видела ни разу. Когда он приходил? Какой он? Куда потом девался? Почему ему все так радовались? Это было неизвестно и неважно. Главное, что на балконе уже стоит большая елка, настоящая, вся детская комната пахнет мандаринами из коробки у балконной двери, и во всех шкафах, включая шифоньеры, припрятаны гостинцы.

Ожидались гости. Мама решила устроить детский утренник и позвала подруг с их детьми. Ниночка заранее радовалась всем: кого знала и кого не знала.

Папа из Москвы привез новогодние костюмы. Алечке — парик с длинными синими волосами, коротенькое платьице с кружевным воротником и новые туфельки с бантом — она будет куклой. Алечку подарок разочаровал. Она сделалась грустная, вздыхала, печально смотрела в окно. Принцесса — вот была ее мечта. Мама уговаривала: «Мы тебя так накресим, что станешь настоящая кукла-красавица». Алечка немного взбодрилась, но все равно вид ее выражал, что кукла, даже самая красивая, — это совсем-совсем не принцесса.

Зато Ниночка радовалась. Она сразу же начала примерять голубую пушистую шапочку с длинными, изнутри белыми ушками, меховые рукавички, тапочки и маленький хвостик. Мама надела еще на Ниночку голубой вязаный комбинезон, обычно Ниночка ходила в гости в нем, подвела к зеркалу и спросила: «Ну и кто у нас здесь?» Ниночку вопрос смутил. В зеркале она сразу узнала себя: это ее вьющаяся черная челочка, ее глазки черненькие, ее губки, щечки, только ушки спрятаны под шапочкой. «Ну, Ниночка, на кого ты похожа? На какого зверька?» — спрашивала мама. Мамины вопросы всегда были непростыми для Ниночки. Она чувствовала, что мама, задавая их, ждет не

только ответа, но всегда хочет узнать еще о чем-то важном про Ниночку, внимательно слушает каждое Ниночкино предложение и даже слово, наблюдает за ней, радуется или пытается скрыть огорчение. Ниночка часто боялась сказать что-нибудь не так, не знала, что сделать, чтобы мама всегда была довольна.

Вот и сейчас Ниночка стала думать, что сказать, чтобы мама не огорчилась. Пока она думала, сказал папа: «Ниночка, это же зайчик. Видишь, ушки длинненькие, хвостик — все, как у зайчика! Ну, покажи, как зайка прыгает!» И папа вместе с Ниночкой запрыгал вокруг мамы. «Жора, ну что ты сразу ей подсказываешь. Надо, чтобы она сама догадалась». «А она и догадалась. Правда, же, Ниночка?» «Да». «Догоняй, Ниночка!» И они убежали в детскую.

В день утренника, пока еще Алечка и Ниночка спали, привезли их троюродного брата Рому с сестрой Олей. Рома и Оля уже учились в школе: Рома третий год, Оля — первый. Они жили недалеко от Кемерово, в маленьком городке Топки. В Топках Ниночке нравилось. Там, когда они приезжали в гости, накрывался стол, отваривалась картошка, доставались соленые хрустящие капуста и огурчики. Тетя Таня, мама Ромы и Оли, пекла блины, смазывала маслицем и давала их Ниночке, чуть остудив, прямо в руку, без тарелки. С блином можно было бегать по всей квартире, возвращаться на кухню, макать его в варенье, сметану или мед и снова убежать. У Ромы с Олей жил попугай Сема, он никого не боялся, летал по комнатам, садился на голову или плечи и умел целоваться. Ниночка ждала, чтобы Сема хотя бы раз сел к ней, она замирала при его приближении, а попугай пролетал мимо. Хотелось заплакать, но Ниночка не успевала: тетя Таня вдруг вспоминала, что нужно срочно потанцевать или узнать, у кого из девочек лучше получают «лягушки», «мостики» и «шпагаты».

Пока Рома с Олей пили на кухне чай с бутербродами, Ниночка проснулась и слышала, как мама тихо им говорила, что «сегодня тяжелый день, и надо, чтобы дети, особенно Ниночка, хорошенько выспались. Она — маленькая, ей нужно много сил». Ниночка удивилась: «Если я маленькая, то почему и мама, и папа, и баба Зина говорят, что я уже такая большая девочка? И почему день тяжелый?» Она не стала долго размышлять и, чтобы веселье не началось без нее, босиком помчалась на кухню.

Гости стали собираться после обеда. Обычно Ниночка в это время спала, но сегодня ее даже не пытались уложить. Первой пришла мамина подруга по работе тетя Галя с четырехлетней дочкой Машей. Ни тетю Галю, ни Машу, Ниночка не знала, но тут же повела их в спортивный уголок детской комнаты показывать, как быстро умеет забираться по лестнице. Этот уголок был папиной гордостью: перекладины, качели, висячая лестница, шведская стенка – все было сделано его руками. Маше, конечно, тоже хотелось качаться и прыгать, но тетя Галя сказала, что нужно уже наряжаться, и все начали переодеваться.

Машу нарядили в цветастую маленькую юбку в оборках и завязали большой белый бант, а вот у Ромы появился длинный картонный нос на резиночке и остроугольная полосатая шапочка. «Рома — Буратино, — объясняла Оля Ниночке, — а я — Мальвина, видишь, какое у меня пышное платье», — и она покружилась. Алечка наблюдала издалека. «Платье пышное, — думала она, — но короткое». Она была уже в парике, и мама красила ей брови и ресницы, как у настоящей куклы. Ниночке надели ее костюм, мама сделала черным кончик носика и нарисовала по три усика на каждой щеке. «Ниночка, ты их не трогай, — попросила мама, — а то они размажутся», — и Ниночке сразу же захотелось их потрогать, она сжала руки за спиной, стала подпрыгивать на одной ножке и кружиться, но это не помогало, вот уже рука потянулась к щеке, но открылась входная дверь, и пришел папа и баба Зина. Они были краснолицые и в снежинках. «Мы во дворе встретились. Там настоящая новогодняя погода, — сказал папа, — ой, кто это такие красавицы?!» — и стал по очереди подбрасывать и кружить девочек, а Роме пожал руку.

— Люся, я такой голодный, дай что-нибудь перекусить.

— Ах, как это не во время, ты что, в ресторане не мог поесть?!

— Ресторан — это работа, а дом есть дом, могу я поесть дома?!

Ниночка напряглась, как обычно, когда они хоть в чем-то не соглашались друг с другом.

Но вдруг раздался сильный и долгий звонок в дверь, и дети помчались в прихожую. Это пришли последние гости: мамина подруга тетя Оля с дочерью Таней, Алиной ровесницей, соседка по старой квартире тетя Люба и ее дети — девятилетняя Полина и четырехлетняя Даша.

«Люся, мы пораньше, — сказала тетя Оля, — может, что помочь надо, да и вообще

дольше вместе побудем. Ой, а вы уже в костюмах. Ах, какой зайка-попрыгайка! Иди сюда, зайка! А что зайки едят?»

— Шоколадки, — сказала Ниночка.

— Нет, — не согласилась тетя Оля, — зайки едят морковки, яблочки и мандаринки.

И по одной мандаринке дала всем детям. Пока Ниночка ела мандаринку, гости ушли переодеваться, и куда-то исчезли папа с мамой. Ниночка принялась их искать, но увидела, как перед елкой кружатся Маша и Оля, проверяя, чья юбка пышнее, и стала кружиться с ними. Вдруг двери спальни открылись и появились тетя Оля и тетя Люба с черными бровями, красными губами, в длинных цветастых юбках и платках, а за ними шли три принцессы в длинных платьях. Таня — Белая принцесса, потому что у нее было и платье белое, и ободок, а вот Даша с Полиной были заморскими. Мама Люба им сшила юбки золотистые, сделала кружевные воротники, на рукавах — отвороты в бусинках, а главное — короны, настоящие короны, с приделанными к ним сзади длинными накидками.

— Вот это да! — раздался мамин голос. — Ай, да королевичны! Ну, ты, Люба, молодчина! Вот что значит уметь шить! Представляю, сколько времени ушло! Здорово! Да, Ольга, это не мы с тобой! — голос был мамин, но саму ее трудно было узнать, так смешно она изменилась: кончик носа стал, как и у Ниночки, черным, на щеках нарисовались усы, на голове появилась шляпа с лисьим хвостом, а сзади еще один хвост болтался вдоль длинной юбки.

Мама вдруг притворно улыбнулась и, растягивая слова, сказала:

— Ой, какие красивые детки собрались к нам на праздник. А знаете ли вы, кто я?

— Знаем, — закричали все, и Ниночка тоже.

— Кто?

— Мама, — крикнула Ниночка.

— Лиса-Алиса, — закричали дети.

— Узнали! Вот какие хорошие детки! Вы и подарочки, наверное, ждете?

— Да, — первой сказала Ниночка.

— А вот и не будет вам никаких подарочков! — грозным голосом, скрывая улыбку, закричал внезапно появившейся папа. Его тоже было не узнать. С нарисованными усами, в черных очках, в матроске и в шляпе, с перевернутой шваброй под мышкой, он походил не то на пирата, не то на Бармалея, но дети в нем сразу признали кота Базилио.

— Цыганки, подружки наши, — сказал папа, — идите к нам! Пусть эти дети сами ищут свои подарки. Но так и быть, мы дадим

им одну подсказку. И он вытащил из-под матроски листок. Что там было, никто рассмотреть не успел, потому что Рома выхватил его из рук и побежал в коридор.

И с этого момента все так быстро стало происходить, что Ниночка не могла ни за кем и ни за чем уследить. Рома с Олей, Полиной и Таней носились по комнатам и все переворачивали в поисках тайника с подарками. Они хохотали, кричали, подвизгивали, толкали друг друга – каждый хотел найти первым. Ниночка то подбегала к их компании, но за спинами ничего не могла увидеть, то бежала к взрослым на кухню, где они готовили еду, выпивали свой горький напиток и ели соленые огурцы, то прибегала в детскую, где Маша, наконец, добралась до спортивного уголка и раскачивалась на веревочной лестнице, а Даша, расправив юбки, чинно сидела в кресле под елкой и красила карандашом глаза любимой Алиной кукле, к которой Ниночке запрещено было даже прикасаться.

— Вот Алечка не видит, — подумала Ниночка и тут поняла, что Али нигде нет. Словно угадав Ниночкины мысли, мама громко спросила из коридора:

— Дети, вы Алечку не видели?

— Она в ванной, — сказала внимательная Даша.

Когда мама открыла дверь, Ниночка увидела Алю. Она стояла, повернувшись лицом к стене, положив голову на руки, и тихо рыдала. «Алечка, ты что, из-за костюмов? — спросила мама. Аля притихла. — Ну так нельзя. Это очень некрасиво. Так поступают только злые, завистливые девочки». И тут Аля заревела во весь голос. Мама быстро выпроводила Ниночку — «Иди с Машей покачайся» — и закрылась на защелку. Но Ниночка никуда не пошла, а осталась у двери и уже почти заплакала, но тут услышала, как мама стала успокаивать Алю. «Алечка, перестань, ты и без длинных юбок настоящая принцесса. Доченька, ты же знаешь, что в магазинах нет никаких костюмов, папа ваши-то костюмы в Москве с трудом достал. Не плачь, я вот научусь шить и тебе на следующий год такое платье сошью, что ни у кого не будет, ты у меня Шамаханской царевной станешь! Ну, улыбнись, вот и глазки размазались, давай умоемся и снова накрасим». Мама еще что-то говорила, но Ниночка не слышала, потому что все дети прибежали в коридор и стали громко кричать, что никаких подарков нет, потому что они их нигде не нашли.

— И что это за праздник такой: Алечка пла-

чет, подарков нет, и даже конфет не дают, — загрустила Ниночка, а тут еще баба Зина объявила, что никаких сладостей не будет, пока дети не поедят курицу с картошкой. А уж бабушка точно не шутила. Из ванной вышли мама с Алей, и дети пошли за стол. Когда уже почти все съели, раздался не звонок, а громкий стук в дверь.

«Кто это?» — испуганно спросил папа, и дети притихли. Стук повторился и стал еще сильнее. Пойдем, посмотрим, кто пришел, — папа взял Ниночку за руку, и они вошли в прихожую. Вдруг дверь сама распахнулась, и на пороге появился огромный, красный дед с белой бородой и усищами.

«Здравствуйте, дети!» — сказал он каким-то грубовато-страшным голосом, и Ниночка заплакала.

Но тут испугался сам дед, присел на корточки и уже другим голосом, голосом папного друга, дяди Олега, стал ее успокаивать: «Ты что, не узнала меня? Я же...»

— Дед Мороз пришел! — закричал прибежавший Рома, а за ним и все остальные. Что тут началось! Каждый пытался дотронуться до красного дедовского халата, даже за бороду дернуть, но тот быстро собрал взрослых и детей в комнату, где стояла елка, сам встал в центре, поставил табуретку, такие же, Ниночка знала, стояли на кухне, и объявил:

— Кто хочет, чтобы ему самый настоящий Дед Мороз дал подарок, тот должен встать на этот волшебный стульчик и прочитать стишок или спеть.

Первой выбежала бойкая Таня, она прочитала незнакомый Нине стих, и Дед Мороз дал ей маленькую шоколадку. Тут же образовалась очередь, дети, едва дослушав друг друга, спешили выступить сами, дед всех нахваливал и давал или зефирки, или конфеты, или маленькие игрушки. Кто-то рассказал уже по два и три раза, а Ниночку оттесняли, и очередь до нее не доходила. Правда, никакие стихи не вспоминались, но Ниночка догадалась, что главное было не в выступлении, главное было встать на стул. А на кухне, она вспомнила, стоял точно такой же табурет. Ниночка с трудом, но дотасила его до детской, поставила рядом с тем, дедоморозовским стулом (на нем как раз пела песню Полина), взобралась и стала ждать, когда, наконец, и ей дадут шоколадку. Все притихли и вдруг стали смеяться, сначала дед, потом папа с мамой, а потом остальные, и даже Аля улыбнулась. Ниночка поняла, что она сделала что-то радостное, раз кругом веселье, и засмеялась тоже.

Если бы не испачканные шоколадом пальцы, Ниночка и не поняла бы: давал ей Дед Мороз конфету или нет – так быстро она съелась.

А праздник продолжался. Дети и взрослые сначала играли в «чепуху», потом в Ниночкину любимую «Море волнуется раз», папа делал там самые смешные фигуры, и в «прятки», баба Зина поставила Ниночку за шторку на окно, и ее долго искали, и еще во что-то, и еще... Веселья оказалось так много, что Ниночка уже не понимала: весело ей или нет. И когда Таня воскликнула: «А подарки-то настоящие нам так и не дали!», а Дед Мороз ей ответил, что надо еще чуть-чуть потерпеть, Ниночка поняла, что подарки будут, и захлопала в ладоши, но уже не от радости, а потому что так сделали остальные дети.

— Снегурочка, Снегурочка идет! – кричали они, и Ниночка увидела тетю Люду, дяди Олега жену, в голубом блестящем платье и шапочке. В руках у нее был большой красный мешок.

— Подарки! Подарки!

Первый подарок тетя Люда-Снегурочка дала Ниночке. Из пакета выглядывал маленький пушистый ослик, а внизу лежало столько конфет и шоколадок, что дух захватило. «Доченька, давай я тебе оставлю две, а остальные ты съешь потом», — сказала подошедшая мама, забрала пакет и оставила Ниночке ослика, конфетку и маленькую шоколадку. Случись такое часа два назад, Ниночка непременно бы заплакала, но сейчас она только вздохнула, и быстро проглотила сладости.

Когда остальные дети получили и рассмотрели подарки, гости стали торопиться домой, попрощались и разом ушли. В квартире внезапно установилась тишина, только слышно было, как гремят тарелки, и течет вода на кухне — бабушка домывала посуду. Потом ушла и она вместе с Ромой и Олей.

Аля, уже умытая, лежала в кровати, хотя обычно искала всякие причины, чтобы заснуть позже, а мама с папой ходили по комнатам и искали собачку по имени Капля, потому что Ниночка, даже если с ног валилась, без этой игрушки никогда не засыпала. Сама Ниночка тоже искала Каплю. Она уже посмотрела во всех заветных местах: и под креслом, и под подушкой, была надежда, что Капля в грузовике, но и самого грузовика не оказалось. «Да, в таком беспорядке может пропасть, что угодно! Даже слон!» — разо-

зилась мама. «Вот он, настоящий беспорядок, — подумала Ниночка, — он что захочет, может насовсем потерять!» Наконец, папа все-таки разыскал Каплю в прихожей среди шапок, и Ниночка тоже легла. «Папа всех победит, — подумала она, — и беспорядок тоже».

Родители поцеловали девочек перед сном, пожелали спокойной ночи и ушли: мама — «разбирать завалы», а папа — посмотреть ночные новости.

Глазки Ниночкины закрылись сами, она стала проваливаться в сон, но Аля, которая не так часто обращалась к ней, спросила:

— Тебе понравился Новый Год?

Ниночка подумала: «Так я же никакого Нового Года не видела!»

— А тебе? — спросила она на всякий случай и заснула. Но тотчас ей привиделись цыганки, не тетя Люба с тетей Олей, а другие, страшные, усатые, со злыми глазами. Они летали вокруг елки, размахивая шляпами, и хотели шваброй поймать Ниночку. Она пыталась убежать, но не могла сдвинуться с места. «Мама! — кричала и плакала она. — Мама!» И проснулась. Мама, только что прибежавшая, взяла Ниночку к себе на колени, обняла ее, и стала успокаивать. «Не плачь, солнышко мое, все хорошо. Зайчик мой, киска моя, не бойся! Ложись, я тебе спинку поглажу!» Понемногу Ниночка стала успокаиваться.

— Мама, а ты, правда, шить научишься? — тихо спросила Аля.

— Ну, раз обещала, придется постараться.

— И я буду Шамаханской царевной?

— Да.

— А Ниночка?

— Мы подумаем. Может, Русалочкой, а, может, Ангелочком.

— Ей Ангел больше подойдет.

— Почему, Алечка?

— У нее волосы кудрявые.

— Мам, а у Русалочки – хвостик? — заинтересовалась Ниночка.

— Да.

— Как у рыбки?

— Да, как у рыбки.

— А у Ангелочка что?

— У Ангела — крылья.

— Большие?

— Большие.

— Как у голубей?

— Больше. Уже поздно, Ниночка, спи! Завтра я тебе обо всем расскажу. Спи детки.

Мама еще раз поцеловала девочек и ушла.

«Хвостик у меня уже был, — засыпая, подумала Ниночка. — Лучше — крылья!»

Елена Солодянкина

Солодянкина Елена Сергеевна родилась в 1974 году в Томске. Окончила Кемеровский Государственный университет культуры и искусств по специальности режиссер театра. Первые строчки начала рифмовать в дошкольном детстве. В 1994 году – дипломант, а в 1995 году – лауреат областного конкурса юных поэтов и прозаиков «Свой голос». Печаталась в таких изданиях, как газета «Кузнецкий край», журналы «Огни Кузбасса», «После 12», «День и ночь», книга «Поэты университета». Участница фестивалей авторской песни «Серебряные струны», «Бабье лето», «Поющие сердца». Дипломант Всероссийского фестиваля авторской песни «Бабье лето» в номинации «автор». Живет в Кемерово.

Жди меня на синей тени

***

Жди меня на синей тени,
На краю дневного света,
Где звенит луны монета
О небесных сновиденьях.

Мы пойдём на дно заката,
Где таится сказка ночи,
И посмотрим, если хочешь,
На начало звездопада.

Зацепив крыло рассвета,
Мы домой вернемся рано,
Прилетев в плаще тумана
На прозрачной песне ветра.
1994

***

Какие, скажи, тебя создали боги?
И здесь вот такая взялась ты откуда?
Одна среди пестрой толпы у дороги
Ты молча стоишь, сероглазое чудо.

Волос твоих длинную прядь шаловливо
Чудной ветерок растрепал для чего-то.
С задумчивым видом ты ждёшь терпеливо
Троллейбуса или ковра-самолёта.

Твой лик не окутан магической тайной,
И с фотомodelью тебе не сравниться,
Но в чьих-то стихах ты вдруг
встретишь случайно
Такою же девушку в платье из ситца.
1994

***

Такой красивый, благородный,
Богатый, знаменитый, модный,
Плечистый, сильный, загорелый,
Высокий, гордый, дерзкий, смелый,
Галантный, чистый, аккуратный,
И голос до чего приятный!
Веселый, умный, интересный,
Умелый, добрый, верный, честный,
Неповторимый, гениальный,
Крутой, горячий, сексуальный,

И с чувствами ко мне к тому же!..
Как жалко, что ты мне не нужен.
1994

Снегурочка

Глаза стального пасмурного цвета.
Я дочь седого старца Января.
Поэтому когда-то, кто-то, где-то
Прозвал меня Снегурочкой не зря.

Взрослея, становлюсь все холоднее.
Все крепче душу сковывает лед.
И взгляд мой все печальней и бледнее.
Когда же сказка все-таки придёт?

Тебя я в ней случайно повстречаю.
И что-то пропоёт в душе – пора.
Взлечу тогда с разбега и растаю
Над пламенем палящего костра.
1994

Колыбельная

На триста пятом этаже,
Когда ты крепко спишь уже,
По крыше ходит смело
Кот сине-чёрно-белый.
Он двухметровой высоты,
Как все нормальные коты,
С зелёными усами
И рыжими глазами.
Кот в серебристой тишине
Считает пятна на луне.
Всему тому виновник –
Транзисторный приёмник.
Там чудо-музыка слышна,
Она кота лишает сна.
Играет песня эта
С полночи до рассвета.
Но только в небе рассветёт,
Как сине-чёрно-белый кот
Уснёт, чтоб к ночи снова
К прогулке быть готовым.
Тот кот живёт давно уже
На триста пятом этаже.
Ему совсем неважно,
Что дом пятиэтажный.
1995

***

Нужна в каждом деле серьезном сноровка.
Быть может, её мне как раз не хватило.
Я думала, мне всё на свете по силам:
Плела кружева, получилась веревка.

Сижусь на столе. Черствый хлеб. Тараканы.
Не плакать бы, петь. Да про всё уже спето.
На пачке верблюдов. Закурю сигарету
И пеплом присыплю смердящие раны.

В пучок собирала целебные травы,
Огонь развела и воды вскипятила.
Но что-то в рецепте опять упустила:
Варила бальзам, получилась отравка.
8 марта 1995

Прости

Прости меня за то, что звал,
И я пришла.
За то, что после в мыслях гнал,
Не поняла.

Что свеч живой манящий свет
Не навсегда.
Что всё же слышен в крике «Нет!»
Лишь шёпот «Да...»

Что жить себе наперекор
Я не смогла.
И что зажжённый мной костер
Не дал тепла.

За то, что не нашла покой
Средь близких лиц.
Что льется горький дождь слепой
Из-под ресниц.

Что я не в силах от тебя
Себя спасти.
За то, что больно бью, любя,
Прости. Прости.
1995

***

Ты думал, я смотрю в твои глаза?
А я лишь любовалась отраженьем
Своим в твоих очках.
1995

Грэю

Грустит забытый Богом Зурбаган.
Ассоль, устав от слёз, решила замуж.
Поскольку все твердили, что пора уж
Поверить, что старик был просто пьян.

Она успела даже развестись,
Воспитывает дочь (совсем большая!),
Но каждый вечер к морю прибегая,
Как прежде ждёт, что вдруг взметнется
ввысь

Тугая ткань знакомых парусов
Немыслимого сказочного цвета.
Зачем же до сих пор блуждает где-то
Корабль из разноцветных детских снов?

Ну, где ж ты, Грэй? Пророчество забыл?
Твоей мечте теперь уже за тридцать.
Она хотела было утопиться,
Но не нашла ни времени, ни сил.

В каких тавернах ищешь ты причал?
Иль принцам наши девки не по чину?
Проснись же, протрезвей и будь женщиной!
Чем вскакивать тревожно по ночам.

Заветной ткани отыщи лоскут,
А там найдешь красивую отмазку.
Нельзя ж так просто взять,
испортить сказку.

Грин не простит, и дети не поймут.
2003

Синее

На подоконник, промелькнув
Прозрачной тенью,
Присела птичка – синий клюв
И оперенье.

Дрожит озябшее крыло.
Насыплю крошек.
Не улетай! Здесь так тепло!
Поешь с ладошек.

Застыла в воздухе душа.
И, чуть живая,
Стою, от страха не дыша
И не моргая...
2003

Возвращение

Возвращаюсь к себе.
Словно пазлы, рассыпано небо.
Восстанавливать будет легко,
все детали целы.
Соберу всех голодных и сытых,
накрою столы
И кусочки души им к обеду
раздам вместо хлеба.

Возвращаюсь к себе. Все свободны.
Счастливые лица.
Наконец-то закончен последний
спектакль на бис.
Героиня в финале без грима
спускается вниз,
Чтоб последнему зрителю
в первом ряду поклониться.

Возвращаюсь к себе.
Заждались златогривые кони.
Им давно надоел карусельно-аренный
маршрут.

К белоснежным надежд
побережьям меня унесут.
И к твоим неизбежным и нежным
безбрежно ладоням.

2003

Мышка

Мышка, не больше ромашки,
Большого слона утешала:
«Маленький! Плакать не надо!
Я здесь! Заслону и согрею!»
Слону становилось теплее...
2003

Герда

Холодом веяло с облака белого.
Милый мой, славный мой, что она сделала?
Волосы, пальцы, любимые линии –
В инее, в инее, в инее, в инее.

Бейся об айсберг, сердечко красавицы –
Лёд не расколется, Кай не раскается.
Снег не растопят потоки горячие.
Плачу я. Плачу я. Плачу я. Плачу я.

Девочка Герда. Бесстрашная. Гордая.
Горе рассыпалось градом по городу.
Боль, словно молот, колотится в голову.
Холодно. Холодно. Холодно. Холодно.

Смолкла морзянка зубная морозная.
Слёзы стеклянные. Тьма коматозная.
Сердце в груди затвердело и замерло.
Замертво. Замертво. Замертво.
Замертво.

2003

***

Милый! Стань моей игрушкой,
Теплой комнатной зверушкой,
Зайцем, пупсом, погремушкой,
Мишкой плюшевым. Тогда
Я возьму тебя за холку
И закину в шкаф на полку.
И забуду навсегда.
2003

Гүсеница

С отражением в трюмо
Пореву украдкою.
Не люби, хороший мой,
Гүсеницу гадкую.

Отползу судьбе назло
От критичных зрителей.
Мне спокойно и тепло
В коконе спасительном.

Не пытайся днём с огнём
Отыскать бегляночку.
Я вернусь к тебе. Потом.
Если стану бабочкой.
2003

Два сердца

Подарила тебе два сердца –
Глиняное и живое.
Живое разбил легко,
А глиняное хранишь...
2003

Так хочется любви...

Так хочется любви... Ну, дай любви!
Ты думаешь, что лучше встретишь где-то?
Взгляни, скажи хоть слово, позови,
И я, как говориться, на край света!

Ну, дай любви! Мне так она нужна!
Малыш, ведь я же лучше, чем собака!
Возможно, я – неважная жена,
Но классная любовница, однако.

Пойми, ты предназначен мне судьбой!
Не зря же ты приснился мне в сочельник.
Ну что ты всё качаешь головой?
Не дашь любви? Ну, дай хотя бы денег!
2004

Тень

Мне тебя уже не надо,
Только тень
Ходит следом, бродит рядом
Каждый день.

Мне чирикнуть бы два раза
И – в полёт.
Только тень твоя, зараза,
Не даёт.

Как стена, встаёт у крыльев
На пути.
Или стань реальным, или
Отпусти.
2004

***

Не привязывай меня. И не связывай.
Наши разные пути, судьбы разные.
В нашей крохотной любви одноразовой
Пусть не ранит зов тоски недосказанной...
2004

Новый год

Новый год мы встретили вдвоём.
 Угощала я тебя вином,
 Курицей, салатами и тортом.
 Я сидела в кресле чуть потёртом,
 Ну а ты – напротив, на диване.
 Мы пытались выдумать название
 Нашей странной и ненужной встрече.
 Все печальней становились свечи.
 Было все банально, тихо, просто.
 Я пыталась задавать вопросы.
 Ты надолго? Или на ночь только?
 Я к тебе привыкла не настолько...

Новый год мы встретили вдвоём —
 Я и одиночество моё.
 2004

***

Чужую дорогой, с работы чужой,
 В чужую квартиру я еду домой...
 2005

***

Я слышу пенье синекрылых птиц.
 Когда морозный воздух сняв в прихожей,
 Ты лаской разливаешься по коже,
 Спугнув губами сон с моих ресниц.

Осваиваю азбуку слепых —
 Тебя читаю кончиками пальцев.
 На синюю канву в оконных пятаках
 Накладывает стужа новый штрих.

Небрежность русских пряжей теребя,
 Стряхну твои вчерашние печали.
 Как долго я жила, не замечая,
 Что мир неполноценен без тебя.
 2005

В твоих ладонях

Я лишь в твоих ладонях, мой мужчина,
 Податливее воска, мягче глины.
 Лепи — пока рукам твоим послушна...
 2005

Тропинка

Коротка тропинка
 От зимы к весне.
 Коротка тропинка
 От тебя ко мне.

Где ж ты, мой желанный,
 Долгожданный друг!
 Ветер окаянный,
 Да бурьян вокруг.

Заросла тропинка
 Сорною травой.
 Заросла тропинка
 Горькою тоской.

Что ж ты ходишь мимо,
 Слышишь — я зову:
 Помоги, любимый!
 Выкоси траву!

Проведи тропинку
 По своей судьбе.
 Проведи тропинку
 От меня к тебе.
 2005

Не жду...

Не жду тебя. Неделю за неделей.
 Всё то же расписание опять.
 В последний раз ты был в конце апреля.
 И, значит, в мае снова можно ждать.

А я не жду. Твой образ постепенно
 Стираю, заменив его другим.
 Но, знаешь, это даже не измена.
 Я — неизменна, ты незаменим.

Искусственно раскрашиваю будни,
 Чтоб каждый день на праздник был похож.
 И чтоб не ждать... Ведь так чудесно будет,
 Когда ты НЕОЖИДАННО придёшь.
 2005

***

Я ответов не сыскала
 Ни у чёрта, ни у Бога:
 Почему тебя так мало?
 Почему меня так много?
 2005

Михаил Стрельцов

Стрельцов Михаил Михайлович родился в 1973 году в городе Мыски Кемеровской области. В 1995-м окончил факультет информационных технологий Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Автор книг стихотворений «Ладонь» (1998), «Окаянная осень» (2003), «Несостояние» (2005), книги рассказов и повестей «Балкон» (2008). Публиковался в журналах «Москва», «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские Афины» (Томск), «День и Ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Бийский вестник» (Бийск), «Немига» (Минск), в коллективных сборниках и альманахах. Главный технолог научной библиотеки Сибирского технологического университета, член Союза российских писателей, Литературного фонда России и Международного литературного фонда, председатель правления Красноярской региональной общественной организации «Писатели Сибири», заместитель председателя красноярского отделения «Литературного фонда России», ответственный секретарь литературного журнала «День и Ночь». Живёт в Красноярске.

Своя скрипка

Рассказ

— Мама, я хочу скрипку!

— Опять за своё, — только и охнула мать.

Через год он сказал:

— Мама, я хочу играть на скрипке!

— Может, всё-таки отдать его в музыкальную школу? — вопрос завис в воздухе.

— Сама виновата, водила по всяким филармониям, — буркнул отец.

Дорога в музыкальную школу запомнилась как изобилие красок, солнца и грёз, они переливались, смешивались в одну невыразимую палитру счастья. Мудрая старая листва в парке в ожидании листопада приветливо перешёптывалась: «Он идёт! Он идёт играть на скрипке!»

Приземистое сероватое здание школы казалось заманчивым просторным дворцом с гулками, пронизанными звуками коридорами. Пока мать говорила о чём-то с невозможно усатым, плотным, запряжённым в португалею директором, он всей грудью, всем своим существом втягивал специфический запах недавно побелённого помещения, в который вплетался терпкий аромат лакового покрытия на инструментах. Внезапно из-за серо-зелёной двери баян закружил «Полонез», ему вторила тяжёлая поступь трубы, где-то лениво пробовал свои возможности рояль, и в неразбериху и блаженство звуков ворвалась чарующая скрипка, она заглушила всё, взорвала пространство, и он, заколдованный, медленно побрёл навстречу своей мечте. Музыка зазвучала громче и отчётливей. Заглянув в щель неплотно прикрытой двери, он увидел крохотную девочку с белым огромным бантом на голове и колышущимся в такт мелодии алым галстуком. Она уверенно прижимала скрипку подбородком и плавно водила смычком. Комната имела три окна, и солнце, казалось, врывалось со всех сторон, стремясь просветить насквозь девочку со скрипкой. Выводя звуки, девочка являлась нереальной из-за яркого светлого простора и танцующих солнечных лучей, она походила на ангела, именно ангела с алым галстуком, белым бантом и скрипкой...

Томительно и неуклюже текли день за днём, и каждый из них стал утомительной нервной борьбой человека и инструмента.

Он помнил, как впервые взял скрипку в руки, разместил между плечом и подбородком и, когда она оказалась так близко, шепнул:

— Привет! Будем дружить?

«Би-и-иы», — ответила скрипка, когда он осторожно коснулся смычком струн. Но позже она заупрямилась и стала выплёвывать скрежещущие, рвущие перепонки звуки. Он не мог совладать с ней, пот змейкой скользнул по спине и обильной росой высыпал на лбу. Что же это такое? А он-то считал, что, как только начнёт играть, скрипка сразу же зазвучит сама, выражая его чувства, мечты и надежды.

— Прекрати, терпеть не могу твоего пиликанья, — сказал отец и ушёл, это было его последнее обращение к сыну, потому что домой он не вернулся.

Они возненавидели друг друга; равнодушные скрипки, её несговорчивость выводили мальчонку из себя. Ночами он вздрагивал от утомительного, нескончаемого сна: снилось, будто он — скрипка, не совсем, конечно, скрипка, а просто неподвижный, нелепый инструмент, по которому вместо смычка водят двуручной пилой; с одной стороны за рукоятку тянет огромная скрипка с завитыми в усы струнами, с другой — тянет отец и кричит: «Прекратить! В расход! Прекратить! В расход!»

Страх заставлял кричать и выбрасывать из сна.

А сейчас он сидел за длинным обшарпанным столом, на другом конце которого лежали скрипка и смычок. Больно и горько сжималось сердце, и от тоски он смотрел в окно, где по мутно-дождливой Фонтанке уплывали в безбрежность кораблики из жёлтой листвы. Коридоры оказались пустыми, узкими и тёмными, в них не было никакой сказочности, лишь надрывно бухала труба и маршировал баян, рояль же повизгивал, словно дёрнутый за усы щенок. В соседней комнате, как и месяц назад, мать разговаривала с толстоватым директором. Он не слышал, но знал, о чём они говорили.

— У вашего сына абсолютно нет слуха, — скажет директор.

А мама? Мама заплачет, она теперь часто плачет, и ничего не скажет. Подсознательно он чувствовал какую-то связь с исчезновением отца и отсутствием слуха у себя.

— Предательница! — прошипел мальчик, скосившись в сторону невозмутимой коричнево-глянцевой скрипки. — Если бы не ты, если бы ты не упрявилась, папа бы от нас не уехал.

И тут он внезапно понял, почему у него ничего не получилось. Просто это была НЕ ЕГО СКРИПКА! У каждого должна быть своя скрипка, и только тогда она будет играть, как у той пионерки с бантиком. Просто ему дали НЕ ТУ СКРИПКУ! Жестокость обмана потрясла детскую душу, он ещё долго сидел, разглядывая, как река медленно покрывается корочкой льда, — коньки заплыли на комде. И только когда вдруг, сразу, началось лето, мысли отогрелись, и он решил искать. Где-то есть ЕГО СКРИПКА, она лежит и ждёт, ждёт гармонии воссоединения со своим хозяином.

И он искал. Месяцы, годы... Первой попала на глаза скрипка двоюродного дяди. Ох, как загорелись глазёнки! Как безжалостно и торопливо он схватил инструмент за гриф, словно душащий жертву «кулак». Пройдясь по струнам смычком, услышав знакомые хрипы, понял — эта скрипка тоже НЕ ЕГО. Жалко, что встречалось так мало скрипок, а ему нужно было найти свою. ЕГО СКРИПКА заиграет сразу, выплеснет какую-нибудь затейливую и изящную мелодию, и тогда... тогда вернётся отец, и мама станет чаще бывать дома. В нетерпении он перебирал всё, отдалённо напоминающее струны. Так пальцы привели к гитаре.

Но гитару взрослые слушать не хотели, и он уединялся с подростками-одногодками во дворе и дёргал струны, изредка удивляясь своему голосу, потому что помнил про «абсолютное отсутствие слуха». Вскоре маленькие концерты в связи с холодами начали кочевать по разнообразным, но одинаково тёмным и компанейским подворотням и слюняво-пьяным кабакам-забегаловкам. Гитара, гитары! Сколько он передержал их в руках! Сколько натёр мозолей на пальцах о жёсткие струны!

Его били часто и жестоко, и он научился драться; на глазах ломали гриф об колено, но теперь всегда находился друг в потёртой до лоска кепочке, небрежно цыркающий сквозь зубы, который приносил новую гитару и говорил:

— Играй, братишка. А те скоты своё получают.

Появились «сопли» — постоянно сопровождающие, копирующие малолетки. Появились девчонки, замороженно наблюдавшие за размашистым движением пальцев по струнам, а потом покорно подставлявшие обветренные губы.

Но скрипка! Она оставалась такой же недосягаемой. Со временем мечта затуманилась,

а от возникших ясностей и понятий стала ещё неопределённой, это давило, сжимало, пригибало. И потом внезапно вспыхнуло ярким осознанием необходимости любви. Не той, мимолётной, в изобилии подаренной случайными подругами, а именно чистой, гармоничной и ЕГО, ЕГО любви. Ушедшая в детство мечта вернулась горьким признанием, что он никогда не будет играть на скрипке — никогда! Но его девушка должна владеть изысканным инструментом. И часто возникали видения: стройная, аккуратно причёсанная, в тёмном неброском платье, Она стоит у окна и играет, играет...

Как не соответствовал этот образ крикливо одетым, болтающим о шмотках подругам! Где ты, девочка с огромным белоснежным бантом и алым галстуком? Где ты, девочка, окутанная солнцем?

И он встретил её, случайно, в парке. Те же пухленькие губы, прямой высушенный нос, та же ложбинка на остром подбородке и большие тёмные глаза, над которыми вздрогнули от страха ровные чёрные брови. Давно был потерян памятный бант, и алый галстук сменили на комсомольский значок, но скрипка! сжимаемая тонкой, подрагивающей рукой скрипка в футляре!.. А он уже не тот сопливый пацан, учившийся глотать дым противных папирос и развязно цыркать сквозь зубы, его слова достаточно, чтобы трое угристых парней с «пёрышком-выкидухой» в кармане послушались.

— Посторонись, кореша. Пускай топают!

И взгляд, брошенный на долю секунды: в нём была не благодарность — нет! В нём затаилось презрение, прогнавшее напускную браваду. Она ушла, покорно прижимая к груди драгоценный футляр, спиной чувствуя раздевающие взгляды.

— А зря... Место менять надо. Сейчас мусора подвалят.

— Думаешь, заложит?

— А то... Чекистка она, батя ейный энкаведешник. А ты не знал?

— Мой отец тоже красным командиром был в гражданскую...

— Ты и сам командир, да ещё и с гитарой. Тикаем?

Рыжий с Лиговки оказался прав и даже дал нужный адрес.

Одетые в бронзу, тоскующие по старому режиму дома, хватающие трещинами плющ, уютные старички на скамейке за шахматами — и музыка! музыка! Оттуда, со второго этажа, упрятанная за чугунные перила балкона, паутину оконной занавески, она всё-таки вырывалась из-под струн! Каса-

лась тонких бледных пальцев, уходила эхом в высокие потолки и, отражаясь пространством и облаками, попадала прямо во двор, по назначению, за высокий разлапистый клён, помнящий кровавый январский бег и разухаб-гулянье прибывшего на выставку Коровьева. Там, за клёном, чуткие уши под вышарканной кепкой с чужой головы ловили каждую ноту, каждое дрожание смычка уже вторую неделю.

— Опять завела свою шарманку, — лениво скажет уютный старичок, передвигая ферзя.

— Учится девка, пусть учится, — слабо сопротивляется голос партнёра.

— Каждый день ведь пиликает.

— Ну и что?

— А зачем?

— Учится, руку набивает.

— Скажешь тоже, — старик в задумчивости сунул ферзя на край чужого поля. — Это шашкой махать — надо твердь в руке чувствовать. Заглушает она, ясно?

— Чего ей заглушать? — недоверчиво переспросил собеседник.

— Разговоры ихние бухаринские да худое про союзников, чтобы народ не услышал.

— Удумал! — уже не так смело возразил второй старичок.

— А то! Зашёл как-то... соли попросить — а на столе книжка раскрытая, — дед перешёл на шёпот. — Есенин, видал?! А на днях газетку выкинули, а там речь Самого карандашом кое-где подчёркнута. А ты говоришь — учишься! Заговор это.

Музыка оборвалась так внезапно, что подозрительный старичок вздрогнул. Занавеска всколыхнулась и пропала, скрипнула дверка, и Она возникла на балконе, высматривая что-то или кого-то во дворе. Когда их глаза встретились, он понял, что нашла. Ругая себя за неосторожность, заставившую покинуть разлапистый клён, юноша спешно ретировался, а вдогонку ему были посланы улыбка и Чайковский со струн.

Но на следующий день Он вернулся, зная, что играют именно и только для Него. Два обожаемых создания — ЕГО скрипка и ЕГО девушка — слепились в один восторг, принуждающий забыть развесёлых дружков и вечно усталую мать.

— Гляди. Ухажёр-то опять здесь, — толкнул соседа вечно проигрывающий старичок.

— Связой это. Она ему пиликаньем сигналы передаёт, — проворчал подозрительный. — Погоди, недолго им осталось.

А Он уже знал номер её телефона, по которому никто не отвечает.

Когда ждёшь солнца, а внезапно хлынет мерзкий незваный ливень, так же грустно и неуютно от оставшегося с детства чувства обиды и обмана, как и когда собираешься с духом, нарвёшь цветов с городской клумбы и на одном порыве дыхания прибежишь на ставший близким старенький дворик, стряхнёшь пылинки с лучших и, к сожалению, единственных фланелевых брюк, ожидая наслаждения музыкой и собственной смелостью, а в ответ получаешь оглушающую тишину и ждёшь, ждёшь, когда же смычок позовёт солнце. И утомительность, и неизвестность ожидания постепенно наполняются зловещей тревогой, длящейся бесконечно долго. Вот же она! — мелькнул знакомый силуэт за окном, — вышла на балкон, спешно выстрелила потускневшим взглядом во двор и скрылась, — ну почему же не играет?!

Любое терпение имеет пределы, и, достигнув такого предела, человек способен на всё, даже на решительные скачки по ступенькам и на требовательный звонок в чужую квартиру. Она как будто ждала. Массивная дверь сразу же распахнулась, и в солнечном свете предстала в строгом тёмном платье, в туго стянутой причёске, с решительно сдвинутыми над переносицей гордыми бровями, с припухшими глазками, в руке — неразлучный футляр со скрипкой. Она шагнула за порог и, прерывисто дыша, приказала:

— Идём, — отобрала увядающий букет и отбросила в сторону такого элитного мусоропровода.

Неприветливый душный вечер, перенасыщенный тревогой и пылью, стелил перед ними тротуары. Красная полоска заката на западе затянулась сгустившейся дымкой. Более часа брели по засыпающим улочкам города, вышли на Невский, где неизменный Александрий хмуро и недружелюбно наблюдал поверх Дворца за размеренным, чёрным, до бесконечности тоскливым движением Невы. Каким же ему ещё быть, если воды текут мимо траурной Петропавловки?

— Уйдём отсюда, — прошептала Она, и это были первые слова, произнесённые за время спонтанного, мрачного свидания.

Как неосторожная кошка, из-за угла прошепестел грибной дождик. Паренёк предложил было посетить кинотеатр, где разбитная Орлова пела о Волге-Волге, но вместо этого поволок спутницу к трамвайной остановке. Верная гитара почему-то стала лишней, неприятно постукивая по спине, приобрела значение желтоватого неудобного горба. А футляр со скрипкой... ох, этот непреклонный футляр, где хранились чудеса звуков,

сжимаемый прохладной девичьей рукой, почему ты постоянно возникал между ними, как только мальчишка пересиливал в себе робость и решался обнять и прошептать те слова, что звучат чепухой, но только не во сне? Нет, то не футляр и даже не скрипка. Их хозяйка не желала слов. Её походка, целеустремлённая фигура, решительное лицо — выражали неприкрытое желание отдаться на волю судьбы, но огромные жгучие глаза отталкивали пренебрежением, словно Он, человек, мечтавший играть на скрипке, был чем-то естественным, постоянным, как старая мебель, и не заслуживающим внимания.

Город уснул. Ещё слегка шелестели двери парадных, ворчливой гусеницей сворачивались за окнами мамы, только что звавшие домой всяких Маш, Коль и Свет, сиротливо поскрипывали брошенные качели, вяло зажигались и тухли глаза многоокого чудовища — Питера, позвякивал одинокий трамвай, словно крохотный колокольчик в лапе новогодней ели. Чрево парка, где он так недавно шалил с друзьями, вытрясая мелочь из карманов незадачливых прохожих, принимало их, вернувшихся из пасти дракона, не съеденных в силу ненужности и бесприютности. Скоро — знакомый дворик с вечным клёном и подступающая досада перед прощанием. Ребята поднимут на смех, если узнают, что их дружан часа три таскался с девчонкой и не только не «обломал», но едва ли перекинулся парой слов. Они шли совсем рядом, но пропасть между ними, бравшая начало в измученных, затравленных девичьих глазах, теряла свои берега за горизонтами. Пропасть ассоциировалась с музыкой, с вечной тоской Шопена и бешеным вальсом Чайковского. Что общего у гитары и скрипки? Что роднит полярную и белую ночь?

Скамейка. Простая, неказистая скамейка, над которой прохладная листва напевает свою неизменную журчащую мелодию. Скамейка, на которую они, не сговариваясь, присели. Бережно уложили инструменты: на одном краю — уставшая от болтанки гитара, на другом — строгая, образцовая скрипка в футляре. А между ними — два слегка продрогших силуэта, один из которых, повинувшись вечному долгу мужчины, накрывает плечи другого потрёпанной курткой, рискуя долго дрожать под промокшей ситцевой рубашкой. И эту дрожь никуда не деть, только выплеснуть, зажечь теплом поцелуя; уже осмелевшая рука ложится поверх плеч, уже стыдливо отворачивается месяц, перевидавший на своём веку сотни тысяч поцелуев... Но плечи уходят

вбок, оставляя в судорожно сжатых пальцах сделавшую своё дело куртку.

— Не сейчас. Не надо. Ты прости. Всё так... сложно, — она стоит в полумраке, бледнее месяца лицо, призрак спрашивающий. — Хочешь, я сыграю тебе?

Тонкие руки музыкантши, не дожидаясь ответа, торопливо раскрывают футляр, нервно и трепетно хватают смычок. Остренький, с ложбинкой, подбородок, вздрогнув, элегантно касается подушки на корпусе. Боже, какое наслаждение созерцать грациозную, полувидимую, словно несуществующую фигуру, прислушиваться к замирающему шороху листвы, отступающей перед Огинским! Музыка струится из-под пальцев, и каждый звук, вытекающий из тёмного ночного парка, неземным блищем перемигивается с месяцем и звёздами. Но что это? Фальшь? Ошибка? Мелодия перепрыгивает в визгливую браваду, руки-крылья, пламенный мотор кромсают волшебство, затем — резкое, вызывающее; кричащий от боли протеста инструмент надсадно плачет, не в силах противостоять насилию над ним. Недоумевающий паренёк хватается гитару и подхватывает знакомое:

Мурка — ты мой мурёночек.
Мурка — ты мой котёночек.
Мурка, Маруся Климова...

Испытывает ожог, наслаждение: Она — с ним, Она — Его! Но внезапно экстаз переходит в разочарование и опустошает. Зачем?! Это же мелодия не для скрипки! Гитара больше не поёт, брошена наземь.

Безжалостно прерывается дуэт и молчанием скрипки, и режущей ухо тишиной, через которую прорывается стон:

— Дрянь! Только ты во всём виновата!

— Не надо! — дрожь протыкает насквозь ледяными иголками. Он пытается хотя бы криком остановить неотвратимое.

Но взмах руки безжалостен, удар слишком силён — глянец бок скрипки врезается в шершавый ствол клёна.

«Брян-н-нг», — на прощание спели струны, и щепки метнулись во все стороны подобно встревоженным голубям.

— Зачем?! За что?!

Одна из щепок отскочила настолько далеко, что проткнула сердце, и даже слёзы, брызнувшие из глаз, не залечат эту рану.

Девушка прижалась к Нему и долго рыдала, прощаясь с юностью и музыкой. Но пропасть переросла в пустыню. Ведь это была ЕГО СКРИПКА, и Он почувствовал это. До-

статочно было бы тронуть струны, и музыка зазвучала бы сама. Это была ЕГО скрипка...

— Они посадили моего отца. Они... Сделай что-нибудь, ну! Сделай со мной! Что же ты? Топчите, вминайте! Пусто же! Противно... Не могу больше! Прости. Не провожай.

Одиноким силуэтом в чёрном платье, только что превратившийся было в дьявола, опомнившись, выскользнул, бесшумно растворяясь в ночи. Возможно, навсегда.

Оставленный на скамейке раскрытый футляр зевом гроба ожидал мертвеца. Юноша опустился на колени и с усердием принялся разыскивать во тьме частички смертельно раненного инструмента.

***

...Воеет за окном, метёт. Стучится в окно пулемётная дробь снежинок. Или опять обстрел? Холодно. Высохшие пальцы с узелками вен тщетно пытаются согреться о бесчувственный бок буржуйки. Слава Богу, голод пока отступил, затаился. Но холодно! Старая, ошетилившаяся ветхостью шуба совсем не греет. Шуба, подаренная ещё мужем... Шаль, купленная сыном... Огонь замирает, дремлет. Узловатые пальцы перебирают треугольники конвертов. «Мама, мы вчера рыли траншеи, я натёр мозоли во всю ладонь. Но это ничего. Я просто представил, что лопата — это моя скрипка, она играет, делает своё дело. Винтовка тоже скрипка, мама. Она так же надёжно упирается в плечо. Как ты там? Не волнуйся, вскоре мы разорвём кольцо вокруг города. И начнут возить продукты. Но всё-таки почему-то страшно. Не представляю, как я буду стрелять. Может быть, тот, кого я убью, смог бы починить мою скрипку?..»

Мелкие бегущие бугорки огня просят пищи. Толчком из желудка вылетает нож голода. Треугольники летят в пасть буржуйки, и прожорливый рыжий язык слизывает их за мгновение.

Приезжай, сынок, как можно быстрее! Одиноким и холодно в пустой квартире. Никогда не думала, что она такая просторная. Ещё бы: стулья сожрал огонь, старый сервант обменян на буханку, стол — твой письменный стол! — егохватило на четыре дня. Как страшно ночь бухает артиллерией зениток. И этот вой! Это не метель, это зов в убежище. Приезжай, сынок. Только ты... остался... и спасёшь.

Трубочкой пепла свернулось «починить мою скрипку», ненасытный язык ждёт. Женщина и огонь ждут твоего приезда, а пока

обязаны кормить друг друга, чтобы жить. Непослушные, онемевшие руки раскрывают чёрный футляр, и слой пыли с его поверхности мечется в холоде пространства. Твои жёлтые от клея пальцы нерешительно мяли потухшую папиросу в тот жаркий, душный июнь. Не успели! Струны, где же струны?! Без них — как без лица, жёлтая, склеенная, с зазубринами недостающих щепочек, но целая! хрупкая скрипка вывалилась из женских рук. Почуввав пищу, язык буржуйки встрепенулся. Сейчас он погаснет, и тогда — холод, холод, смерть...

Мы ждём тебя, сынок, ты поймёшь... Где-то тут был топорик? Гудит, воеет за окном. Пасть печи хищно скалится, шипя: «Я люблю... Я люблю скрипки!» Язычок неуверенно шарит, пробуя на вкус полировку инструмента; впился, разгрыз, покрывая чёрной слюной гари. Тепло, тепло. Я жду, сынок.

Где этот трезвон? За окном? Нет, дверной звонок. Неужели почта? Скрипят под ногами пыльные половицы. Как тяжелы метры

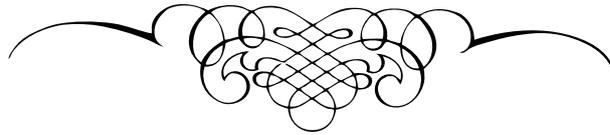
до прихожей! Как ломит суставы от каждого движения! Шуба, подобно медведю, навалилась на плечи. Огонь в одиночестве пьёт клей.

Какая-то девушка. Почему она плачет? Слезы индевеют прямо на щеках. Сейчас холод по ним заберётся в глаза — единственное, что можно рассмотреть на бледном лице, и тогда эти большие тёмные озёра превратятся в сплошной лёд. Мёртвые, заледенелые глаза, как на фотоснимке. Это не девушка! Фотография! Та самая, что стояла на ЕГО письменном столе. Те же чёрточки бровей, ложбинка на восковом подбородке, губы что-то шепчут. Мохнатая варежка скользнула по тощей сумке с эмблемой «МИН-СВЯЗЬ» и упала на порог. В руке протянутый кусочек бумаги.

Как тяжела шуба! Какой знакомый голос, ЕГО голос:

— Мама, не читай! Не мешай мне играть на скрипке!

1995

Сергей Харцызов

Харцызов Сергей Александрович родился в 1979 году в Самаркандской области УзССР. Потомок русских горняков, поднимавших добывающую промышленность среднеазиатских республик. Окончив школу, в 1997 году вернулся на историческую Родину, в город Кемерово. Поступил в Кемеровский государственный университет культуры и искусств. Публиковался в журнале «После 12». В 2001 году поступил в Литературный институт им. Горького. PR-менеджер издательства «Книжный мир». Живет в Москве.

Как трудно говорить впервые

***

Все поэты – ерундовые люди:
занимаются чем попало,
и хотят, чтоб им за это на блюде
подносили бы почёт и хлеб-сало.

Гнать их надо, болтунов, дармоедов,
оседлавших наши шеи и плечи!
Наплодили, понимаешь, поэтов!
Потому и жрать, товарищи, неча!

Вот в Китае – там с поэтами строго:
знай – рифмуй Мао Цзедуну заветы!..
А у нас писателей много,
а порядку настоящего – нету.

А у нас всю жизнь пень-колода,
то мы дух обожествляем, то плоть...
Но дрожит над нами Мать-Природа,
и качает нашу люльку Господь.
1999

***

Это стихотворенье
никому не известно.
Автор спит, укрываясь
одеялом забвенья.

Это старая песня,
это старая песня,
в ней серебряный аист
прилетает на крышу.

Автор шепчет: я слышу,
как хрустит черепица,
как на гребне адажио
балансируют связки!

Эту вечную сказку
про волшебную птицу
мне поведал однажды
Робертино Лоретти.

Беспокойные дети
не боятся земного,
им страшней привидения
и домовые.

Всё, что в мире не ново,
для детей и для гениев
происходит впервые,
происходит впервые.
2002

***
Как трудно говорить впервые
и стынуть в ужасе, пока
чужие взгляды ножевые
твои обследуют бока.

Сказать впервые – как гранату
на землю бросить и стоять,
и быть готовым, если надо,
неправый суд, как смерть, принять.

Земля тверда наполовину,
и воздух плотен, как песок,
и шёпот ненависти в спину
страшнее выстрела в висок.
2006

***

Белым эмигрантам

Когда Невою поплыл ковчег
пилота Лота или Ноя,
в России выпал первый снег,
как что-то тёплое, родное.

И вы, столпившись на корме,
всё вглядывались в даль слепую,
уже не радуясь зиме,
но будто Родину целую.

И был нелёгкок и далёк
ваш путь в несбыточные дали...
А здесь, в России, умер Блок
и Гумилёва расстреляли.
2000

***

Нынче это возможно,
хоть пока и не верится:
без порезов на коже
ампутация сердца.

Что там сердца! – теперь и
можно сделать, по слухам,
имплантацию веры,
трепанацию духа.

Мода нынче навязчива
и довлеет над вкусами –
и сердца настоящие
заменяют искусственными.

И походками бодрыми
ходят люди-обрезы,
у которых под рёбрами
мерно бьются протезы.

***

Большое небо голубело.
Больные ноги затекли.
Мария сильно поседела
от пыли всех дорог земли.

Её ветра сторожевые
умоют дождичком косым.
– Уже Вы знаете, Мария?
На Пасху, на кресте, Ваш сын...

– Сынок мой жив, его терновым
Не окорябали венком,
он снова маленький, и снова
бежит за мною босиком.

И если кто его увидит,
и если кто пойдёт за ним,
то непременно к людям выйдет
прославлен, цел и невредим!..

Глаза – как взорванное небо
в двух тёмных штолинах глазниц.
И люди ей выносят хлеба,
немного денег и яиц.

Она не может жить иначе,
и в пыльных травах и репьях
всё ходит по земле, и плачет
о всех убитых сыновьях.
2000

***

Ямб – это яма.
Ямб – это высь.
Стихи писать непросто,
не можешь – не берись.

А как же не браться,
когда от обид
горло, как рация,
хрипит и хрипит.

Горло, как рация.
Передаём:
Рим, я Гораций,
как слышишь, приём.
Друзья ли, враги ли
почти победили,
в могиле Вергилий
и Цезарь в могиле.
Защитники, струсив,
зарылись в постели,
и гордые гуси
на юг улетели.
Я сильно рискую,
являясь поэтом,
меня пеленгуют
и глушат при этом.
Захвачены почта,
вокзал и таможня.
Мы сделаем всё, что
уже не возможно
сделать,
но мы, как всегда победим!
Как слышишь, Гораций, я Рим!

***

Как хорошо, до света выйдя,
промяться босовью подошв!
Я нынче в вещем сне увидел,
как ты меня переживёшь.

А ты сегодня встала рано.
Зачем так рано ты встаёшь?
Как удивительно и странно,
что ты меня переживёшь!

Поди умойся той водицей,
что я принёс из дальних роц.
Прости меня, что так случится,
что ты меня переживёшь.

Давай споём, как прежде пели,
я так люблю, как ты поёшь
про сад, где яблоки спели,
где ты меня переживёшь.

Где всё могло бы быть иначе,
как никогда не может быть.
Не плачь, покуда ты не плачешь,
я буду жить, я буду жить.

***

Природы глупая потеха –
трёхвековая жизнь ворон...
А нам опять со свадьбы ехать
на скорбный праздник похорон,

Всерьёз грустить, скорбеть вполсилы:
чужой покойник – пыль в горсти;
в долг плакать, в долг копать могилу,
идти за гробом, гроб нести...

И, выкопав другого для,
вдруг осознать, застыв над нею,
что с каждым разом всё роднее,
всё неоткупнее земля.
1998

***

Я подобно траве сорной
из родимой земли вынут,
и теперь мои бледные корни
на враждебной земле стынут.

Поливает меня дождик,
приглушив барабан грома.
Он шепнул мне вчера: «Что ж ты
не остался расти дома?»

Он сегодня пришёл рано,
как всегда, струи слёз льющих.
Я ему показал раны –
он заплакал ещё пуще...

Вместо крови из ран – самой
безутешной тщетою – юмор.
Тем и жив я ещё, Мама,
что не верю, что я умер.

Говорят, всё в судьбу канет.
Что ж, я стану ещё покорней,
и в горшочке воспоминаний
попытаюсь пустить корни.
1998

Письмо

Здравствуй, мама! Где ты, как ты?
Мнёшь ногой какие травы?
Между нами лес и тракты
Богом брошенной державы.

Изумрудными коврами
в снега бешеном круженье
Мать-Тайга легла меж нами
полосою отчужденья.

Наши души так устали
пробираться в эту темень.
Я люблю тебя сквозь дали,
расстояния и время.

Но сегодня мне тоскливо,
занеможило, заныло,
будто на краю обрыва
ива корни обнажила.

И смиренно, как спасенья,
ждёт грядущего разлива,
чтоб напившись вод весенних
пасть свободной и счастливой.

Мама милая, послушай!
Сердце бьётся тише, тише...
Лишь одной любовью дышат
обескрыленные души.

И, нежнее слов не зная,
отгорев и отмечтавшись,
я пишу тебе, родная.
Твой, надежд не оправдавший,
сын.
1997

***

Голова моя на улицу растёт,
зреют думы в тесной завязи ума;
пчёлка-муза, сев на чёлку мне, сама
из пыльцы былых страданий сварит мёд.
Осень мамой в букваре, привставши на
цевки-цыпочки, дождём как из ведра
моет чёрный прослезившийся квадрат
одинокое отчаянья окна.
Закурились трубкой вечности костры,
лист не мыслим вне поверхности земли.
Что-то нынче уж особенно быстры
на расправу улетанья журавли!
Голова моя на улицу растёт.
В жизни стоит лишь задуматься, как
глядь —
наступил октябрь на горло, и вот-вот
подойдёт сезон охоты умирать.

***

Бабушка больше любила Герду
сердцем, оглохшим от воя метели.
Сказка не вымышлена: теперь-то
ясно, что было на самом деле.

Лишь зеркала со стен замечали,
как, изнуряя детскую душу,
чувства огромные и печали
узеньким горлом рвались наружу.

Но, не успев зазвучать искомым
словом горячим, вставали комом
в горле, грозили ему разрывом.
Кай был угрюмым и молчаливым.

Верьте же сказочнику! Не верьте
сказке, которую он расскажет!
Бабушка больше пеклась о Герде,
о Кае она забывала даже.

И вечерами, когда от свечки
мерзлые тени по стенам скачут,
Кай забивался в угол у печки
и плакал тихонечко там. И, плача,

смотрел на огонь, и ему казалось,
что вместо треска откуда-то слева
доносится музыка, и средь зала
вальсирует Снежная Королева.
2002

***

Николай-нидворай...
Лишь глаза озорные.
Пьяный беженец в рай
из холодной России.

Незаживший рубец
незализанной боли.
Сам се мать и отец.
Колька-Колюшка-Коля.

Чуть петух пропоёт –
мама тут же проснётся,
и в ведре принесёт
чистых звёзд из колодца.

Встанет тихо: тук... тук...
Вековая привычка!
Как сладка та водичка,
что из маминых рук!

А покуда роса
моет хмель и крапиву,
как легки небеса
и земля молчалива!

Как охота домой
после долгой разлуки!
Как сырою землёй
пахнут женские руки!..
1999

***

На баяне никто не играет,
и баян от тоски умирает.

Сохнут клапаны, слабнут пружины,
расползаются в клочья меха...
Умеревшая музыка жизни
неприлично и страшно тиха.

Мой баян поломала сестра.
Не нарочно, конечно, случайно.
Уронила, споткнувшись, и – трах! –
инструмент поразило молчание.

Но ведь он же и раньше молчал.
Заточённый в футлярной обители,
он смертельно, должно быть, скучал
без приятельских рук исполнителя.

Ветеран музыкальных трудов,
верный спутник моих походов,
завсегдатай лихих дней рождений,
новоселий и новых годов.

Ничего нет на свете печальнее,
чем сухая улыбка певца,
чей бы голос тревожил сердца,
но его обрекли на молчание.

Мой баян не ломала сестра,
ни намеренно и ни случайно:
на баяне никто не играл,
он покончил с собой от отчаянья.
2000

Неклассический сонет

Я живу в Москве на Добролюбова,
в супермаркете на Гончарова
покупаю хлеб помола грубого,
спать ложусь обычно в полвторого

Ужинаю супом с тараканами,
завтракаю чаем с мошкаррой,
и, свища дырявыми карманами,
по Москве гуляю, как герой.

В будни я работаю на дядю,
нужные приобретаю навыки.
Но, боюсь, моё здоровье сядет
до того, как сам я встану на ноги.

Из общаги после зимней сессии
вышвырнут меня Архаров с Есиным,
стану я московский сто восьмой.

Буду ночевать в моей милиции,
попаду от этого в больницу и
мама заберёт меня домой.
2001

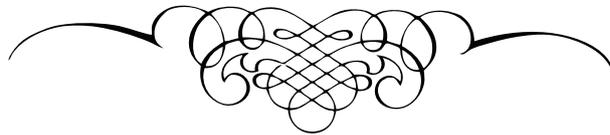
***

Мужчина должен воевать.
Хоть что, хоть собственную слабость,
но побеждать, или хотя бы
мечи для воинов ковать.

Мужчина – это только тот,
кто видел огненную вьюгу,
и жизнь хоть раз доверил другу,
и знал, что друг не подведёт.

Кто в завязавшемся бою
во имя правды и надежды
спиною, вмиг похолодевшей,
хоть раз почуял смерть свою.

Мужчина познаётся в битвах.
Он должен знать, что только там
его судьба, его молитва,
его расплата по счетам.

Владимир Каганов

Каганов Владимир Львович родился 20 апреля 1942 года в Кемерове.

Получил физико-математическое образование в Новосибирском университете и востоковедческое образование в Институте стран Азии и Африки при МГУ. Работал в научных институтах Новосибирского Академгородка, заведующим отделом Дома Ученых СО АН СССР. В 1983 году вернулся в Кемерово. Работал в Кемеровском государственном институте культуры. Как поэт и критик публиковался в литературных журналах и альманахах, в коллективных сборниках. Автор книг стихов: «Ночной разговор» (1991), «День осеннего равноденствия» (1999), «Осиянный шатер» (2006). Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Мы – современники друг друга

В бесконечной сложности природы
Мы крупницы правды узнаём.
Нашей жизни призрачные годы
Этому познанию отдаём.
Но глубокий омут мироздания
Тайны заповедные хранит.
Годы нашей жизни и познания
Он в себе бесследно растворит.
Миллионы лет пройдут и канут,
Миллионы жизней промелькнут.
Чем они в конце эона станут?
Кто их призовет на Страшный Суд?
2006

***

Гармония, рождённая из хаоса,
Нас привлекает властью неземной,
И в море бытия, подобно парусу,
Зовёт в недостижимый край родной.
В стихии, неподвластной силе разума,
Рождаются порою, как цветы,
Волшебные созвучия и фразы,
Произведенья дивной красоты.
И, может быть, во имя их творения,
Чтобы явил себя их чудный свет,
Живёт и развивается Вселенная
Бесчисленные миллионы лет.
2006

***

Мы – современники друг друга.
Не Пушкина, не Мандельштама,
А тех, кто нашей жизни круга
Коснулся косвенно иль прямо.
Мы – современники друг друга.
И мы зависим друг от друга.
Мы вместе общий мир творим
И связаны незримо им.
2006

***

Сквозь сумеречное сознание
Я слышу пенье Аонид,
И лепестковое дыханье
Глаголы новые творит.

Что выразить они стремятся,
О чём блаженно мне поют?
Миры незримые творятся,
Вливаясь в вечности сосуд.

Миры, что просияли в слове
И улетели в никуда,
Хранили тот же свет в основе,
Что в мрак ночной струит звезда.
2006

***

Голос дождя в диалоге с листвой,
С крышей, с асфальтом, с травой,
С телом моим и с моей головой,
Но не со мной, не со мною.

Впрочем, и я в эту речь вовлечён
Чувствами, слухом, сознанием,
Кожею влажной к дождю приобщён
Или, скорее, дыханием.

Что человеческой речи поток
Перед живым разноречьем?
Разум от жизни природы далёк,
Ливнем небес не отмечен.

Голос дождя от сознания скрыт,
Телу и чувствам он ближе.
Разум пред ними бессильно стоит,
Бусины слов своих ниже.
2006

Призвание поэта

В синем или в чёрном окоёме,
В звёздном или в солнечном краю,
Жив поэт в своём духовном доме,
Словно в первосозданном раю.

Чтобы сердце жить не перестало,
Чтоб не перестала жить душа,
Как сопротивление металла,
В нём стихи рождаются, дыша.

Под высоким напряженьем века
Он перегорает иногда,
Но своё призванье человека
Он не променяет никогда.
2007

***

Слово Божье звучит,
Пробуждая умолкнувший Храм,
И струится в веках
Золотое вселенское время.
И миндальная ветка,
Звучащая, как Мандельштам,
Вдруг в стихах расцветёт моих,
Радуя новое племя.
2007

***

Волны моря струятся – волна за волной,
Разбиваясь в излёт, без исхода.
Почему-то я чую в них вещей душой
Бессловесную муку природы.
Словно что-то хотели они донести
До цветущей земли издалёка.
Словно жители моря хотят нас спасти
От какого-то грозного рока.
2008

***

Лето тихо сомкнуло глаза
И ушло в амнезию, в беспамятство.
Осень, гибкая, как лоза,
Обовьёт его тело сладостно.
Замерцает звёзд Зодиак
В чёрном бархате, словно свечи.
И взлетит журавлиный косяк,
Унося мою душу далече.
2008

***

Снова осень поплыла по миру,
Как большой корабль под парусами,
Медленно настраивая лиру
На печальный лад под небесами.
Увяданья запах перезрелый
Незаметно растревожил душу,
И мотив щемящий и несмелый
Прилетел и дал себя послушать.
Осень тихо льётся листопадом
Поздних мыслей и стихов последних.
Больше ничего уже не надо –
Жизнь уходит с шумом дней осенних.
2009

Сентябрь

Прохладою небес окутались леса
И, словно виноватые, примолкли.
И стали тише птичьи голоса,
И влагой дождевой цветы намокли.
Так и душа трезвеет в сентябре,
Послушная дыханию природы,
И загодя, к назначенной поре,
В ней незаметно что-то происходит.
Бегут, бегут седые облака,
И кажется – то годы пролетают.
И стайей журавлиною строка
Моих стихов когда-нибудь растает.
2008

Исток письма

Способность видеть символы и знаки
В узоре на камнях, в сплетении ветвей,
На крыльях бабочки и в звёздном Зодиаке,
И в беге волн, и в бликах на траве
Когда-то иероглифы родила,
Чтоб чудо слова в знаках удержать,
И письменность исток тот сохранила,
Чтобы к нему могли мы припадать.
2008

Орфей и Эвридика

Ты только не смотри назад, Орфей,
На Эвридику – ведь тебе сказали,
Что суждено навек расстаться с ней,
Лишь ты уступишь боли и печали.

Ты просто верь, что за тобой идёт
Неслышной тенью верная подруга.
Опасен этот долгий переход,
Но ты не должен показать испуга.

Представь, что впереди струится свет,
Услышь далёких птиц призыв певучий.
Для смертных из Аида хода нет –
Лови, раз повезло, счастливый случай.

Представь себе, взглянув через века, –
Тебя напишет Питер Брейгель Старший!
Но эта перспектива далека –
Иди вперёд, тебе уже не страшно.

Ты слышишь – Монтеверди, Глюк и Гайдн
Тебя волшебной музыкой прославят.
Орфей, ты только не гляди назад –
Пускай тебя надежда не оставит.

Увы, увы, – не слышишь ты меня,
Мой голос до тебя не долетает.
Ты оглянулся, тень её лова, –
И Эвридика исчезает, тает...
2009

***

Эпоха Гутенберга позади.
Лишь мы, жрецы культуры уходящей,
Ещё читаем книги, но всё чаще
С тоскою и стеснением в груди.
Вокруг шумит эпоха Интернета,
CD и DVD, и дела нету,
Что миллионы драгоценных книг
Уйдут в макулатуру не за фиг.
Прошла эпоха глиняных табличек
И рукописных книг – и что жалеть,
Что потускнела переплётов медь;
Тех мастеров уже никто не сыщет.
Так и о нас, смешных библиофилах,
Потомки скажут: время их пробило.
На скромной флэшке в десять гигабайт
Кристаллы десять тысяч книг хранят.
2009

СВОЙ ГОЛОС НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Словосочетание «Свой голос» в Кузбассе — не пустой звук для детей и юношества, увлеченных литературным творчеством. В 1993 — 1994 учебном году был проведен Первый областной конкурс юных поэтов и прозаиков «Свой голос». Сотни авторов в возрасте до 24 лет включительно приняли в нем участие. Впоследствии возрастная планка была понижена — до 18 лет включительно. Такой она остается и сегодня.

В нынешнем году проведен уже Восьмой областной конкурс «Свой голос». Посвящен он 65-й годовщине Великой Победы. В соответствии с положением, на конкурс принимались как произведения тематически связанные с войной, Победой, так и раскрывающие любые интересующие авторов темы. Главный критерий оценки — художественность произведения.

Сотни участников конкурса из крупных городов и сельской глубинки опять показали, что родники литературного творчества на Кузнецкой земле не иссякают. Жюри, состоящее из профессиональных писателей, вновь убедилось, что есть среди юных авторов и не лишённые литературного дара.

Кроме областных конкурсов «Свой голос», в городах и районах проходят и местные детско-юношеские литературные конкурсы. Например, в областном центре конкурс «Свой голос. Кемерово» проводится каждый год. Отсюда видно, как серьезно в Кузбассе относятся к детскому литературному творчеству. Им занимаются профессиональные писатели, педагоги, работники культуры.

Предлагаю вниманию читателей подборку стихотворений и прозы участников Восьмого конкурса «Свой голос» и очередного конкурса «Свой голос. Кемерово».

*Иосиф Куралов,
член оргкомитета и жюри
Восьмого областного конкурса
«Свой голос»,
председатель жюри ежегодных
конкурсов «Свой голос. Кемерово»*

Свой голос, поэзия

Мария Зарегнева

13 лет, Новокузнецк

1941 - 1945

Сражались мы четыре года,
Стремясь нашествие отсечь.
Суров был скорбный лик народа,
Когда мы взяли в руки меч.

Под нашим добрым русским небом,
В кормящей нас родной глуши,
Делились мы друг с другом хлебом,
Как и частицами души.

Дни испытаний горьких длились.
Зло прорывалось к нам, как зверь.
А мы огнем любви делились
И защищались от потерь.

Четыре года воевали.
И отступила вспять война.
И нам была в великой славе
Победа высшая дана!

***

Промчался ангел
Средь белых облаков, лазурней мыслей,
Над тысячами гибнущих,
незащищенных жизнью
Промчался ангел,
не поддержанный надеждой,
Промчался ангел в светлой ризе нежной.

Промчался он – и был забыт навеки
Той силой памяти, что скрыта в человеке.
И крылья белые, задетые снарядом,
Взметнулись сверхестественным
распадом.

Война по ангелам безжалостно стреляла,
Их белоснежные одежды опалила
И разносила клочья их эфира
По впадинам воюющего мира.

И там, где ангел раненый промчался,
Полета рваный след обозначался.

Лебедушка

В волшебной сказочной стране
Есть девушка принцесса,
По красоте равна весне
И в жизни – поэтесса.
Призванью высшему верна
(О, лебедь белокрылый!)
Кружит над озером она,
Как ангел хрупкий, милый.
И взгляд, исполненный любви,
Таинственно прекрасен.
Плыви, лебедушка, плыви!
Твой путь блестящ и ясен.
Лети, сверхчистая звезда!
Крылом она махнула
И, улетающая навсегда,
Свободная, вздохнула.

Лунный цветок

Он распускается в саду лишь только ночью.
Он дышит небом, ветром и дождем.
Прекрасный образ обозначен точно
И средь травы горит огнем.

Он распускается в саду лишь только ночью.
Он дарит свет, сиянье, теплоту,
Он озарить миры ночные хочет
И светом подчеркнуть их красоту.

Узор ночной Вселенной создается.
Цветок лучистой силой напоен.
Но посмотрите: на восходе солнца
Он закрывает свой неон.

***

Хочу в небо

Все смотрю я в небо.
Птицы там летают.
Мысли вьются нежно,
О крылышках мечтают.

Будто под гипнозом
Небо представляю.
По своим прогнозам
Точно, верно знаю,
Что на небе – легче,
Нет проблем и горя.
Полетим на небо?
Окунемся в море?

***

От заката до рассвета
Будет длиться песня эта
О любви и о разлуке,
Как жила принцесса в муке,
Как училась быть одна,
Как была обречена...
Песня ход свой продолжала,
А потом она смолкала.
А принцесса уходила –
Куда, зачем – не говорила...

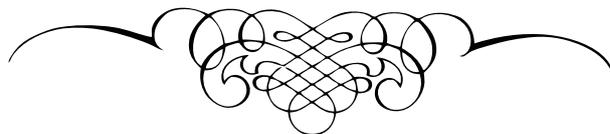
***

На закате дня
Шанс есть у меня:
В море окунуться,
Быстро искупнуться.
На закате дня
Уплываю я.
А закат со мной.
А закат за мной.

***

Вчера нашли мы под забором
Малого щенка.
Не отличался он задором,
Поранен был слегка.

Конечно, пожалели мы щеночка
И принесли его домой. И точка!
И я играю с ним, его кормлю.
И он уверен: я его люблю!

Свой голос, поэзия

Иван Медведев

13 лет, Кемерово

Капель

Звучит капель живую краской дня
И рощи жизнью наполняет,
И эта музыка меня
Как будто счастьем окрыляет.

Весенних красок переливы,
Их отраженья на снегу
Так молоды и так красивы,
Что жить без них я не могу.

Ах, как прекрасны крики птичьи
В улыбках солнечной зари,
Кричащие нам о величии
Красивой, молодой весны!

Прекрасны солнца переливы
Играют в молодой листве,
И утро раннее игриво
Всё прячется в сырой траве.

Вокруг и бабочки, и мухи
Макают крылышки в росу,
И всё живёт, не зная скуки,
И всё живёт,
И я живу!

Не торопись, без опоздания:
Всему живому важен час.
Но наше скорости желанье
Так ограничивает нас.
Баланс не должен быть разрушен!
Остановись и сердце слушай...

Гроза

А дождь идёт под грустным гнётом неба,
Играет свет от бликов встречных фар,
Деревьев зелень как-то потускнела
И гнётся под напором ветра чар.

Идут поля — бразда за бороздою,
И в них гуляет хмурая краса.
И кажется: грядущее, бывшее
Переплетаются, когда гроза.

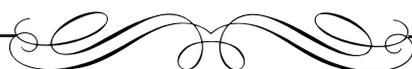
Как много видно в этом монолите неба,
Как много силы в нём, как мало суеты!
В нём видно всё, где был я и где не был,
Но только цвета палевой золы.

Тут во все стороны ещё и места много.
И можно написать историю свою,
Но лишь упрямо вдаль ведёт дорога
И в гонке этой я себя не узнаю.

А небо, будто жизни отраженье,
Оно висит там где-то, высоко.
Мы видим в нём ответы и спасенье
Живем тем, что от нас недалеко.

Двор

Мой двор, как все вокруг дворы,
Что утопали в криках детворы,
Где в свежей и полуденной тени
Те знойные пережидал я дни,
Где мяч стучал о камни и песок...
Он хмурым стал и в тишине умолк.
Здесь по утрам свирель весёлых птиц
В живой пропорции со свежестью росы
Только проснувшихся людей касалась лиц
И столько породила здесь красы.
Качелей скрип, как беззаботный вальс

На крыльях радости взлетающий до небес,
Теперь он в душу гонит мне печаль,
Когда внезапно он в глуши двора воскрес.
Деревья, что стоят, богатыри,
Держали на ветвях своих, ребят.
В душе на них ворчали в лета дни.
И вот теперь без них уже грустят
Пришла уж осень, дни забот.
И одинокий двор один стоит.
Лишь проходящий мимо пешеход
Осенних листьев танец здесь узрит.

Воспоминания лета

Бессмертные воспоминанья лета
Не стывшие в сознание моём,
И, как в листву зелёную одеты,
Деревья за светящимся окном.

И вспоминаю я о днях бесценных
Купаюсь в глубине своей души,
В природы красоты столь совершенной
И человека грешной красоты.

Те дни я вспоминаю, когда солнцем
Печет тебя и небо, и земля,
А вечные, всевидящие звёзды
Мерцают людям всем издалека.

Беспечные творенья мирозданья
Хрустальный свет чрез тьму глухую льют.
И вечно слыша наши пожеланья
Их в ящик бриллиантовый кладут.

А ящик тот, он, как слеза, прозрачен.
И льётся из него янтарный свет.
И если в свете лучик твой утрачен,
Не видишь ты его сквозь толщу лет.

Как мотыльки, узревшие сияние,
Мы все летим, не думая, вперед,
Но, доходя дорогою к мечтанию,
Не каждый смысл счастья найдет.

И также я иду каждое утро
К светящемуся сказкою окну,
Но будто бы холодным перламутром
Затянута оно и ждет зиму.

И пусть, когда я выйду из подъезда,
Увижу листья я лишь на земле,
Немного солнца, света и надежды
За этот год накоплено во мне.

А лужи, что замерзнут очень скоро,
С хрустальным трепетом все отражают свет,
Свет солнца – властелина небосвода,
Свет звездный, что мечтанием согрет.

Туман, в котором видно много тайны,
Что ведомо ему лишь одному,
Задетый солнца лучиком случайным
Безропотно стал уходить во тьму.

А речка, что полуденным журчаньем
Людей вокруг так много собрала,
Не скована еще, но на прощание
С себя, стаями, уток погнала.

И заросли на ней плакучей ивы
Ей летом не давали высыхать.
Осталось им лишь листьями красиво
По той реке кораблики пускать.

А вся природа уж к зиме готова,
Но лучик света есть теперь во всем.
Надеюсь, лето воцарится снова,
И вместе мы с природой оживем!

Тяготенья снега

Вот снег летит под грустью фонаря,
Бесшумно на покров земли ложится,
И, безотдатно, возможно, даже зря,
Должны мы в этой суете крутиться.

Нам должно бдить, бороться и страдать
Опять наперекор другим волненьям.
И для себя препятствия искать
Во избежание души мученья.

А этот снег, далекий от земли,
Не ведавший ни воли, ни потери,
Он видит брошенные всеми фонари,
Что светят, в совершенство мира веря.

Он так летит на свет из года в год
Под тишины чарующее пенье.
И что его к земле всегда несет?
Нешадное земное тяготенье!

Свой голос, поэзия

Алена Гавышева

10 лет, Новокузнецк

***

Птицы счастья.
Какие они?
Эти птицы похожи
На светлые дни.
Эти птицы приносят
Счастье другим:
Маленьким птичкам
И птичкам большим.
Каждый птенчик
Получит от них
Перо Золотое
И радостный стих.

***

Дороги птиц –
Воздушные пути.
Крылатое создание,
Лети!
Купайся в яркой
Вечной синеве,
Неси красивый шлем
На голове.

***

Давай же выйдем
На оранжевый песок.
Он весь покрыт
Следами птичьих ног.
И ручеек здесь
Продолжает течь
Поблизости от места
Наших встреч.

***

Яркий малый петушок
Игрой занялся на часок.
Он играет с добрым папой,
Разгребает зерна лапой.
К этим зернам,
Будто к чуду,
Слетелись птицы отовсюду.

***

Собой в полете, птица, управляй,
Движения вперед не замедляй,
И воздух фиолетовых границ
Не оставит самых сильных птиц.
Вожак, ты выбрал направление вдруг.
Зови друзей, товарищей, подруг.
Осваивай пространство и маршрут.
Ты – птица. Значит, путь отменно крут.
С тобой не справятся ни солнце, ни луна,
Ни грозы, ни колдунья-тишина,
Ни пламенных созвездий хоровод,
Ни угловатый перед бездной поворот!

***

Хотел быть доброй птицей человек –
Летать туда, где создан рай навек,
Где мир живых существ не знает ран,
Где нет коварных и опасных стран.
Пусть злые силы скроются во тьму
И не приносят горя никому!

***

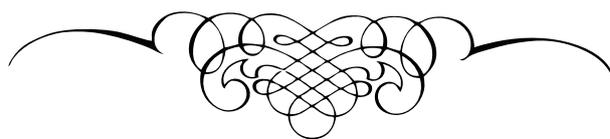
Довольны пингвины
Счастливым состояньем.
Свет и снег их радуют
Розовым сияньем.
Под хорошим пухом
Много теплоты,
И в сердцах пингвиных –
Нежные мечты.

***

В голубиной школе занятия идут.
Это очень сложный и серьезный труд.
Дисциплина строгая. Развитие ума.
Упорно изучаются научные тома.
Голубушки, голубчики имеют важный вид.
«Гули-гули-гули», — учитель говорит.

***

Папы носят корм
Птенцам и мамам.
Судьбы птиц
Затянуты туманом.
Лишь бы злыдни
Их не обижали,
Лишь бы хищники
Бедой не угрожали.

Свой голос, поэзия

Давид Кургинян

14 лет, Новокузнецк

Золото Кузбасса

Искатели опять идут туда,
Где залегают ценная руда.
И самой знаменитой из находок,
Должно быть, станет новый самородок.
Вид самородка, вес его и масса
Умножат славу золота Кузбасса.
Но между тем, богатство есть иное:
Оно как солнце светится цветное,
Не знает, где начало, где конец,
Живет в месторождениях сердец:
То щедрое сияние души.
Его лучи добры и хороши.
Соединяясь с золотом природным,
Оно становится богатством всенародным!

Мир человека

Белые мысли снега,
Синие мысли неба,
Зеленые сны лесов,
Сине-зеленые чувства моря,
Черно-белые замыслы гор,
Цветные фантазии звезд
И золотое сердце солнца
Наполняют жизнь человека.

Рождение нового Света

Промчалась комета мгновенная,
Озарилась огнями Вселенная.
Столкнулась комета с Венерою,
Стала Вселенная мутной и серою.
Огни в ней погасли центральные,
Остались лишь камни нейтральные.
Они собрались во единое целое –
Черное, синее, красное, белое.
И снова рождается свет негасимый,
Организованный высшею силой.

Растения в доме

Таится много откровений
В системах комнатных растений.
Цветок беседует с цветком.
Фиалки украшают дом.
И дарит нашим взорам радость
Узорный тонкий аспарагус.
В гостиных светятся в разброс
Бутоны пышных чайных роз.
Но здесь не только украшение,
А и проблем больших решение:
Растения из рая родом
Нас освежают кислородом,
И в помещении закрытом
Очистит воздух хлорофитум.
Алоэ в случае нарыва
Залечит воспаленье живо.
А из герани препараты
Целебным запахом богаты
И кактус, современный гений,
Нас защитит от облучений.
Так обратим свое вниманье
На эти чудные создания!

Пернатые друзья

Друзья мои пернатые,
Красивые, крылатые,
Я с детства вами любовался,
На вас похожим быть старался.
Уметь бы, как и вы, летать,
Крылатым человеком стать.
Вы подсказали мне мечту –
Освоить неба высоту.
И появился самолет,
И человек теперь – пилот.
Вы научили меня петь
И майским соловьем свистеть,
Быть утешителем сердец –
И человек теперь – певец.
Когда ж из теплых стран весной
Вы возвращаетесь домой,
У вас, во всем богатстве чувств,
Любви к родной земле учусь.
Друзья мои пернатые,
Красивые, крылатые,
Я с детства вами любовался,
На вас похожим быть старался.

Осень

Падают листья шурша,
Есть у природы душа.
Прекрасны на улице краски,
Выглядит это по-царски.
Когда же нахлынет туман,
Исчезнет листва, как обман.
Она в пелене затаится,
Но солнцем потом озарится.

Гном и его дом

Стоит возле рощицы тесной
Домик красивый небесный.
Построил красивейший домик
Один удивительный гномик.
Шапка большая и длинная,
В ней сила таится старинная.
Она прибавляет ума,
Чтоб гномику строить дома.
У него трехметровые сапоги,
Штаны велики и туги.
Нос крючком
И зубы торчком.
Он выглядит очень странным,
Все зовут его великаном.

Забывать о горе

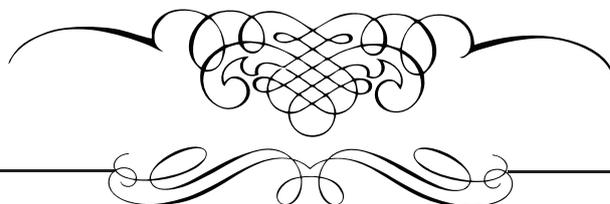
Мы все твердим тебе: «Покинь
Эту печальную землю пустынь.
Оставь ты зыбучие эти пески
И вечные чувства вины и тоски.
Пусть где-то возникнет чудесный родник,
К которому ты бы охотно приник.
Будешь ты весел и радостен там,
Привыкнешь ты к райским
зеленым местам.
Долгую жизнь обещаю нам прожить
И мысленно с нами все время дружить».

Богатство Кузбасса

Кузнецкая славится наша земля
Богатством руды и запасом угля.
Известна стране наша мощная сталь,
С заводов она отправляется вдаль.
Возможности стали у нас велики:
Она превратится в большие станки,
Во множество разных предметов для нас,
Все это дает наш могучий Кузбасс.
И сила его не погаснет в веках,
Но главная слава — в рабочих руках!

Экологические слоганы

1. Город свой озеленяй,
Чистый мир не загрязняй!
2. Горожанин! Содержи в чистоте жильё!
От этого зависит здоровье твоё!
3. Если в подъезде мусор великий,
Значит, народ обитает здесь дикий!
4. Дайте возможность цвести газонам,
Дышите их прелестью, будто озоном!
5. Не жалейте средств, чтоб очистить среду,
Иначе пожнете большую беду.
6. О счастье своем позаботимся сами:
Да здравствует чистое небо над нами!

Свой голос, поэзия

Анна Пятибратова

16 лет, Ленинск-Кузнецкий

***

Не зная о стратегии и тактике,
Ведомые загадочной судьбой
Расходятся лиловые галактики
Как мы с тобой,
Совсем как мы с тобой!

Незримо, неотступно и таинственно,
На сотни миллионов долгих лет,
Глазами, как желтеющими листьями,
Плеснув последний, опоздавший свет...

Взрослым

Не мешайте мне быть лучистой.
Непосредственной, страстной, странной,
Самой утренней, самой чистой,
Самой-самой от счастья пьяной.

Не страхуйте мне душу правдой
Очень грубой и очень грустной,
Понимаете, в самом главном
Мне самой разобраться нужно.

Не учите меня законам,
Всё равно я их все нарушу,
Всё равно не пойму преклонные
Ваши очень мудрые души.

Знаю, знаю – жизнь прихотлива,
Жизнь любого согнёт в дугу.
Но... позвольте мне быть счастливой,
Не мешайте, пока... могу.

Имя

Я повторяю чьё-то имя,
Теряют смысл календари,
И наступают рано зимы,
Презрев все правила игры.

И облаком дыханье стынет,
Врезаясь стену забытья,
Я повторяю чьё-то имя,
Как скатерть, память теребя.

Но та молчит неумолимо,
Со мной сводя какой-то счёт,
И я шепчу родное имя,
И не могу припомнить, чьё?...

Маме

Забыв запреты, быстро и упрямо
К его глазам бегу наискосок,
Прости меня, заботливая мама,
Что я забыла строгий твой урок.

Маячат по инерции качели,
Храня моё тепло ещё в себе,
По самой многоверстной параллели,
Влюблённая, спешу я не к тебе.

А ты идёшь к часам с зажженной спичкой,
И глядя в просветлённое окно
Плетёшь воспоминанья, как косички,
Остриженные мной давным-давно...

Повзрослела...

Легко спружинив бодрим телом,
Опять пушусь в нелёгкий путь,
Знакомый спросит: «Повзрослела?»
А я скажу ему: «Ничуть!»
И на дороге самой звонкой
Ко мне прибьется мальчуган
И назовёт меня девчонкой,
И передаст мне свой колчан,
И растворится в поднебесье,
Лишь только крылышками – ах!
Застрянут стрелы, словно песни
Во всех доверчивых в сердцах.
Когда вернусь, истратив стрелы,
И потеряв тугой лучок,
Знакомый скажет: «Повзрослела...»
И тихо тронет за плечо.

***

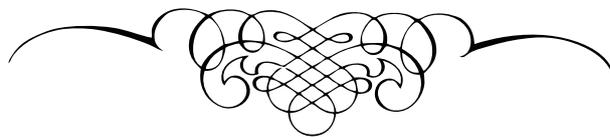
А мне уже всё надоело!
Прощай, не вини за вину,
Я взгляды и прочую мелочь
На память в платок заверну.

Прощай! Не снести мне продленья
Той грустной и странной любви
И катятся стихотвореньем
По сердцу слёзы мои.

За всё, что когда-то сумела
В ладонях тебе принести,
За всё, что когда-то посмела,
Ударь, разлюби и прости!..

Русская зима

Барчук Голицин крутит в детской глобус,
И к потолку несётся звонкий голос:
«Италия похожа на сапог!»
А русский снег ложится на порог,
И в доме потакают баловству
И наряжают ёлку к Рождеству,
Целуют на ночь шрамик на руке,
И всё это висит на волоске...
На Рождество подарки раздают,
Танцуют гости, а внизу поют,
В людской, развеселившиеся слуги,
И только снег царит во всей округе...

Свой голос, поэзия

Елена Юрьева

17 лет, Тайга

***

Не дано мне знать о войне
И о тяготах пыльных дорог,
Но я вижу, как плачет мой дед
И бинтует остатки ног.

По ночам зубами скрипит,
Матерится и рвется в бой.
В черной рамке портрет стоит
Медсестры, заслонившей собой.

У нее ведь тоже могли
Внуки быть, такие как мы,
Но, еще не рожденных, их
Замели четыре зимы.

Заметелили в шквальном огне –
Не вернуть никого домой.
Сквозь победную музыку мне
Слышен бабий протяжный вой.

На защиту в той страшной войне
Встали все за Родину-Мать,
И чтоб внукам моим обо мне
Не пришлось такого писать!

****

Много песен про иву плакучую –
Символ женской души растревоженной.
Плачет ива слезами горячими
Над своею судьбой искореженной.
И рябина, до тына склоненная
Оказалась веточкой бросовой.
А дубок, голова забубенная,
Стал дубиною вдруг стоеросовой...
Вдруг – не вдруг, не имеет значения,
Разделю я с подушкой жалобы.
Дал мне Бог и любви, и терпения,
А иначе от жизни устала бы.

****

Простор бесконечный,
Перестук колес,
Пронзительное небо
Ярко-синее.
Снега по пояс,
Кружева берез,
И ели, сосны,
Как по всей России.
Но только здесь,
В моем краю родном,
К которому крепится пуповиной
Черемуховой ветки под окном –
Моя душа – мой городок любимый.

Моей учительнице

Дорогая Вера Васильевна,
Наша мама вторая, классная,
Не пропали Ваши усилия,
Когда нас учили прекрасному.

На уроках Вы с нами мучились:
Мы вертелись, как на горошине.
Ведь из нас даже самые лучшие
Не всегда бывали хорошими.

Вы душою за нас тревожились,
Отвечая на ваши вопросы,
И заботы сединками множились
В Ваших чудных, роскошных косах.

Нам со школой пора прощаться,
Стать врачом или политиком видным,
Но всю жизнь мы должны стараться,
Чтоб за нас Вам не было стыдно.

И куда б нас судьба не забросила,
Не забудем в пространстве и времени
Нашу школу 34-ую,
И под окнами сад сиреневый.

Дорогая Вера Васильевна!
Очень добрая, самая классная!
Наша мама с душою красивою,
В жизни нашей Вы — свет негаснущий!

Апокалипсис

Когда уснет луна и солнце народится,
Нам обещая длинный душный день,
Когда домой уже не воротится,
Сбежавший из глуши лесной олень,

Когда ручьи взбегут обратно в горы,
Когда рычаг отыщет Архимед,
Не слушая речей и уговоров,
Драконы вырвутся из темных жутких
недр,

Расправят крылья, чешуей блистая,
Отбросят многолетний тяжкий сон...
И переменят, будто бы играя,
Весь мир вокруг, каким бы ни был он.

О, люди! Вы, кичащиеся властью,
Ничто, в сравнении с разгулами стихий!
И стоит ли, пылая жаркой страстью,
Жить, умирать и плакать под стихи?!

Другой

Хочу дышать как раньше –
полной грудью,
Стряхнуть с души весь груз прожитых лет,
Хочу сбежать подальше: на распутье
Стоять – и днем и ночью – мочи нет.

Хочу уйти монахом бедным в горы,
Хочу закат любить и обнимать,
Хочу страдать и ждать...
ну что вы, что вы...
Ужели вам дано меня понять?

Ведь даже мне порой непостижимы
Все темные углы души моей;
А для людей они недостижимы,
Как тайны неизведанных морей.

Моя душа измучена в неволе,
Но крик ее не слышен для других;
Хочу испить до дна всю чашу горя
И приструнить свой непокорный стих.

Умолкни, муза горя и печали,
Пойми, что в мире радость есть и свет.
Прости, как ближним мы своим прощаем,
Мы – странники чужих пылающих планет.

Свой голос, проза

Кирилл Карпов

17 лет, Мариинск

Война никогда не меняется

Рассказ

У следователя Скворцова выдалась жаркая неделя: сначала ограбление банка, потом нападение скинхедов на таджика, он умер сразу, а вот попавшийся под руку школьник — в реанимации. Ему пришлось приостановить это дело, начальник тонко намекнул, что у одного из подозреваемых отец депутат. А теперь ему звонят и говорят, что подозреваемые были расстреляны у входа в метро, и он бросает все и мчится на осмотр трупов.

Криминалисты приехали первыми, после милиции, а за ними и дежурный следователь.

— О, Скворцов, здорово! — его узнал один из криминалистов.

— Привет, ну и что тут у нас?

— Четыре трупа, все с огнестрелом, два в сердце, один в голову, и один два раза в живот.

— Нормально...

— Это еще не все, стреляли из «маузера», гильзы тут же валяются, но самое интересное: свидетели утверждают, что стрелял старик.

— Хм, старик, а ты откуда знаешь?

— Опера рассказали.

— Ладно, ты мне потом результаты пришли, а я кое-куда сгоняю.

— Ладно, бывай.

Попрощавшись, Скворцов спустился в метро.

***

Сегодня в квартире Заклятова Семена Петровича играла музыка — хоронили его единственного родственника, внука. Вместо классической похоронной музыки на весь подъезд играл рок, на этом настояли друзья Павла. Разъяренные соседи прибежали на шум, теперь уже не так сильно известной группы «Ария», но тут же успокаивались, узнав, что случилось.

Я вижу как закат стекла оконные плавит,
День прожит, а ночь оставит тень снов в углах.

Мне не вернуть назад серую птицу печали,
Все в прошлом, так быстро тают замки в облаках.

Друзья Павла обступили гроб.

Там все живы, кто любил меня,
Где восход как праздник бесконечной жизни,
Там нет счета рекам и морям,
Но по ним нельзя доплыть домой.

Закрыли крышкой. Подняли покойника, процессия двинулась.

Возьми меня с собой пурпурная река,
Прочь унеси меня с собой закат.
Тоска о том, что было, рвется через край,
Под крики серых птичьих стай.

Музыка перестала действовать на нервы соседям, как только вынесли гроб из подъезда.

Семён Петрович вернулся домой через час с лишним, бледный как сама смерть. Друзей внука он отправил по домам, ему сейчас хотелось побыть одному, подумать. Раздевшись в прихожей, Семён Петрович прошел в кухню заварил себе чаю, сел... Старинные часы с кукушкой мерно тикали. Семён Петрович прихлебывал чай. Вдруг позвонили в дверь. Семён Петрович открыл. На пороге стоял низкий, сухой, лысеющий и морщинистый старичок, в руках он держал пакет.

— Здорова, Сенька! — старик обнял Семёна Петровича. — Как жизнь? Где Пашка? У меня для него кое-что есть!

— Здравствуй, Федя, проходи.

Федр Иванович, друг и однополчанин, зашел в дом, разделся, поставил пакет на пол.

— Так все-таки, где Павел?

— Нет больше Павла, умер он, убили.

— Как! Да ты что! Когда похороны?

— Сегодня были. Пойдем, помянем.

Товарищи прошли на кухню, там Семён Петрович достал бутылку водки, тарелки, две стопки, поставил все на стол, колбасу, сыр нарезал и разложил по блюдецкам.

Налили, выпили.

— А как он умер, убили?

— Да, убили. Представляешь, мы этих гадов пять лет давили, а они вон, свободно ходят, и ничего им не делается.

— Кому?

— Да фашистам этим, скинхедам, чтоб они... — Семён Петрович махнул рукой. — Представляешь, шел Пашка домой, ну и увидел как эти нелюди какого-то таджика избивают, ну и вступился за него, они и его до смерти забили.

Федор выматерился.

— Дожили, знаешь Федь, я сейчас и умирать-то боюсь, во время войны так не боялся, там хоть за дело умирали, да и знал, что не бросят, похоронят, а сейчас...

— Что верно, то верно, давай еще по одной.

Налили, выпили, закусили.

— А милиция что, куда смотрит, почему ничего не делает?

— Говорят, что ни свидетелей нет, ни улики.

— Ха! Говорят! Дармоеды! Вывелись настоящие чекисты, помнишь, как нас НКВДшники трясли после того, как мы от немцев сбежали, те нас в плен хотели взять, а мы выкрутились.

— Как же такое забыть можно, я ведь тогда впервые человека убил.

— Ага, и маузер экспроприировал, он ведь до сих пор у тебя.

— Там было все просто: или мы их, или они нас. Ты лучше вспомни, как мы в атаку под польской деревней шли, запомнил, как её название.

— Еще бы такое да забыть! Наш комбат тогда впереди всего батальона чесанул, а на крыше амбара пулемет... Так он, когда его заметил, залег на доски, у соседнего дома, а это сортир оказался, разрушенный, доски подломились, и он по самую шапку в дерьмо ушел! — старики засмеялись.

— Когда деревню взяли, кинулись его искать, так по мату и нашли, на всю деревню орал.

— Ага, а потом еще с ним целую неделю находиться нельзя рядом было, запах страшнее любого химического оружия. Давай еще по одной.

Налили, выпили, закусили.

Семён Петрович посмотрел на часы, было полшестого.

— Ты извини меня, Федь, но больше я не буду, дела, да и завтра Девятое мая.

— Да, День Победы.

— Ну, вот, как обычно, на том же месте и встретимся.

— Ну, ладно, дела, так дела.

Федор, собравшись, ушел, оставив Семёна Петровича одного. В прихожей остался лежать пакет, подарок Пашке, но он ему был уже не нужен. Семён Петрович не стал вглядываться в пакет... Вместо этого он сходил на кухню, взял иголку с капроновыми нитками и ножницы, отнес все в зал и кинул на кресло. Сходил в спальню и принес коробку из-под обуви...

В этой коробке у старика еще с самого срока пятого года хранился немецкий маузер в кобуре и заряженный магазин к нему. Семен Петрович достал пистолет из кобуры и вставил в него магазин, перезарядил, и воспоминания вновь нахлынули на него.

***

Он стоял на коленях перед немецким офицером, державшим его на мушке, рядом сидел Федька и снимал сапоги, за ним следил автоматчик, еще один обыскивал лежавшего недалеко мертвого красноармейца. Вот Федька снял один сапог и отдал его автоматчику, во втором у него был нож. Федор подмигнул Семену Петровичу, и тот напрягся, офицер заметил это и что-то сказал. В это время Федька выхватил нож из сапога и метнул его в горло автоматчика, тот, захрипев, упал. Офицер хотел выстрелить в пленного, Семен успел сбить его с ног ударом головы в живот. Второй автоматчик начал стрелять, Федор откатился за труп немца и, не снимая с него автомата, дал очередь в ответ, пули прошли второго немца. Тем временем Семен боролся с офицером, тот никак не мог выстрелить, но и ударить себя не давал, оба лежали на земле, Семен сверху. Офицер выхватил нож и попытался ударить в бок, Семен перехватил его руку, другой он прижал ладонь немца с пистолетом к земле. И принял, как ему тогда казалось, единственное верное решение — начал как собака грызть глотку немца. Расправившись с ним, он вырвал из рук немца пистолет и сорвал с тела кобуру.

***

Передернув затвор, Семен Петрович поставил пистолет на предохранитель и положил его рядом. Взял в руки кобуру, ножницами отрезал ремешок, оторвал крышку-приклад и с правого бока проделал ножницами дырки не сразу, но проделал. Затем взял свой плащ, распорол правый карман, просунул в него кобуру и за проделанные дырки пришел к плащу. Встал, надел, засунул в карман пистолет, попробовал пару раз достать, получилось довольно ловко.

Семен Петрович прошел в прихожую, обулся, застегнул плащ, надел шляпу, посмотрел в зеркало. С той стороны зазеркалья на него смотрел пока еще крепкий, сухой, седой, уса́тый человек с карими глазами. И во взгляде этом было нечто зловещее. Выходя из подъезда, Семен Петрович чуть не столкнулся с соседкой.

— Извините.

— Да ничего, Семен Петрович. А куда это вы?

— По делам.

Пройдя несколько метров, Семен Петрович спустился в метро, хорошо, что станция рядом, сел на поезд и на следующей станции вышел. Поднявшись на поверхность, Семен Петрович нос к носу столкнулся с убийцами своего внука.

«На ловца и зверь бежит», — подумал ветеран.

— Ты че, дед? Ослеп? — крикнул на него один из скинхедов.

— Не слепее вашего! — Семен Петрович сказал это с такой яростью и ненавистью, что бритоголовые оторопели.

— Ну, ты, дед, и козел! — ответил ему один из них, разминая кулаки, у остальных заблестели глаза в предвкушении крови.

И тут произошло то, чего новоявленные фашисты никак не могли предугадать. Старый ветеран выхватил из кармана пистолет, снял с предохранителя и выстрелил четыре раза, все пули нашли цель. Первый скинхед свалился с дыркой в голове, двое других с пулями в сердце, еще один получил пулю в живот и теперь корчился на земле, еще один выстрел прикончил его. Сам же стрелявший скрылся в узких переулках соседних домов.

Через полчаса Семен Петрович вернулся в квартиру, бледный, уставший. Снял плащ и шляпу, разулся, прошел в зал, сел в кресло и уснул.

***

Следователь направлялся к дому Семена Петровича Заклятова. Поднялся на второй этаж, нашел его тринадцатую квартиру, два раза позвонил. Никто не открывал, позвонил

еще раз, снова тишина. Тогда Скворцов толкнул дверь, на удивление она оказалась не заперта. Старика он нашел в зале спящим.

— Семен Петрович, просыпайтесь! — никакой реакции.

— Семен Петрович... — Скворцов толкнул его в плечо, тело сползло с кресла.

Скворцова как током ударило, он подскочил, усадил старика в кресло, пощупал пульс, его не было, вызвал скорую и начал оказывать первую помощь.

Минут через двадцать к подъехавшей скорой присоединились и милиция с криминалистами.

— Что с ним? — трясущимся голосом спросил следователь.

— С кем? Со стариком? Умер, от старости, сердце у него остановилось, во сне скорей всего, сам же говорил, что он спокойно в кресле лежал.

— Понятно, а оружие нашли?

— Да, он к плащу кобуру пришел, так в ней маузер и лежал, из него недавно стреляли, проведу экспертизу, скажу точно, из него были убиты скины или нет.

— Да что тут проводить, и так все понятно. Эх, жалко старика, всю войну прошел, от сорок первого до сорок пятого, и жив остался, а родню всю война забрала. Мать с отцом под бомбежкой погибли, старший сын в Афгане убит, жена его за телом поехала, как-то добралась, а потом в самолете с «цинками» и погибла, душманы со «стингера» шмальнули на взлете. Младший сын в Чечне остался навсегда, в засаду попал. А теперь вот единственный внук, тоже на войне умер.

— Ты не пил? На какой войне-то?

— Как на какой? На третьей мировой. А ты посмотри, что со страной делается: бандиты во власти, коррупция, по телевизору одна чернуха-мокруха, уголовники... На улицах вот такие гады как эти скины шляются, да и много какой фигни еще творится. Так что это война, только в ней используется другое оружие.

— Мда, с такой философией тебе в политику надо было идти, а не в следователи.

— Там и так народу как грязи, а простых рабочих не хватает.

Криминалист только хмыкнул в ответ.

Через несколько минут квартира Заклятова опустела.

***

Возьми меня с собой пурпурная река,
Прочь унеси меня с собой закат.
Тоска о том, что было, рвется через край,
Под крики серых птичьих стай.

Свой голос, прадед

Павел Степаненко

14 лет, Белово

Письмо фронтовику

Как же мне лучше называть тебя? Давай, я буду называть тебя дядя Женя. Ведь тогда, в августе сорок четвертого, тебе не было и восемнадцати. А может, лучше называть тебя «дед»? Ведь если б тогда ранило не насмерть, был бы тебе 81 год. Да, я буду называть тебя дедом.

Я пришел бы к тебе, сел на колени, погладил бы седую голову и сказал:

— Здравствуй, дед! А ведь мы долго-долго ничего не знали о тебе. До самого 1967 года ничего, кроме похоронки.

— Так как же так случилось? — спросил я тебя.

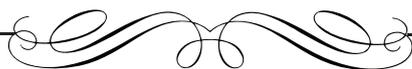
— Нечего рассказывать, — наверное, ответил бы ты, — война была. Этим все сказано. В июле 44-го мало-мальски обученных семнадцатилетних пацанов-танкистов привезли на фронт. Бои шли за освобождение Литвы. Особенно тяжело пришлось у местечка Пасваличай Биржайского района. Там воевала техника: артиллерия, самолеты, танки. В начале августа 1944 гитлеровцы организовали контрнаступление, окружили нашу стрелковую дивизию. На прорыв кольца бросили танкистов. В нашем экипаже я был радистом и пулеметчиком. Вокруг все грохочет, взрывается, черный дым, горят наши танки, немецкие, горящие люди выскакивают из машин... А я словно и не вижу этого. Моя задача — врагов бить... Танк вышел на опушку леса, где были гитлеровские артиллеристы, которые вели огонь по нашим войскам. Мы расстреляли расчеты двух орудий, уничтожили расчет одного пулемета. А потом скрежет по броне и взрыв...

Ты прижмешь меня к себе крепко-крепко. И мы будем сидеть так долго, старый солдат, оставшийся молодым навечно, и двенадцатилетний мальчик из XXI века. Я буду держать твою сильную руку и, наверное, даже заплачу. Как же так, дед? А ведь ты обязательно научил бы меня наматывать портянки, мы пели бы с тобой фронтовые песни.

— Дед, — сказал бы я, — ты ведь не знаешь, что за подвиг у литовского местечка Пасваличай тебя посмертно наградили орденом Отечественной войны второй степени? А награду эту получила твоя мать. В 1967 году школьники Биржайского района собрали материал о Великой Отечественной войне. Тогда они нашли сведения о вашем экипаже. Вот так родные узнали, где и как ты воевал и погиб.

И снова помолчим. Каждый о своем.

— Дед, — скажу я тебе, — прости нас. Ведь земля, за которую отдал жизнь, сегодня забыла тебя. Солдатское кладбище, где похоронено более пяти тысяч советских солдат, освобождавших тот район, по решению Литовского правительства перекопано бульдозерами... И я рассказал бы тебе о нашей новой стране, о новом российском флаге, гербе. Ты бы удивлялся. А космическим кораблям, атомным подводным лодкам, клонированию ты бы вообще не поверил. Я научил

бы тебя играть на компьютере. И нашей любимой игрой была бы игра «в танчики». Дед, там все остаются жить!

Может быть, я даже уснул бы у тебя на руках. И ты поцеловал бы меня, а я бы тебе, засыпая, улыбнулся: «Я люблю тебя, Дед!»

...Я смотрю на твою фотографию: безмя-

тежный парень в шлеме танкиста улыбается из очень далекого 1944 года. Это мой дед. Я написал бы ему письмо, да адреса нет. Только фамилия получателя: Кургалимов Евгений Алексеевич.

Р. С. Кургалимов Евгений Алексеевич – родной брат моей бабушки.

Немка

(Рассказ бабушки)

«Тимур поднял голову. Ах, и тут, и тут не мог он ответить иначе, этот простой и милый мальчишка!

Он окинул взглядом товарищей, улыбнулся и сказал:

— Я стою... Я смотрю... Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!»

Мама дочитала последние строчки повести А. Гайдара «Тимур и его команда». Ее голос дрожал, а мы с братьями, затаив дыхание, ждали продолжение. Уж очень не хотелось расставаться с этими удивительными ребятами из далекого военного времени. Тимур было почти 14, столько, сколько мне сейчас. А Коле Колокольчикову, наверное, было 9. Столько, сколько моему брату Даниле. Но они совсем не такие, как мы. Мне хотелось больше узнать о том, как жили, чем занимались мальчики и девочки во время Великой Отечественной войны.

Потихоньку перебираюсь в бабушкину спальню. Баба Зина еще не спит.

— Бабушка! Сколько тебе было лет, когда началась война?

— Одиннадцать.

— А что ты делала тогда?

— Училась в школе.

— Как? И всё? Война же!

— Война, — ответила бабушка. — В июле 1941 года моего отца забрали на фронт воевать с немцами. Мама увезла нас, трех дочек и сына, из Москвы в Подмосковье, во Владимирскую область.

А в сентябре мы пошли, как и полагалось, в школу. Формы у нас не было, ходили кто в чем. Не хватало учебников, тетрадей, писали отрывками карандашей. Но уроки были все: и математика, и русский язык, и физика, и физкультура. Обязательным был урок немецкого языка. Учительницу немецкого ребята не любили. Нам казалось, что она настоящая немка, а значит, враг. У нее и имя было, как нам казалось, немецкое — Эмма Леонардовна. Ее эвакуировали из Белоруссии. Она была молодой, очень строгая. Жила с больной presta-

релой матерью. Ученики буквально изводили учительницу, старались всячески обидеть. В школе детей кормили 2 раза в день. На завтрак – кусочек хлеба и горячий, чуть сладкий чай. В обед – горячая похлёбка и хлеб. Ежедневно одноразовый паек получали и учителя. Специальный врач следил за ребятами, и если кто-то из детей ослабевал от недоедания или болезни, ему увеличивали порцию хлеба. О нас заботились. Мы были напуганы. Боялись почтальона, радио, боялись спать по ночам. В обед, получив свой суп и хлеб, с кружками или железными мисками, мы бежали на школьный двор, где висел громкоговоритель, и слушали новости с фронта.

Вот однажды стоим перед школой. Зима, снег, ветер, очень холодно. Все молчат, даже малыши, слушаем диктора Левитана. И тут из дверей школы выбегает Эмма Леонардовна с котелком супа. Мы не знали, что свою порцию она относилась больной матери, а сама недоедала. Учительница торопилась послушать сообщения Совинформбюро. Она так спешила, что поскользнулась на дорожке и упала в снег вместе с котелком. Суп вылился. Вся школа ахнула: сегодня еды не будет, и старая женщина останется голодной. А мы знали, что такое голод! Эмма Леонардовна села на колени и начала пригоршнями вместе со снегом собирать то, что осталось от супа. Она очень торопилась собрать кусочки какой-то гущи. Руки мерзли, а она все собирала и собирала. Дети молчали. Как не любили мы эту старую «немку», но никто не засмеялся, не сказал ей ничего обидного. А она, словно очнувшись, поглядела на нас. Ей было неловко перед учениками за свое поведение. Она закрыла лицо руками и заплакала. И тут кто-то из старших ребят поднял котелок Эммы Леонардовны, вытряхнул содержимое и вылил в него свой суп. Котелок осторожно перешел в руки другого ученика, и еще одна порция перелилась из детской миски в учительский котелок. А потом еще и еще, пока посуда не наполнилась...

Уроков немецкого языка в этот день не было. Директор разрешила Эмме Леонар-

довне уйти домой. Но нас это не радовало. Нам было жаль учительницу и очень стыдно за то, что мы обижали её.

А знаешь, о чем мы мечтали? Хоть один разочек поесть досыта. Все детские игры, разговоры заканчивались этим. Однажды наш класс, 12 человек, сбежал с уроков. Мы пошли к своей однокласснице Лидочке Сомовой. Лидочка рассказала, что у её мамы много губной помады, а делают её из сливочного масла. Мама Лидочки помадой все равно не пользовалась. Чего добру пропадать? Вот мы и съели все шесть тюбиков. А помада разноцветная, красивая, пахнет приятно. И досталось-то по чуть-чуть, а на всю жизнь хватило. Я ведь поэтому и губы никогда в жизни помадой не красила.

Бабушка вздохнула.

— Знаешь, Павлик, война — это очень страшно. Мой отец вернулся с фронта без ноги и очень скоро умер. Брат погиб в 17 лет, в августе 1944 года, в первом же бою стогрел в танке. Лидочка Сомова умерла зимой 1943 года от воспаления лёгких, простудившись в нетопленной комнате.

Бабушка замолчала. Молчал и я. Я узнал, как жили, чем занимались дети Отечественной войны. Мне стало жалко их, жалко бабушку. Я обнял её, погладил по седым волосам и сказал: «Я обязательно расскажу это своим детям, а они — своим, а те — своим». «Расскажи, — согласилась бабушка. — Дети должны знать прошлое. По-другому нельзя».

История одной фотографии

На моем письменном столе в большой рамке стоит фотография: пятилетний заспанный и взъерошенный мальчик в пижаме на руках у большого и сильного Деда Мороза. Рядом — красивая румяная Снегурочка. Этот мальчик — я. Мы весело, искренне смеемся, особенно я.

Когда мне грустно и одиноко, я смотрю на фотографию, и печаль отступает. Когда мне хорошо, я смотрю на фото и улыбаюсь.

Это было тридцать первого декабря тысяча девятьсот девяносто девятого года, в канун необыкновенного двухтысячного. Об этом празднике так много говорили взрослые, что я ждал большого-большого Чуда.

В то утро я проснулся очень рано. На улице темно. В комнате темно. Тихо. Сначала я думал, что все забыли о празднике. Потом решил, что Новый год уже прошел, а меня не разбудили. Еще позже я вовсе придумал, что родители меня оставили и ушли в гости. Мне стало страшно, грустно и очень одиноко. Я не мог даже дойти до другой комнаты, где спали мама, папа и маленькие братья. Я тихо-тихо заплакал. Так и уснул. Даже не услышал, как позвонили в дверь. Проснулся только от веселого, громкого мужского голоса: «Здравствуйте! С Новым годом! Здесь живет Павлик?!» «Дед Мороз! Здесь, сюда! Проходите! Сейчас Павлика позовем!» —

говорил папа. Но звать меня было не надо. Я уже вскочил с кровати, быстро бежал по коридору и вопил во все горло: «Вот он я, Павлик! Дед Мороз, я здесь!» И со всего разбегу прыгнул на руки к Деду. Обнимал его, держал за бороду, смеялся. Я был такой счастливый оттого, что наступил день, мама и папа дома и Новый, двухтысячный год, — вот он, пришел. Ко мне. Взрослые тоже смеялись. Вот такими мы и «застыли» на фотографии.

Потом Дед Мороз и Снегурочка доставали из красного мешка новогодние подарки для папы, мамы, меня, братьев. Подарков было так много, что скоро в нашей небольшой комнате почти не осталось свободного места. Мы пили чай с дорогими гостями. На душе было светло, легко, радостно.

Со Снегурочкой мы пели песни про ёлку, а Дед Мороз загадывал мне смешные загадки.

Вскоре Снегурочка заторопилась к другим детям. Мы попрощались до следующего года. Но мой праздник продолжался, и ничего не могло его омрачить.

С тех пор прошло уже восемь лет. И каждый Новый год приходил к нам Дед Мороз. Я узнавал в нем то дядю Вову, то дядю Петю. Но вот тот Дед Мороз... Он настоящий. Я верю в это.

Подарок для мамы

Эта история произошла в нашей семье несколько лет назад, когда мой брат Сергей учился в первом классе. Накануне 8 Марта учительница велела детям принести на урок труда белую новую ткань: «Мы будем вышивать салфетки к маминому празднику. Постарайтесь все сделать по секрету, чтобы получился для мамы сюрприз», — сказала Оксана Викторовна.

Сергея пытал сначала папу, где взять белую новую салфетку, а для чего не говорил, молчал, как партизан. Папе это надоело, и он отказался Сергею помочь.

Тогда Сережа вступил в сговор со мной. Все мне объяснил, и мы начали решать эту проблему вместе. Вместе оно как-то быстрее получилось.

Решили так: я отвлекаю маму, а Сергей достаёт из шкафа новую скатерть и отрезает от нее столько ткани, сколько нужно. Брат у меня человек очень добрый: он решил, что хорошо бы еще и бабушкам по салфетке подарить, да еще вдруг кому-нибудь из одноклассников понадобиться.

Короче, добрую четверть он от новой скатерти отрезал. То, что осталось, свернул, аккуратно положил на место. Интересно, что мы оба были уверены, что это правильно, и мама нас похвалит за смекалку.

Салфетку Серега вышил одну, на другие сил у него не хватило. Оставшаяся ткань еще долго появлялась у нас в игрушках.

Подарок маме очень понравился. Серегу расхваливали, салфетку показывали гостям, положили на видное место.

А года через два решила мама постелить новую скатерть на стол к какому-то празднику. Оба-на! А скатерть-то порезана! Мама как-то сразу поняла, в чем дело, но вслух ничего не сказала, не ругала, не обижалась, на стол постелила другую скатерть. И только перед очередным 8 Марта серьезно сказала: «Если вы решите подарить мне к празднику что-нибудь хорошее, вот как Сережина салфетка, то помните: отличная скатерть для этого лежит у нас в шкафу на верхней полке». А потом мама улыбнулась.

Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним

В старом доме, где мы когда-то жили, был у меня друг Женька. Однажды зимой мы слонялись с другом по двору. Вдруг видим: девчонка соседская, Аня, бежит. Добежала до подъезда и упала. Мы с Женькой хихикнули, переглянулись. Тут выходит из подъезда тетя Таня с мусорным ведром. И тоже упала. Мусор высыпался. Смешно! Мы с Женькой посмеялись немножко и уселись на качели, смотреть, что же дальше будет, кто еще из-за гололеда упадет. Соседи в этот день нас радовали. Они то выходили из подъезда, то входили в него. Падали, правда, не все. Да это и не главное. Смешнее всего было то, что

каждый из них, поскользнувшись, говорил. Мы с Женькой просто ухахатывались. И надо же! В самый разгар веселья появился во дворе незнакомый пацан. Он был старше нас, да еще и с собакой! Мы этому псу почему-то не понравились. Он вырвался из рук хозяина и кинулся на нас с Женькой. Нас как ветром с качелей сдуло. Куда бежать? Конечно, в подъезд! Что было дальше, писать не буду. Собаку пацан от нас отогнал, она просто поиграть, оказывается, захотела. Женька руку сломал. Мне было его очень жалко. И пока он болел, я все время думал: «Зачем мы смеялись тогда? Может, и беды бы такой не было».

Как я в первый раз...

Каждый день человек открывает для себя что-то новое: события, вещи, знакомства. А если этот человек еще и ребенок, то вся жизнь — сплошное открытие! Я помню, как я познавал мир, в первый раз задумавшись о снах; когда вдруг заметил, что картошка растет в земле. Когда я в первый раз увидел соседского кота весом 15 килограммов, я испугался, глаза у меня точно из орбит вылезли. А когда я в первый раз встал на роликовые коньки!.. Как я мечтал о них, сотни раз представляя себя красиво танцующим и быстро бегающим на них. А надел коньки, ноги разъехались, руки вперед, и стреляю глазами, за что бы схватиться, а то ведь и упасть можно.

Я любовался сам собой, когда впервые уверенно взял на гитаре несколько аккордов подряд. Меня этому никто не учил: я увидел и попробовал сам.

Но самое большое потрясение я пережил, когда мой папа... Но все по порядку.

Мне было 9 лет. Отец взял меня с собой по делам. Дела его продолжались часа три. От безделья и мороженого я уже одурел. Наконец, поехали домой. Дорога хорошая, новая, движения вокруг никакого. Лето. Теплый вечер. Отец останавливает машину и говорит: «Садись за руль!» Главное, он мысли мои прочитал. Когда он это сказал, я думал, что у меня что-то со слухом случилось. Переспро-

сить боюсь. Дыхание остановилось. Глаза округлились. Отец меня понял: «Не бойся: я рядом буду!» Я сел за руль. Так садятся цари на трон. Отец дал время привыкнуть к месту, подладил под меня кресло. Ух, ты! Отсюда весь мой мир другой! Дорога шире, небо выше, да и сам я как-то вроде подрос. Я так увлекся этими мыслями, что пропустил слова отца о коробке передач, двигателе, приборной доске, педалях.

Очнулся, когда он укладывал мои руки на «баранке». Ох, каким же старательным и прилежным я был учеником! Повернул ключ — загудел мотор, нажал на педаль — машина поехала, сильнее нажал — быстрее поехала. Отец рядом — бояться нечего. Я словно слился с машиной. «Держи руль, — подсказывает отец. — Прямо, прямо, смотри за дорогой!». Это была песня. Сбылась мечта каждого мальчишки. Я не помню, как ехал, помню только, как переполняли и распирали меня чувства гордости, радости, хотелось громко кричать и сообщить всем о своей победе!

Позже я много раз водил машину вместе с отцом. Это здорово! Мне нравится. Но это уже совсем не то!

...Здорово, что жизнь наша так устроена: все когда-то происходит в первый раз. Здорово, что есть открытия. Это чтобы людям не наскучило жить!

Будущее, в котором я бы хотел жить

Значит так. В будущем я бы хотел стать очень известным человеком. Не хочу, чтобы обо мне писала «желтая пресса». Хочу, чтобы моя работа приносила людям радость. Поэтому я буду хорошим художником или хорошим певцом.

Я буду работать так много и хорошо, чтобы обеспечить себя, старых родителей и помогать младшим братьям.

Но мои мечты во всем зависят от будущего страны, в которой я живу. Поэтому мне хочется, чтобы в России было меньше преступлений, чтобы было спокойно, когда один идешь по вечерней улице. Чтобы не было бомжей: мне их очень жалко, и помочь не знаю как.

И пусть в будущем всегда рядом со мной будут папа, мама и братья. Здоровые и молодые. Потому что я их очень люблю.

ЛЮБИМЫЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ

Мой любимый день недели — суббота.

Во-первых, потому что в школу не надо идти к восьми часам утра. Во-вторых, потому что в этот день бывает один или два урока. В-третьих, в субботу мы собираемся всей семьёй и целый день проводим вместе. С утра мы дружно делаем генеральную уборку. Каждый убирает отведенную ему территорию. Потом завтракаем. И вот тогда начинается самое интересное!

Каждый закидывает в рюкзак полотенце, лыжные штаны и запасные перчатки. Мама

ещё берет сумку с едой. Грузимся в микроавтобус и едем сначала в лес. Там катаемся на снегокатах, жарим сосиски на костре и просто валяемся в снегу. Часа через три уезжаем из леса и едем в «Водный мир». Домой мы приезжаем к вечеру. Усталые! Данила даже разуться не может сам. Вечером мы смотрим телевизор и играем в разные игры. В этот день нам разрешают ложиться позже. Но мы так устаем, что засыпаем к часам девяти.

Разве можно сравнивать субботу с другим днем недели? Вот поэтому я и люблю её.

Моя Родина

У каждого человека есть Родина. Большая Родина — это страна, где он родился, и малая — местечко, иногда даже очень маленькое, не отмеченное на карте.

Моя малая Родина — поселок городского типа Новый городок. Это поселок, где живут шахтеры трех шахт, обогатители фабрик, врачи, учителя, воспитатели. Его начали строить в 1949 году пленные немцы. Первую улицу с двухэтажными домами назвали Гастелло, в честь летчика-героя. В апреле этого года поселку исполнится 60 лет. Последние стройки завершились в 1980 — 82 годах.

Когда я родился, шахты еще работали, перевыполняли планы обогатительные фабрики. И наш поселок был похож на зеленый сад с красивыми домами и чистыми, уютными дворами.

Но со временем две шахты закрыли. А ведь одну из них, «Западную», открывал мой дед. Несколько лет он работал там директором. Сейчас от шахты ничего не осталось: на месте когда-то большого и красивого комбината растет трава, даже угольные отвалы поросли быльем. Одна из обогатительных фабрик, где другой мой дед отработал мастером почти тридцать лет, тоже закрыта.

Наш поселок, славившийся раньше веселыми праздниками, детскими площадками, спортивными секциями, остался без хозяев, стал никому не нужен. Поэтому из чистень-

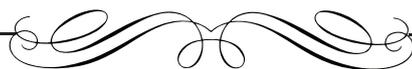
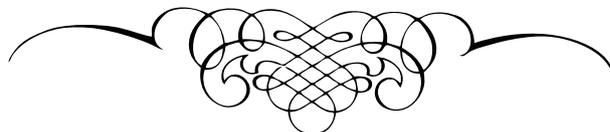
кого, ухоженного поселка он превратился в грязный, полуразрушенный населенный пункт.

Там я пошел в первый класс. Здание школы — бывший детский сад. Здесь было очень интересно, весело, по-домашнему чисто и тепло.

Когда-то мы гуляли с родителями на площади и кормили голубей, ходили купаться на озеро и собирали осенние листья в большом парке. Этого сейчас тоже нет. И я очень жалею о том времени, скучаю о ярких качелях в нашем дворе.

Три года назад родители переехали в город. Теперь мы живем в очень большом, пятиэтажном доме, в котором 12 подъездов. Большая школа, где я учусь, находится прямо во дворе дома. Конечно, в городе все не так, как в поселке: больше высоких зданий, людей, машин. Иногда даже можно сходить на концерты, театральные представления, посидеть с родителями в кафе.

Но город не стал мне родным. Я очень часто вспоминаю старый трехэтажный дом в очень зеленом дворе. Там даже снег был белее и сугробы глубже. Там можно было гонять на велосипеде, не боясь машин. Там были добрые и верные друзья-мальчишки. Маленький шахтерский поселок останется для меня главным на всю жизнь. Может быть, потому, что там осталось мое беззаботное детство.

Свой голос, проза

Анастасия Томышева

16 лет, Анжеро-Судженск

Я очень увлекающийся человек, мне нравится узнавать что-то новое, вести активный образ жизни, поэтому занималась в секции карате и рукопашного боя.

С детства мне нравились исторические книги, хотелось больше знать об истории государств, людей. Позже, я открыла мир фантастических произведений.

Толчком к серьезному изучению истории своей семьи стало участие в международном конкурсе «Купель», посвященного творчеству писателя Костюнина. Я прочитала его рассказ «Летучие мыши», где говорится о судьбе мальчика, потерявшего семью, и мне захотелось рассказать о жизненной истории своих близких. Так появились рассказы «Новая жизнь», «Дети войны».

В будущем мне хотелось бы связать свою жизнь с журналистикой. В областных конкурсах принимаю участие впервые, это очень серьезное и ответственное дело.

Дети войны

Можно сказать: «Война – это плохо». Можно приводить кучу доводов: смерти, разруха, голод... Я не буду ничего доказывать. Я лишь расскажу о жизни во время совсем недалекой войны, начавшейся...

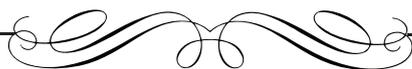
***

...летом 1941 года.

Татарская деревня — около сорока небольших деревянных домов — растянулась одной широкой улицей среди сибирской тайги. В нескольких километрах — такие же деревеньки, русские и татарские. Райцентр Яя — километрах в двадцати от города под названием Анжеро-Судженск. Этим летом война вошла в каждый дом. В каждый дом приходили повестки, не оставалось в деревнях ни одного здорового мужчины, все уходило на фронт. Пришла повестка и Ибрагиму...

В маленькой избушке было довольно темно. Ибрагим, сосредоточенный, старавшийся не показать своего расстройств, сел за бумагу. Он писал что-то на листке бумаги, окуная перо в чернильницу. Ибрагим работал бригадиром, нужно было оставить кое-какие записи для того, кто теперь останется вместо него. Столик около окна был маленький, и писать было очень неудобно. Через маленькое низенькое оконце солнечный свет еле лился в комнату, освещая уже написанную часть.

Маленькой дочурке Таслиме шёл пятый год. И в данный момент шустрая девчушка не знала, чем себя занять. Сегодня папа на работу не ездил и её с собой не брал, только сидел что-то писал. Девочка сбегала к маме, Муслиме, на ферму, поиграла со старшей сестрой. Затем, успокоившись, села подле отца и внимательно смотрела, как он выводит непонятные значки. Но спокойствие было недолговечным. Энергия требовала выхода. Маленькая Таслима придумала забаву: оперлась одной рукой на подоконник, а другой на стол, выпрямила руки в локтях. Ноги оторвались от пола. Качнулась телом: вперёд-назад. Гранёная стеклянная чернильница на столе качнулась следом в одну сторону, в другую, замерла на некоторое время, стоя на ребре, и упала, залив чернилами бумагу и стол. Отец шлепком наказал дочку и отправил на улицу.

Таслима оцепенела. Папа, любимый папа, как он мог?! Что это с ним? Папа всегда такой добрый, спокойный и рассудительный. Никогда никого из детей он не ударил, не сказал грубого слова. А младшая дочь Таслима вообще в особом положении, она ведь папина помощница: папа всегда брал её с собой в поле, сажал её впереди себя на коне.

Чёрносмородиновые, как у папы, глаза девочки быстро наполнялись слезами, первая капля обожгла щеку. Таслима развернулась и бросилась за дверь. Следом, опомнившись, выбежал Ибрагим. Поймал родное тельце, обнял и сам вместе с дочерью залился беззвучными слезами.

Что же будет дальше? Оставлять семью идти неизвестно куда, да еще и со слабой надеждой остаться в живых. Как долго затянется война? Вернётся ли он до зимы? Нужно ведь запасти ещё сена и дров. Как останется беременная жена с тремя детьми? Никто не мог дать ответа ни на один вопрос...

***

Таслима очень тосковала по отцу, всё ждала его, до самой осени просидела молча у окна.

В ноябре родился маленький Халиль, и Таслиме нужно было заботиться о братике, пока мама работала. За этими заботами боль расставания слегка притупилась.

Господи, должны ли рождаться дети, если вокруг идёт война? Если дома без отца голодно и холодно? Вечно уставшая мама совсем похудела, повредила ногу, и она теперь осталась в одном положении: не сгибалась и не разгибалась. С такой ногой она не могла толком работать, поэтому работала сторожем – каждую ночь сторожила амбары, и дети спали дома одни. А днём ей приносили целую гору колхозных мешков, она их стирала, сушила и штопала.

Зима была чрезвычайно холодная. Единственное окно в доме замёрзло, обледенело сверху донизу. Таслима часто не спала ночью: было очень холодно, она дрожала под тряпьем и всё ждала, когда же наступит утро, вернётся мама и растопит печь. А потом начинали нестерпимо болеть ноги, и она тихо плакала...

Ходить за водой до родника было очень далеко, заносили снег, топили его, эту воду и пили. Керосин давно закончился, взять его было негде, жгли лучины, а чаще сидели в темноте...

Железная печка быстро «съедала» дрова, затем быстро остывала, не успевая согреть даже такой маленький домик. Брат Исмагиль был совсем большой, ему пошёл двенадцатый год. Он вместе с мамой ходил в лес за сухими ветками. Таслима с сестрой и Халилем оставались дома, думая только о том, чтобы мама с братом поскорее вернулись. Они по очереди брали Халиля в свои детские руки, прижимали в себе, чтобы он немного согрелся от тепла их тел...

Война продолжалась, а в тылу, в сибирской деревушке свирепствовал голод. Есть было совсем нечего: голодная корова не хотела давать молока. Того, чем её кормили, хватало только на то, чтобы не сдохнуть. Весной вышли на колхозное поле, искали оставшуюся с осени картошку. Мёрзлая картошка оттаивала, с неё снимали кожуру и эту массу пекли. Получались лепешки. Летом мама стала варить супы: из крапивы, лебеды. Но от супа из лебеды Таслиму сильно рвало, и мама перестала его варить...

...В деревне была школа. А у детей была одна фуфайка и одна пара чуней – на всех. Если одежда была свободна, Таслима иногда ходила в школу. Письма от папы приходили очень редко, дети с мамой их читали и плакали. Когда научилась писать, Таслима тоже написала письмо папе, написала сама. И папа ей ответил. Писал, что скоро, очень скоро война закончится, и он вернётся... Но когда же это будет?!

Осень 1945 года

Муслима с девочками сегодня затеяли побелку. Как бы ни было тяжело и голодно, но в доме всегда должно быть чисто! Мама уже добелила, и собиралась к соседям. Нужно было перемолоть пшеницу.

Таслима с Таскирой отмывали стол и скамьи, скоблили ножами добела никогда не крашенные рамы, пол.

Маленький Халиль опять бегал где-то на улице.

Муслима вытерла усталые руки о кусок ткани, заменявшей полотенце, и выглянула в окно. По улице прошел солдат. Не местный, наверное, из другой деревни, идёт пешком домой. Война закончилась, Ибрагим дошёл до Берлина, написал, что скоро вернётся домой, и всё затихло. Он всё никак не возвращался, и письма перестали приходиться. Пришли две маленькие посылки, в которых была одежда: какие-то немыслимо красивые

платья, туфли, бусы, какие-то непонятные вещицы. Всё это было аккуратно сложено в сундук.

Долгие, тяжёлые, невыносимые четыре года. Четыре года голода, холода, тяжёлой работы. Смотреть на голодных детей, не ведающих никакой радости... Каково это?

Люди возвращались, те, кто остался в живых. А Ибрагима всё не было...

Глаза Муслимы при взгляде на солдата наполнились слезами и она, без сил опустилась на табурет, горько заплакала.

— Ну почему так? — причитала она. — Почему никак нет счастья ни у меня, ни у вас? Если бы хоть кто-нибудь из вас родился счастливым, не пришлось бы вам расти без отца, он бы вернулся...

Дочки, глядя на нее, тоже заплакали, и Муслима поскорее вышла.

Девочки успокоились и продолжили уборку.

Когда уже все было почти готово, послышался топот, и в дом залетел Акрам. Он был, как бы сейчас сказали, «сорвиголов». Мальчишка бежал слишком быстро и, не рассчитав, вылетел прямо на середину комнаты. За ним, похохатывая, зашел Халиль. Таскира, видя, что труд пропал даром, стала бить Акрама мокрой тряпкой, которой пару секунд назад закончила мыть пол.

— Куда несешься?! Не видно, что ли, что тут мытое?! — возмутилась она.

— Ага! Я такую новость принес. А меня как за это. Вот теперь не расскажу, — совсем не расстроившись и увертываясь от очередного удара, похвалился Акрам.

Халиль поджал губы и демонстративно улегся на сундук, подальше от девочек.

— Ну и не надо! — ответила Таскира, — Все знают, что ты всё сплетни разносишь.

— А вот и нет! — возразил Акрам, но, видя, что девочки утратили к нему интерес и опять занялись уборкой, не вытерпел. — Отца вашего в городе видели!

Девочки, разом оглянувшись, уставились на него.

— Врешь! — спокойно отозвалась Таслима.

— Совсем не вру! — парировал Акрам. — Папа видел его в городе, на базаре.

Таслима тут же вскочила за дверь искать маму.

Спустя некоторое время была готова лошадь и тележка, мама с Исмагилом собирались в город встречать отца. Все плакали от счастья. Только Халиль, ни разу за свою жизнь не видевший отца, никакой радости

не испытывал, слёз этих не понимал и говорил:

— Вот только когда ваш отец приедет, не вздумайте реветь!

Но, несмотря на его требование, все плакали. Таслима не отходила от отца и все держала его в объятиях, пока его приветствовали другие.

Халиль же отца с самого начала сторонился и вскоре, осмелев, из-за маминой спины стал показывать ему кулак. Что нашло на взрослого человека, пережившего ужасы войны? Отвык он, видимо, от всей этой мирной жизни, от детей, от своих детей, забыл, что дети могут не только слушаться, но и шалить. Ибрагим поймал Халиля и, шлепнув, выпроводил его, всеобщего любимца, за дверь.

Слёзы радости сменились слезами обиды. Муслима никогда за словом в карман не лезла, что думала, то и говорила.

— Пока тебя дома не было, их никто пальцем не тронул. Ты зачем вернулся? Бить детей? Что думаешь, им сладко жилось?! Они все эти годы были единственной моей опорой, помощниками во всём. Они самой жизнью обижены, как можешь ещё ты их обижать? Если так будет, лучше бы вообще не приходил! — кричала мама.

Все умолкли. Было в словах матери столько горькой правды, столько боли, ну что было ей ответить на это?

Отец молча отстранил Таслиму, опять прижавшуюся к нему, и еле сдерживаясь, чтобы не наговорить чего-нибудь жене или не расплакаться тут, при всех, взял шинель, оделся и вышел за дверь. Все стояли оцепенев. Через пару секунд Таслима пришла в себя и босиком, не одетая кинулась за ним.

— Папа! Папочка! — догнав, она схватилась за шинель и, волочась следом, умоляла. — Ну не уходи! Ну, пожалуйста, папочка! Я же люблю тебя!

Ибрагим остановился, поднял дочку на руки и оба они заплакали. Да, многое повидал Ибрагим на войне, прошёл от Москвы до Берлина, медали заслужил. Всё это было так тяжело, что не любил он об этом говорить и вспоминать. Но то, что пережили дети, было ещё страшнее. Они оба плакали и оба понимали: война закончилась, но очень многое надо ещё пережить, многое еще нужно будет переосмыслить и многому учиться заново, постепенно вспоминая, что такое мирная жизнь, мирный труд, любовь и доброта...

Новая жизнь

Муслима сидела на большом сундуке, поджав под себя ножки в вязаных носочках. Изумленно и испуганно она взирала на суету в доме.

Муслима не знала, не понимала, что произошло. Мама была как-то очень встревожена в последнее время, вот и сегодня с самого утра глаза её были красными и опухшими. А утром пришли дядя Салих и дядя Ибрагим. Они помогали маме собирать вещи. Зачем? Что происходит? Мама ходила, низко опустив голову, и, казалось, не видела ничего вокруг. Муслима видела как утром мама, заплетая ей волосы, проливала слезы. Муслима не знала, что она видит маму последний раз.

— Всё, Мархаба, пошли! — сказал дядя Салих.

Мама подошла к дочке, подняла на руки, поцеловала в лоб и обняла так крепко, что, казалось, от этого зависит ее жизнь, и вдруг из ее глаз покатились слёзы. Плача она подошла к люльке и тихо поцеловала свою вторую трехмесячную дочку Суфию.

Выходя из комнаты, мама взглянула на мужа. В ее взгляде читалась явная мольба. Но Ахлиула просто холодно глядел на нее. Ему было все равно.

Видя, что Мархаба медлит, дядя Ибрагим взял ее за локоть и вывел из комнаты.

Минуты тянулись медленно, но с той самой секунды, как мама покинула комнату, чувство смятения, беспокойства, горя нарастало в душе Муслимы. А тут ещё проснулась и расплакалась, казалось бы, крепко спавшая Суфия. Что же, что же происходит!? Куда ушла мама!?

— Что же ты наделал, Ахлиула? Что нам теперь делать? — тихо прошипела бабушка, безуспешно пытаясь успокоить Суфию.

Отец молча взял из бабушкиных рук сестричку и вышел за дверь...

***

В вагоне было грязно и холодно. И ужасно тесно, потому что в каждом вагоне было больше людей, чем он мог вместить.

Мархабе было все равно. Она безвольно села туда, куда ей сказал брат и горькие мысли теснили ей грудь.

Как же так, ее любимый Ахлиула отправляет ее в Сибирь, далекую холодную Сибирь и разлучает с детьми!. Неужели он разлюбил ее? Они с мужем были ровесники — 23 года. Мархаба родила ему сына и двух дочерей.

Старшей, Муслиме скоро исполнится 3 года, а младшей всего три месяца. За что её можно было разлюбить? Здоровая, ловкая, красивая. Только вот руки огрубели от домашней работы, да ещё от дойки коров... Все, все она знала и понимала. Говорят, её муж без памяти влюбился в какую-то девчонку, которой ещё и пятнадцати нет... Наверное, так оно и есть. И, для того, чтобы взять её в жёны, он должен избавиться от своей «старой» жены. А как избавиться? Можно просто убить. Но братья пожалели ее и забрали с собой. Ну что ж, пусть так, но вот дети, дети...

Сколько просила Мархаба, валялась в ногах, рыдала: «Отдай мне детей, Ахлиула! Я не пропаду, я выживу, и детей подниму. Отдай мне их. Я же мать! Пожалей меня».

Нет, Ахлиула был неумолим: дети останутся в своём доме...

Ее горькие размышления прервал шум. Шла борьба. Она услышала голос Салиха. Он кричал:

— Даже не вздумай подойти к ней!

Мархаба с надеждой стала вглядываться в толпу: Салиху отвечал голос мужа. Она уже не слышала, что он сказал, но это было неважно. Она слышала детский плач, такой знакомый и родной. Через пару секунд перед ней стоял Ахлиула, а рядом Салих нервно покусывающий губы.

— На, покорми ее, — сказал Ахлиула, протягивая Суфию, — расплакалась, никак не успокоим...

Мархаба сбросила душегрейку, освободила грудь. Суфия, оказавшись в родных, ласковых маминых руках сразу успокоилась, припала к груди... Несколько блаженных минут прошли незаметно, ребёнок уснул, только на лбу ещё поблескивали капли пота, и не совсем сошли с её круглого, милого беленького личика красные пятна. Послышался гудок. Ахлиула протянул руки. Мархаба прижала ребёнка к себе и попросила, глядя прямо в глаза мужу:

— Пожалуйста, отдай мне ребёнка. Она маленькая, её надо кормить. Отдай её мне, дай мне её забрать!

Ахлиула, опустил руки и задумался.

Мархаба умоляюще глядела на Ахлиулу. Он знал, да знал, как ей важны дети. И совершил благородный для Мархабы, но очень осуждаемый другими поступок: выпрыгнул из вагона и скорее скрылся со станции, оставив дочь матери...

Январь, 1936 г.

День стоял солнечный и морозный. Так хорошо вязать днём, сидя у окна, так светло. Муслима вывязывала крючком скатёрку, но поминутно прерывалась, выглядывая в заиндевевшее окно, поэтому работа шла не очень быстро.

Муслима выросла, стала совсем взрослой. Те же, что в детстве льняные волосы, заплетённые в тугие косички, голубые глаза, невысокая, тоненькая, но сильная.

Вокруг совершенно незнакомая обстановка, незнакомый дом. Где же она? В семье родни своего отца. Бедная Муслима многое пережила после того, как уехала мама.

Через года четыре после этого в Башкирии были голодные годы. Тогда и погиб ее старший брат. Но они выкарабкались. И все бы ничего, но...

Ее отца многие не любили, очень многие. Да, его не просто было одолеть. Наверное, именно за это девушки влюблялись в него без памяти и не обращали внимание на то, какие они по счету жены. Но эти жестокие нравы... Его подкараулили, когда он поздно вечером шел из лавки... Это было очень подло. Скорее всего, отец даже не успел сообщить, что случилось. Его просто не стало.

В то время все переживали кризис и, несмотря на то, что все семьи должны держаться вместе, семья отца не смогла взять ее. И бедная маленькая Муслима попала в детский дом. Конечно, потом ее забрал дядя, когда дела пошли на лад. И вот она здесь.

Совсем недавно из Сибири приезжал родственник соседей. То есть он приезжал и до этого, но не сразу заметил шустрюю симпатичную девушку. А когда он спросил, кто она, ему рассказали. И про Мархабу, и про Ибрагима с Салихом, и про то, как Ахлиула оставил Суфию Мархабе и про все злоключения Муслимы. В тот раз он ничего не сказал, но Муслиме показалось, что он что-то знает, но почему-то не хочет говорить.

И вот сейчас она ждала соседку, которая сказала Муслиме, что скоро опять приедет их родственник.

И Муслима уже с самого утра сидела и ждала, чувствую, что сегодня что-то случится. Только она не знала: хорошее или плохое.

В дверь постучали. Муслима встала, и, накинув на плечи старую шалёнку, открыла дверь. В дверях стояла соседка Фариды, ее ровесница. Как и все на улице, она была укутана в шали, но так небрежно, что стало ясно, что, она торопилась.

— Привет! — выпалила Фариды.

— Привет, — сказала Муслима и отстранилась, пропуская Фариды, — проходи.

Девушка зашла на порог, да так и осталась стоять.

— Если честно, Муслима, я за тобой пришла, — сказала Фариды, неловко переминаясь с ноги на ногу. — К нам приехал дядя Юсуф. Какая-то весточка у него для тебя есть. Пойдём?

Сердце екнуло, и кровь прилила к лицу. Муслима сразу почувствовала, что, несмотря на мороз, ей жарко.

— Конечно, — ответила Муслима как можно спокойнее, накинула на голову шаль и пошла следом за Фаридой.

***

Дядя Юсуф, круглолицый, крепкого телосложения мужчина, сидел за столом вместе с хозяевами, родителями Фариды. Угощение было уже подьедено, перешли к чаю.

— ...Так что, в Сибири тоже жить можно, — говорил дядя Юсуф. — Татары и башкиры там живут целыми аулами.

В сенях послышался топот, и вместе с морозным воздухом в комнату вошли Муслима и Фариды.

Дядя Юсуф взглянул на вошедших девушек. Его глаза сузились, смеясь, когда он увидел Муслиму, лицо которой горело скорее от взволнованности, нежели от мороза. А голубые глаза горели огнем.

— Так вот, друзья мои, живет по соседству со мной одна женщина. Знал я до этого, как зовут ее, да и все на том. А тут приехал и мне рассказывают. Вот-де Муслима — дочь некой Мархабы, она, говорят, в Сибирь уехала с братьями. Одну дочь забрала, а другую братья забрать не позволили. И понял я, что это соседка моя. А кто же еще? Татарка. Из Башкирии. И с дочкой одной приехала. Приезжаю, рассказываю. Она слезами обливается. Скажи, говорит, в следующий раз, как поедешь, дочке, что я жду ее. Скажи что, все эти годы, говорит, помнила. И что даже то, что замуж вышла и еще троих родила детей, не изгладило воспоминаний. И подарок просила передать.

Юсуф наклонился, достал из сумки свёрток и протянул Муслиме. Она развернула неотбеленную ткань, и в руках оказалась белоснежная тёплая пуховая шаль, связанная заботливыми мамиными руками. Какая она была мягкая и красивая! Муслима ни разу в жизни такой не видела.

— Так вот, — продолжал Юсуф, — твоя мама зовёт тебя, Муслима, к себе. Ты уже

взрослая, сама можешь за себя отвечать. Там житье не хуже, чем здесь. Через неделю я еду назад, в Сибирь. Могу и тебя взять с собой. Обещал я твоей матери, что если захочешь, то я тебя довезу. Так что думай, время есть...

Муслима медленно сползла по косяку, к которому стояла, прислонившись спиной, на пол и беззвучно плакала.

Мама! Мамочка! О, Аллах, ты услышал мои молитвы. Конечно, конечно, я еду, хоть сейчас!..

Муслима сидела в вагоне паровоза в той самой шали, связанной мамиными руками. Через месяц ей исполнится семнадцать. Никогда за все эти годы она не была так счастлива. Это самый, самый счастливый день в ее жизни!

Паровоз качнулся, тронулся. Быстро промелькнул за окнами городок, потянулись леса, поля. Муслима смотрела в окно голубыми глазами и тихо улыбалась...

Мама, единственная мама. Скоро я увижу тебя. И уж больше нас никто не разлучит. Кто есть на свете для человека ближе и дороже мамы? Не приведи Аллах какому-нибудь ребёнку остаться без матери! Пусть у всех, у всех всегда будет мама!

Паровоз вёз ее к новой, неизвестной, нелёгкой жизни. Она не знала, что будет впереди, не знала, сколько трудностей нужно будет преодолеть. Но это было просто не важно, ведь самое главное желание жизни наконец становилось реальностью...

Этот рассказ написан на основе реальных событий, происходящих в описанные годы. Услышав однажды эту историю от своей бабушки, я очень сильно захотела поделиться ею. Я никогда не думала, что такие события могут происходить в жизни простых людей... Если вы тоже так думаете, напрасно! Мархаба – это моя прапрабабушка, и она яркий этому пример.

СВАДЬБА В АУЛЕ

Мягкий серебристый снег крился под ногами. Вот показались тусклые огни керосиновых ламп в окнах маленьких домиков родного аула. Наша группа, позевывая и поеживаясь от всё крепчающего мороза, разбредалась по домам. Ферма находилась примерно в километре от аула. Старшая сестра Таскира работала дояркой, а я кормила и убирала за коровами.

То с одной, то с другой стороны слышалось сонное «до завтра, дорогая!»

Когда мы с сестрой добрались до дома, в небе уже ярко сияла хрустальная луна. Из трубы нашей хаты шел дым: мама уже была дома. Даже не разговаривая между собой, мы зашли, поздоровались с мамой и братьями.

— Сразу спать ляжете? — спросила мама, хлопоча перед печкой.

— Да, — устало отозвалась Таскира, — завтра надо будет прийти пораньше.

— Ну, хорошо. Только с утра за водой сходишь? — попросила мама. — А то посуду даже мыть нечем.

Мама смела со стола крошки и высыпала их в корытце, из которого ели куры. Зимой куры и петух жили в доме в специально отгороженном для них углу.

Таскира кивнула в знак согласия и начала раздеваться перед сном. Я, не раздеваясь, упала на уже приготовленную на полу постель и

начала погружаться в блаженный сон. Руки и ноги гудели от работы. Как же было сладко расслабиться и ничего не делать.

Не знаю, как долго я спала, но разбудил меня стук в окно.

— Выходи, Таскира! — кричал хромой Салим, сторож нашего коровника, — Корова чья-то отелиться не может! А чья — не знаю. Вставай, пойдём.

Сестра, уже было спавшая рядом со мной, быстро поднялась, оделась, накинула шаль и выбежала на улицу. Мне там делать было нечего, поэтому я завернулась с головой в одеяло и снова заснула. Но сон был какой-то тревожный, на душе было не очень хорошо. И спала я недолго.

Где-то через полчаса хлопнула дверь, и к нам забежала Фарида.

— Муслима-опа, — лепетала она трясущимися губами, — видит Аллах, мы не виноваты... Они выскочили из-за угла, неожиданно... Кто же мог знать?.. Ах, горе-то какое!..

У меня внутри все похолодело — случилось что-то плохое. Очень плохое.

Мама поднялась и начала расспрашивать Фарида, что произошло.

Не успела Фарида договорить, как мать, накинув на голову шаль, выбежала из дому и направилась к Камалетдиновым. Я дрожала от ожидания и нетерпения, слезы непроизвольно лились из глаз, в который раз я совер-

шала круг по хате в ожидании матери, ломая руки. Любопытная Фарида с испуганным лицом стояла в стороне, но не уходила.

Наконец раздался скрип снега около самых дверей, и я бросилась к двери.

— Мамочка, что?! Ну, что мамочка?! Он отпустит ее?! Отпустит?! Мамочка, скажи, что отпустит! Скажи, что да! — горячо повторяла я словно молитву, обнимая мать.

Мама дошла до табурета, стоящего перед столом и тяжело, устало опустилась на него.

— Нет, дочка, не отпустит, — с тяжелым вздохом отозвалась мама.

— Но почему?! — недоумевающе, со слезами в голосе отозвалась я. — Она же не любит Шамстина! Она не хочет замуж, мама! Ты же знаешь! Пусть она вернется!

Но мама, всегда такая сильная и храбрая, покачала головой и стало ясно, что здесь она ничего не может поделать. Отца не было в ауле, и решить проблему было просто некому.

Не в силах больше сдерживаться, я дала волю слезам. Я плакала за сестру, за себя, за маму... Мне было горько.

...Когда на следующий день мама пришла к Камалетдиновым, они впустили ее, но встретиться с Таскирой не разрешили. Мама требовала отдать дочь. На что те ответили: «Зачем? Ведь Шамстин любит ее. Он же не хуже других в ауле. Почему ты не хочешь отдать ее за него замуж? Зачем нас позоришь?» Мама сдалась. Тем более что и Таскира решила, что такова, стало быть, её судьба...

Подготовка к свадьбе шла быстро. Мама, готовя приданное, поливала его слезами. Вся еда, приготовленная мной, тоже обильно была полита слезами. Никто из нас не хотел этой свадьбы.

Прежде всего свадьба должна была пройти у нас в хате. Пока гости сидели за столом, ели, пили брагу, я была во дворе и плакала от жалости к себе, сестре, родителям...

Когда стало слышно, что скоро они будут выезжать, я отправилась в коровник.

Но оказалось, что молодожены вместе с друзьями в честь свадьбы должны были на тройке дважды объехать весь аул, побывав при этом на ферме, где работала невеста.

Едва тройка запряженных лошадей доехала до ворот фермы, неизвестно как отвязавшаяся и откуда взявшаяся, перед ними появилась Шахтерка, любимая корова Таскиры, и, держа хвост пистолетом, резво кинулась бежать перед лошадьми. Сколько тут было смеха! Проводив их до выхода, Шахтерка вернулась на место. Слезы текли из ее чер-

ных больших умных глаз, словно она все понимала, словно чувствовала то же, что и я.

Когда свадьба переместилась в хату родителей жениха, я вернулась домой. Мне ужасно не хотелось встречаться с мужем сестры, да и вообще видеть никого не хотелось.

Как я и предполагала, в хате был полный беспорядок: столы были завалены недоеденной пищей, полные столы грязной посуды. Я неторопливо стала разбирать этот бедлам.

Кружки помыть и — на место.

Тарелки — к ним.

Так, это придется постирать — ел кто-то очень аккуратный. В угол, к вещам, которые будем стирать.

А это еще что? На полу лежала скатерть, и в нее что-то было завернуто. Я развернула. Там в куче лежали пироги, картошка, но все они были какого-то странного вида и запах был... не очень приятный. Я немного постояла, думая, что с этим делать, высыпала всё в корыто, стоящее перед курами, и снова принялась за уборку.

Через пару минут я услышала странный звук. Оглянувшись в недоумении, я поняла, что этот звук издает петух: он ходил по клетке козырем и кукарекал на разные лады. Потом он вознамерился взгромоздиться на жёрдочку, но как только он на неё опустился, тут же кубарем скатился вниз. С курицами тоже творилось что-то непонятное. Они ходили, пошатываясь. Я стала наблюдать, раздумывая, чтобы это могло с ними быть. Через несколько минут несколько кур свалились. Потом еще несколько. Потом еще... Потом упал и петух...

Не зная, что делать, я быстро оделась и бегом направилась к хате Камалетдиновых, где должна была быть мама. Когда уже подходила, у соседней хаты я увидела Нурию, которая чистила снег.

— Нурия! — позвала я. — Зайди, пожалуйста, позови маму.

Соседка бросила лопату и, с интересом глядя на меня, подошла.

— Зачем? — поинтересовалась она.

Чувствуя раздражения и зная, что промедление может плохо кончиться, я отозвалась, стараясь говорить спокойным голосом:

— Скажи ей, что наши куры подыхают.

Глаза Нурии широко раскрылись, и она поспешила в дом, где полным ходом шла свадьба.

Вскоре из дома выскочила мама.

— Что случилось? — был ее первый вопрос.

— Курыдохнут, — выпалила я.

— Как этодохнут? Чтослучилось?

— Не знаю. Все упали, — честно ответила я. Мы поспешили к дому.

Мама тут же бросилась к клетке. Теперь все куры вместе с петухом лежали, задрав кверху лапы и иногда странно квохча. Мама протянула руку, пощупала нескольких и, глядя на них, недоуменно развела руками. Я стояла рядом в ожидании.

— А это что такое? — неожиданно спросила мама, указывая на остатки пирожков и картошки в корыте, стоящем перед птичьей клеткой.

Я захлопала глазами и несколько секунд, пытаясь выдавить из себя слова, молча открывала и закрывала рот.

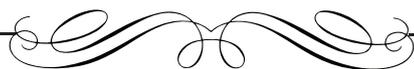
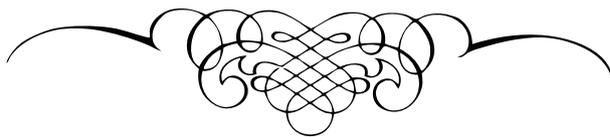
— В скатерть было завернуто... Я им отдала... — выдавила, наконец, я.

Не в силах стоять от смеха, мама упала на табурет и залилась смехом.

— Напоила ты их, — наконец выговорила она, с трудом переводя дыхание. — Пьяные они.

...Дело было так. Народу на свадьбе было много, разносить еду было неудобно. И очередной поднос с брагой уронили прямо на стол. Вся еда была испорчена, её убрали со стола, завернув в скатерть. А я её отдала курицам...

Глядя на маму, я тоже рассмеялась. Рассмеялась впервые за столько времени. На душе вдруг стало легко и спокойно. Мы хохотали до слёз, но это были совсем другие слёзы. Впереди у всех нас была ещё вся жизнь, и мы обе, наверное, подумали: да не так уж всё плохо складывается. Ведь всё равно все мы рядом, вместе. И наша Таскира тоже рядом, подумаешь, будет жить в доме по соседству. Мы же её в обиду не дадим и всегда поможем. Так что всё у нас будет хорошо!

Юлия Мироненко

Мироненко Юлия Вячеславовна – студентка факультета гуманитарного образования и социально-культурных технологий Кемеровского государственного университета культуры и искусств. В 2008 году стала победителем университетского поэтического конкурса «Мой край родной – Кузбасс». Редактор студенческой газеты КемГУКИ «Культурист», имеет поэтические публикации.

ОГРОМНОЕ СНЯЕТ СОЛНЦЕ

***

Возьми меня, небо,
Большими руками,
Раскрась меня белым,
Веселым и пряным,
Чтоб я умирала
От нежности этой,
Чтоб в душу вплетала
Иные планеты.
Хочу затаиться
В твоём благозвучье,
Хочу раствориться
В разбавленной гуще,
Твоею покорной
Навеки остаться,
Улыбкой Мадонны
Тебе улыбаться.
Возьми меня небо,
Возьми без остатка.
Я буду несмелой,
Я стану загадкой....

ДВЕ СЕСТРЫ

Сомкнула очи легкокрылая заря
И тихо в мир Морфея погрузилась.
Ее душа, усталость не тая,
Невольно в сновиденьях растворилась.
Покрылось небо россыпью зеркал,
Алмазный гребень вдруг заторопился,
Чудесной ночи ветреный слуга,
В ручьях волос исчезнуть и разлиться.
Этих сестёр божественна игра,
Они смеются и глядят в оконце:
В одной короне теплится луна,
В другой — огромное сияет солнце!

Любовь распятая

К безмолвной древесине пригвожденной
Любви стекала кровь на белый снег,
И ей, как будто смертью прокаженной,
Бросали под ноги обмана гадкий смех.
Она, в мученьях тяжких пребывая,
Глазами, полными страдания и слез,
В небесный храм хрустальный улетала,
Не замечая дьявольских угроз.
Ее немое тело, содрогаясь,
Металл жестокий приняло как долг,
И ей, безмолвной, люди, издеваясь,
Венец терновый вознесли на лоб.
Она, возвысаясь над безумной гущей,
Глазами синими обнять успела всех.
Едва вздохнула... вот уже отпущен
Людскому роду мракобесный грех.
Ее черты воспеты будут в песнях
Сердец заблудших в мире не идей,
Ну а пока шептали ей: «Воскресни!» —
Немые души обезличенных людей.

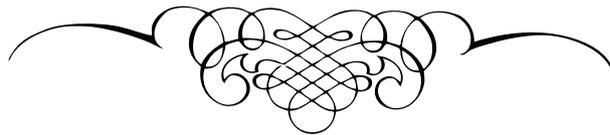
***

Голубоглазый музыкант —
Герой тургеневских времен,
Он каждому моменту рад,
Он жаждой жизни воспалён.

Его душа чиста, как храм,
Его игра, как брызги света,
Он эту благодать дарит нам,
Он дарит нам остатки лета!
Не нужно много говорить —
Он и без слов понять сумеет,
Что на душе немой лежит
И то, что редко душу греет.
Хочу, чтоб он всегда желал
Идти вперед и не сдаваться,
И чтоб его души запал
Был вечен и всегда взрывался!

***

Неистовостью дикой привлекая,
Она, подобно львице роковой,
Немыслимые звуки заплетает
В мудреный и заманчивый узор.
Свободной неприступностью сияя,
Природной дикостью обманывая всех,
Одним лишь взглядом мир испепеляя,
Она живет и любит без помех.
Рукой смахнет бушующий поток
Волос своих из солнечных лучей,
А я смотрю и вижу этот ток
Безумных и искрящихся очей!

Иосиф Курочкин

Курочкин Иосиф Лазаревич родился в 1923 году. Более 30 лет (50–80-е годы XX века) Иосиф Лазаревич был одним из руководителей социально-культурной сферы Кузбасса, работал секретарем Кемеровского облсовпрофа (1962–1967), начальником управления культуры Кемеровского облисполкома (1967–1984), директором Кемеровского областного художественного училища (1984–1987). В декабре 1987 года И.Л. Курочкин приглашается на работу в Кемеровский государственный институт культуры, где становится заведующим кафедрой культурно-просветительной работы. Его лекции пользуются неизменным успехом у студентов, а сам Иосиф Лазаревич – огромным авторитетом, уважением и любовью всех, кто у него учится и с кем он работает. С 1999 года И.Л. Курочкин – руководитель специализации «Организация досуга детей и подростков», активно участвует в работе кафедры, вуза, областных организаций культуры. Почётный гражданин Кемеровской области, заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор.

Записки НЕПОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА

Исторический очерк

ЭТОТ ДЕНЬ...

Год 1941, июнь, 22 число, воскресенье. Чудесный летний день. В 16 часов по местному времени на стадионе добровольного спортивного общества «Динамо» начался футбольный матч на первенство города среди команд юношеского возраста. Встречаются давние соперники, претенденты на победу в розыгрыше, футбольные команды «Динамо» и «Локомотив». Играю в составе «Локомотива». На моей рубашке любимая мною цифра 7, означающая, что я правый крайний. Еще мальчишкой, играя в дворовых и уличных командах, я выступал в этом качестве. Завершался первый тайм. Соперники демонстрировали неплохую игру. Стадион то и дело дружными овациями болельщиков подбадривал тех, кто сражался на футбольном поле. Как нередко случается, буквально за несколько минут до судейского свистка об окончании игры наш левый крайний Женя Нечаев подает на штрафную площадку динамовцев великолепную подачу. Мяч стремительно летит вдоль вратарского поля на высоте, требующей лишь умелого прыжка. Подобного умения мне было не занимать, оно было достаточно натренировано. Стадион буквально взорвался возгласами ожидания, когда мой прыжок и легкий удар височной частью головы направили мяч в сетку динамовских ворот. Счастливый и радостный, вместе с товарищами по команде направляюсь на отдых. Нас сопровождают одобрительные возгласы болельщиков. Из толпы, энергично работая локтями, ко мне пробивается Люська – моя одноклассница и школьная любовь. Она бросается ко мне, обвивает шею своими нежными девичьими руками и что-то произносит такое, что я не могу осмыслить. Оно не созвучно моему настроению. Наконец, Люська во всю мочь кричит прямо в мое ухо: «Война!»

К середине июля 1941 года я уже нахожусь в военной части. Люська недолго обивала пороги горкома комсомола и военкомата и тоже добилась отправки в действующую армию.

Начало

В конце октября 1941 года, в назначенный день и час, я явился в городской военный комиссариат. На просьбу отправить меня в какое-нибудь военное училище убеленный сединами полковник ответил по-военному кратко: «Не положено!» И далее: «Вы отчислены из действующей армии как железнодорожник. Отправляйтесь работать по специальности». И уже вдогонку я услышал наставление старого вояки: «В ближайшее время будет обнародован приказ Верховного, железнодорожный транспорт станет военизированной отраслью, т. е. частью действующей армии».

Начальник вагонного депо, суровый на вид человек лет пятидесяти, в форменном кителе железнодорожника, с яркими янтарными звездами в петлицах, встретил меня официально.

– Отслужил, – сухо произнес он. И на некоторое время умолк, вчитываясь в лежащий перед ним аккуратный лист бумаги с текстом заявления и направления военного комиссариата.

– Пойдешь работать, – таким же официальным тоном возобновил разговор начальник депо, – в заготовительный цех. Там есть такая должность, заведующий отделом заказов. А чем конкретно заниматься будешь, объяснит начальник цеха Грязнов Иван Васильевич. К нему и отправляйся.

Мне было непонятно ни назначение предложенной должности, ни кто такой Иван Васильевич, где его искать. Но я решительно направился к выходу из начальственного кабинета, испытывая чувство легкого разочарования. Не успел захлопнуть дверь кабинета, как услышал голос, повелевавший вернуться. Начальник депо на этот раз о чем-то говорил по телефону. Он взмахом руки дал понять, чтобы я уселся на стоящий рядом стул. Положил телефонную трубку на рычаг.

– Придется тебе с заготовительным цехом повременить, – вдруг заговорил он, и в глоссе его зазвучали нотки примирения. — Пойдешь в бухгалтерию. Займешь место счетовода материальной группы. Будешь работать над составлением годового баланса.

– Но я же в этом ни бельмеса! – взмолился я.
– Ничего. Не боги горшки обжигают, – парировал строгий начальник депо.

– К тому же там есть толковые бухгалтера, они помогут. У тебя среднее образование и почерк конторский. Он взял со стола листок бумаги с текстом моего заявления и не без удовольствия помахал им в воздухе.

– Сдадим баланс, вернешься в цех. Обещаю. Завтра же приступай к делу.

У меня едва хватило сил покинуть кабинет. Не зная, куда себя деть, бессмысленно побрел к проходной. Поравнявшись со зданием конторы, в которой размещалась бухгалтерия депо, открыл входную дверь.

– Вот и главбух пожаловал, – услышал я чей-то звонкий женский голос. Однако в голосе мне не удалось уловить каких-то злых ноток. Передо мной предстала женщина среднего возраста, выглядевшая весьма ухоженной и опрятной. Она машинально поправила очки и произнесла: «Юлия Сергеевна – старший бухгалтер расчетной группы. А это – указала она на сидящую за столом миленькую блондинку – Олимпиада Витальевна Адамовская – старший бухгалтер материальной группы. И весь коллектив бухгалтерии. – Она указала на сидевших за рабочими столами сотрудников. – Наш хозяин, Вениамин Васильевич Веньчиков, главный бухгалтер, уже долго болен. Сроки годовой отчетности приближаются стремительно. Работа предстоит трудная. Но вы не волнуйтесь, – сказала Юлия Сергеевна, точно извиняясь. – Мы справимся. Вас мы быстро введем в курс дела. Вы же образованный человек. – Она на мгновение умолкла, точно желая что-то обдумать, и произнесла: «Вы же мужчина! Павел Тимофеевич в Вас поверил». Так я узнал имя и отчество начальника депо. На следующий день начались и счетоводческие будни.

Действительно, не боги горшки обжигают. Все дело ума, сердца и рук человеческих. И хотя наше дело не всегда приносит нам удовлетворение, но без дела настоящего счастья не бывает. Прошло несколько дней, и Юлия Сергеевна подвела к моему рабочему столу одну из сотрудниц бухгалтерии и сказала: «Вот Маша Лаврова, на некоторое время она будет Вашей наставницей. А потом займусь Вами я сама». И, не скрывая женского кокетства, произнесла: «Надеюсь, Маша Вас вполне устроит. Она само очарование!»

Маша действительно оказалась подготовленным специалистом. Она давно усвоила все премудрые бухгалтерские термины, бы-

стро и аккуратно оформляла соответствующие документы. С ее помощью я не только узнал, что означают такие термины, как сторнировать дебет, кредит, сальдо, открыть и т. д., но и какие материалы следует правильно разносить в проводках, на какие счета списывать, оприходовать. Что это за бланки, означающие счета, расходные ведомости, ордера, на основании которых работники материально-технического склада отпускают те или иные материалы для производства работ. Наибольшую сложность представлял перечень материалов, которые ежедневно пускались в производственный оборот. Их названия следовало не только запоминать, но и усваивать нормативы их планового и фактического расходования в каждом цехе, мастерской и лаборатории.

Мы довольно быстро сработались с Машей. Мне даже казалось, что Маша проявляет ко мне интерес, выходящий за пределы служебных обязанностей. Как-то нам потребовалась какая-то важная сводка, Маша старательно искала ее в бумагах, находившихся в рабочих шкафах, но ее старания не дали желаемого результата. В один из обеденных перерывов она предложила продолжить поиск нужного документа на чердаке здания, где размещался архив бухгалтерии. Мы довольно долго копались там в бумажной пыли. Наконец, найдя нужную ведомость, Маша с какой-то девичьей радостью воскликнула: «Наконец-то!» Я не успел отреагировать на ее возглас, как почувствовал, что Маша обняла меня за шею своими тонкими изящными руками. Теперь наши встречи наполнились другим счастливым и радостным содержанием. Надо было употребить немало усилий, чтобы это не было замечено на работе.

Прошло некоторое время, Юлия Сергеевна пригласила меня к своему заваленному бумагами столу и сказала: «Теперь мы займемся освоением бухгалтерских премудростей, связанных с начислением заработной платы. А затем попытаемся осилить технологии бухгалтерских взаиморасчетов по тем производственным операциям, которое осуществляет вагонное депо с предприятиями, учреждениями и прочими ведомствами. А там и обратимся к работе над статьями и разделами баланса нашего богоугодного заведения».

Незаметно в гуще дел промчались дни, недели. Наступил холодный, памятный необыкновенными морозами декабрь 1941 года. Первые обнадеживающие сводки... Наши войска героически отстаивали родную сто-

лицу Москву. Вот где мне настоящее место, часто думалось мне. С тревогой вспоминались дорогие мне лица ребят, музыкантов нашего дивизионного оркестра духовых инструментов. Каково им там, в самом пекле жестоких и беспощадных боев?

Началась работа по составлению годового баланса финансовой деятельности вагонного депо. Это была кропотливая работа. Сколько раз приходилось переживать чувство горькой досады и отчаяния, пересчитывая бесконечные колонки цифр, гоня уставшие костяшки примитивных бухгалтерских счетов в поисках каких-то несчастных копеек. И чем тщательнее ведешь пересчет, тем реже тебя осчастлививает удача. Только тем, кто связали свою профессиональную деятельность с бухгалтерией, дано понять, что означают подобные пересчеты, бесконечные «открывания» цифр в поисках необходимого итога, позволяющего продолжить расчеты финансового документа с магическим названием «баланс».

За все это время к моему существованию никто в вагонном депо интереса не проявлял. И только Юлия Сергеевна, время от времени возвращаясь из главного корпуса депо, что называется, с порога, обращаясь ко мне, возвещала:

– Павел Тимофеевичи интересовался вашими успехами в освоении бухгалтерской науки.

Мне было приятно это услышать. Я прикладывал дополнительные усилия и старания к работе. Огорчало, что мы почти перестали встречаться с Машей... На чердаке бухгалтерии – зима. Другого укромного места пока не находилось. Работа отнимала все больше сил, свободное время было сведено до минимума.

Наступило время сдачи годового баланса. Весь небольшой коллектив бухгалтерии практически находился на положении, граничащем с военным. Наконец все многочисленные разделы и статьи баланса оказались сведенными, все цифры «скрыжены» и приведены в ажур. Финансовые итоги работы вагонного депо в первом, труднейшем из всех военных лет, году вызвали удовлетворение. Годовой баланс был написан великолепным каллиграфическим почерком. Начальник вагонного депо долго и внимательно изучал главный финансовый документ.

На приеме мы с Юлией Сергеевной старательно отвечали на его вопросы. Наконец он, преодолев свою обычную сухость, произнес: «Уважили!» Обращаясь ко мне, одобри-

но напомнил: «Что я говорил, когда агитировал поработать в бухгалтерии? Документ любо-дорого в руках подержать. А главное, ты получил знания, без которых невозможно стать настоящим управленцем».

ОБЛАВЫ

Я давно не появлялся в городе. Вагонное депо располагалось на окраине станционного поселка, в двух-трех километрах от железнодорожного вокзала. До центра города не менее пяти километров. Ежедневная работа, не ведавшая ни временных границ, ни выходных дней. Постоянное желание найти хоть небольшой отрезок времени, чтобы избавиться от переутомления, уснуть. Время военное. Ему было подчинено все не только на фронте, но и в тылу. Единственное, что напоминало довоенное мирное время, это кино. Люди шли в места кинопоказов не из желания отдохнуть, развлечься. С первых дней Великой Отечественной войны во всех кинотеатрах страны перед кинофильмом в обязательном порядке демонстрировались отрывки военной кинохроники. В них повествовалось не только о положении на фронтах страшной войны, но и демонстрировались отрывки из окопов войны, подлинные эпизоды боевых сражений. Кадры кинохроники, по понятным причинам, были главным стимулом к устремлению людской массы в места кинопоказа. Эти кадры производили ужасающее впечатление на людей пожилого возраста. Нередко эти показы завершались тяжелейшими болезненными приступами, массовыми проклятиями и мольбами. Несмотря на подобные последствия, люди каждый вечер устремлялись в кино. В одно из таких редких посещений города меня неожиданно остановил Николай Николаевич Неверов, руководитель небольшого эстрадного оркестра, выступавшего перед вечерними кинопоказами в центральном кинотеатре города. Николай Николаевич Неверов был профессиональным музыкантом, он не раз пытался предложить свои услуги музыкальным коллективам воинских частей, но постоянно получал отказ из-за серьезных проблем со зрением. Поправляя непокорно сидящие на переносице очки, он внимательно осмотрел меня и изрек: «Батенька, да Вы так возмужали! И петлицы на Вашем кителе непонятные. Вы кто по нынешним временам?» «Так Вы служите в нашем городе!» — воскликнул он, когда я ответил на первую часть вопроса. «А не изволите посетить меня? У меня в

оркестре свободен пульт трубы. Ради бога, найдите время, или Вы расстались с Вашей чудной Помповкой?»

Так я однажды оказался в центральном кинотеатре города «Родина». По просьбе Николая Николаевича я не только принял участие в игре оркестра, но и стал кинозрителем. Кадры кинохроники произвели на меня такое же гнетущее впечатление, как и на всех посетителей вечернего киносеанса. Я с трудом дождался окончания кинофильма. Как только в зрительном зале дали свет, я поспешил к выходу и оказался в массе людей, не спеша устремившихся к выходу. Впечатлений было предостаточно от насыщенного событиями вечера. И потому я не придавал значение тому, как вдруг изменилось поведение людской толпы. И даже тогда, когда до моего уха долетели истерические крики: «Облава! Облава!», я не сразу оценил происходящее. Недавних кинозрителей будто подменили. Расталкивая друг друга, они устремились в разные стороны, обращаясь в бегство. Но бежать было некуда. Зрительскую массу плотным кольцом окружили какие-то странные люди с требованием — «Документы!»

При этом документы требовали не только от мужчин, но и от женщин. Тех, кто вызывал подозрение, отводили к стоящим здесь же автомобилям и бесцеремонно вталкивали в грязные салоны. Их увозили в неизвестном направлении. Никогда и никому не сообщалось, с какой целью, для чего проделываются эти налеты. Молчали средства массовой информации. В неведении находились и даты этих экзекуций. Среди городских обывателей расплозились самые невероятные слухи. Одни утверждали, что таким образом отлавливают дезертиров из советской армии и даже бежавших с фронта. И чтобы направить в угольные шахты молодых женщин — там некому стало добывать уголь. В действительности же без применения каких бы то ни было мер принуждения в годы войны в угольных забоях трудилось множество молодых женщин и в качестве проходчиков, забойщиков и даже взрывников.

Молодые люди, задержанные при облавах, лишь спустя некоторое время получали возможность сообщить о своем местонахождении. Тех, кто находился под так называемой «бронью» как специалисты, которых в соответствии с законодательством военного времени освобождали от призыва в Советскую армию, возвращали предприятиям, или руководители предприятий подавали ходатайство об освобождении их работников. Значи-

тельная часть задержанных направлялась в стройбаты, которых в те годы было сформировано предостаточно, где использовались в качестве рабочей силы на предприятиях с особенно тяжелыми условиями труда.

Меня долго преследовали последствия облавы, в которой я невольно оказался. Облавы периодически практиковались в течение всего военного периода. Значительно позже, когда было покончено с войной, в беседах с организаторами этих унижительных процедур я поинтересовался причинами и поводом для проведения облав. Ответ не оказался для меня неожиданным: «Надо было выполнить заданные нормы не только по добычи угля, производству металла, но и по мобилизации людских ресурсов. Время военное. Что было делать? Судите сами!»

Блокадники

В кабинете начальника вагонного депо их было двое. Точнее, их было полтора. Один молодой мужчина, точный возраст которого определить было совершенно невозможно. Другой — малыш лет шести-семи. Мужчина сидел ссутулившись, плотно прижав руки к животу, точно у него что-то было ненормально в желудке. Малыш же постоянно двигался, копошился в лежащей перед ним на полу дорожной сумке. Было видно, что ему очень хотелось что-то в сумке отыскать, но не удавалось. На старшем была одета выдавшая виды форменная шинель, какие носили железнодорожники еще в довоенное время. На малыше висело что-то неопределенное, и трудно было установить, мальчик это или девочка. «Возьми этих скитальцев, — обратился ко мне начальник депо, — отведи для начала в столовую. Да, предупреди Стешу, чтобы не давали много еды. Неровен час, беды не миновать».

Стеша, директор деповской столовой, была человек опытный, к скитальцем отнеслась с материнской заботой и жалостью. Появившаяся же, очевидно, по команде начальника депо, комендант общежития Лагутина повела себя отнюдь не гостеприимно: «Эту нищету прежде отмыть надо. На них, поди, насекомых завелось, не оберешься. И одежду надо бы обновить». Я пообещал позаботиться об одежде для этих несчастных. Комендант успокоилась и подала знак, чтобы скитальцы последовали за ней. Стоило однако малышу попытаться прихватить с собой дорожную сумку, Лагутина запротестовала и даже попыталась отнять у малыша его со-

кровище. Стараясь защитить свою ношу, малыш совершил неосторожное движение, из сумки выпало несколько уродливых, измятых пластинок коричневого цвета. Малыш с визгом бросился собирать их и вталкивать в свою дорожную сумку. Я попросил старшего показать это сокровище. Одну пластинку квадратной формы я передал заведующей столовой, та, в свою очередь, отослала её на кухню. Не прошло и нескольких минут, как столовая погрузилась в невероятно назойливый и отвратительный запах. Работники столовой торопливо выбросили эту отраву в кучу дворового мусора.

– Что это? – спросил я старшего, когда рассеялся чад и смрад.

– Это то, что спасло нам жизни! – грустно ответил он.

– Но это же худший сорт столярного клея, — заметил я.

– Да, — согласился старший, — но другого у блокадников не было. И этого не хватало.

Нетрудно было заметить, что даже официальная и строгая комендант Лагутина не сумела сдержать слезы.

– И долго Вы питались этой отравой? — промолвила она. И, не дожидаясь ответа, увела блокадников с собой.

Мне не составило труда выполнить обещание, касавшееся одежды. В те годы Великой Отечественной войны вагонное депо получало время от времени одежду и продукты питания по ленд-лизу — системе американской помощи воюющей России. Блокадников-ленинградцев, ими оказались братья Пейсаховичи, не только накормили и приютили в нашем вагонном депо. Они были зачислены в кадровый состав предприятия. Пейсахович-старший, его звали Борис Натанович, по его словам, успел до блокады окончить Ленинградский государственный институт железнодорожного транспорта. Специализировался и проходил практику в Ленинградском пассажирском депо. Борис Натанович Пейсахович оказался не только неплохим инженером, но и организатором. В 1944 году он был назначен мастером по текущему ремонту вагонов. Его брат, маленький Зяма Пейсахович, находился на попечении старшего брата. Когда наступила долгожданная пора снятия вражеской блокады города на Неве, Пейсаховичу-старшему была предоставлена возможность вернуться в родной город. Борис Натанович отказался. Он еще долго трудился в вагонном депо, а с ним и подрастающий братец Зиновий Пейсахович. Те, кто имели с ними близкие

отношения, утверждали, что Пейсаховичи часто повторяли фразу: «Своим не изменяют!», когда им напоминали о возможности возвращения на родину. Нетрудно понять и оценить подлинный смысл этого изречения.

Пацаны

1942 год. Давно уже прошел праздник Всесоюзный день железнодорожников, а на фасаде чуть похилевшего здания инспекторской площадки вагонного депо продолжал висеть лозунг: «Пацаны! Ударным трудом отомстим фашистам за отнятое детство!»

Текст лозунга был написан неровным, нестройным почерком и не на кумаче, как было принято, а на кусках старой, вышедшей из употребления фанеры. Все другие лозунги и плакаты были сняты, а этот продолжал висеть и вызывать в людских душах щемящую тоску и боль. В заготовительном цехе вагонного депо в годы войны трудилось более двух десятков подростков. Им было от двенадцати до шестнадцати лет. В летние месяцы их рабочим местом являлось помещение инспекторской площадки вагонного депо. Сюда со всех цехов и производств депо свозились запасные части, детали, метизы, снятые с ремонтируемых вагонов. Здесь производилась сортировка этого «богатства». Все, что подлежало восстановлению, подвергалось реставрационному ремонту и пускалось вновь в дело. Если принять в расчет отсутствие или крайне ограниченное плановое снабжение депо запчастями для ремонта вагонов, нетрудно представить роль и значение инспекторской площадки в процессе производства. В помещении этой площадки были смонтированы специальные верстаки с учетом роста подростков, емкости для смазки. Ребятам были выданы необходимые инструменты и приспособления. В их задачу входило извлечь из всего, что приходило из цехов, прежде всего метизы: гайки и болты, шпильки, прокладки, шайбы и т. д., затем восстановление их порученным способом, используя в качестве пособия выданные им приспособления. Для нормальной работы ремонтных цехов депо ежедневно требовалось несколько сот килограмм, а иногда и тонн болтов и гаек, прокладок и шайб самых различных размеров. Извлечь их из всего, что поступало на инспекторскую площадку, было задачей не из легких. Эту добычу следовало рассортировать, каждый болт и гайку закрепить в тески, освободить от налета ржавчины, восстановить резьбу, погру-

зить на установленное время в емкость для смазки, высушить и предъявить специальному приемщику для определения пригодности к дальнейшему употреблению. Это была работа трудная. Она производилась исключительно вручную за счет физического труда подростков. Эту работу следовало бы выполнять взрослым людям. Да где их было взять, если вагонные детали весом пятьдесят и более килограмм на станках механического цеха обрабатывали преимущественно женщины. Производственные цеха депо не знали случаев, чтобы подростки не выполняли свои обязательства или по их вине задерживался выпуск вагонов из ремонта. К зиме, когда наступали холодные дни, подростков переводили в механический цех депо. Здесь они продолжали заниматься своим делом. Нередко случалось так, что подростки вынуждены были задерживаться на работе до поздней ночи и оставаться в депо на ночлег. По соседству с кузнечным цехом была сооружена специальная выгородка. Здесь было тепло, и это устраивало ребят. Со временем подростки превратились в неотъемлемую часть трудового коллектива депо. Многие, особенно срочные аварийные, дела не могли решаться без участия этой дружной рабочей гвардии. С наступлением весенних месяцев подростков направляли на овощную базу депо, где они с азартом занимались сортировкой овощей. С необыкновенным восторгом подростки воспринимали весть о прибытии в депо продуктов, поставлявшихся в годы войны по ленд-лизу. Они готовы были ни на минуту не покидать вагон с продуктами, особенно если предстояла разгрузка ящиков с американской тушенкой. Они были бесконечно счастливы, получая за работу несколько банок этого лакомства.

Ватага пацанов была отдана на попечение дяде Сене Москалеву, исполнявшего обязанности заведующего инспекторской площадкой. Дядя Сеня был опытным специалистом по ремонту вагонов, он много лет трудился в пункте технического осмотра вагонного депо, и его считали настоящим знатоком своего дела. Дядя Сеня мог без применения приборов определить «на глазок» степень износа колесного бандажа, и не требует ли точного замера шейки колесных пар. К началу Великой Отечественной войны — дяде Сене было за пятьдесят — он стал испытывать болезненные ощущения при ходьбе. Ему вручили в ведение инспекторскую площадку. Он безукоризненно исполнял обязанности хозяина этого производственного

подразделения, игравшего важную роль в бесперебойной работе ведущих ремонтных цехов и служб вагонного депо.

Дядя Сеня в своем роде был личностью уникальной. Он не переносил официальных форм обращения. Стоило произнести: «Товарищ Москалев, надо бы, или Вам необходимо сделать то-то», он тот час же расстраивался, мрачнел, злился, дело, за которое он брался, у него не ладилось, валилось все из рук. Но достаточно было назвать его дядей Сеней, и он буквально расцветал, молодец, неизвестно откуда у него бралась энергия, и дело спорилось в его мастеровых руках.

Когда я обратился к нему: «Дядя Сеня, хорошо бы Вам стать наставником эти подростков», то снисходительная улыбка на мгновение озарила его лицо и затерялась в пышных усах.

– У меня своих таких дома хоть пруд пруди, возьму и этих до кучи!

Подростки терпеливо переносили строгости начальника, уважали и любили дядю Сеню. При всей серьезности, с которой подростки относились к порученному делу, в сущности, они оставались детьми. Им были свойственны и шалости, и детские забавы. Мальчишками «пацанами» руководил Леня Ухов. Ему было шестнадцать лет, и он был самым старшим и не скрывал этого. Иногда он хвалился перед пацанами, что он еще какое-то время потерпит положение «тыловой крысы» и обязательно попадет на фронт. «Главное, – подчеркивал Леня Ухов, – чтобы до моего вступления в Красную армию не перебили всех фашистов». Леня страдал картавостью, но страшно любил пение. У него был хороший слух и неплохой подростковый голос. Когда мне доводилось посещать инспекторскую площадку, Леня Ухов звонко запевал:

Сто зе ты, начальничек, молчишь?

Ничего ты нам не говоришь,

Ты зе знаешь, сто в субботу

Мы не ходим на лаботу,

А суббота у нас каздый день!

Леня Ухов знал, что мне нравятся эти безобидные куплеты и его звонкий мальчишеский голос, и старался петь особенно громко. Он в такой же манере исполнял и другие песни. Пацаны уважали Леню и говорили, что он их «начальник». У девочек выделялась Света Колошина. Она была не по возрасту строга и требовательна. К Лене Ухову она относилась критически:

– Ты бы все пел, — ворчала она. – Работать надо. И за своими сорванцами следи. На ты и бригадир.

Леня Ухов прощал Свете ее выходки. Иногда адресовал ей свои колкости: «Волчать да мола читать – это васа зенская порода».

Увидев однажды, как в обеденный перерыв старшие ребята из заготовительного цеха затеяли игру на духовых инструментах, Света стала донимать меня, пока я не согласился обучать ее игре на трубе. Когда позднее в клубе железнодорожников был организован из девушек оркестр духовых инструментов, Света Колошина заняла пульт первой солистки партии игры на трубе.

Безжалостное военное лихолетие не обходило стороной и еще не окрепшие детские души.

Дядя Сеня вдруг забеспокоился — на работе не появился Леня Ухов. Раньше такое с Леной не случалось.

– Давайте запряжем Орлика, – обратился он ко мне. – Я съезжу на квартиру, узнаю, что с мальчишкой случилось.

Я дал согласие. Однако необходимость в этом отпала. На следующее утро Леня появился. Он был невеселым, мрачным. При встрече с дядей Сеней произнес: «Тепель мы будем зить с мамкой и похоронкой».

Меня он попросил перевести его в механический цех и разрешить обучаться токарному делу у одного из опытных токарей высшего разряда. Долгожданный и неожиданный День Победы был встречен всеобщим ликованием. В этом людском неудержимом полове радости и счастья необычайно выглядело родное депо. Вчерашние озабоченные сумрачные люди вдруг по-весеннему расцвели. Они смеялись и плакали, бросались в объятия друг другу. По-праздничному выглядело все: и безбрежное голубое небо, и молодая нарастающая зелень деревьев и кустарников. Казалось, вот-вот, преисполненные всеобщим торжеством, начнут движение, пустятся в плясовую новейшие, только что выведенные на подъездные пути из ремонтных цехов, вагоны.

– Жаль, что без меня покончили с фашистами. Я бы за папку отомстил, – проговорил Леня Ухов, совсем по-взрослому обнял меня и сообщил о том, что недавно сдал экзамены на токаря четвертого разряда. Я вдруг почувствовал, что Леня произнес эти слова четко, разборчиво, без картавости в голосе, которая донимала его прежде.

История следующая

1943 год. Страна, истерзанная войной, ликует! Войска Советской армии одержали

великую победу в Сталинградской битве. Средства массовой информации твердят на все лады о том, что Сталинград – это предвестник ближайшего окончательного разгрома фашистской Германии. В сердцах миллионов советских людей — радость, вера, надежда.

На подъездные пути вагонного депо поступают отечественные железнодорожные платформы, загруженные немецкими крытыми вагонами. Груз неравнозначный. На некоторых наших платформах красуются буквально новенькие, будто из недавнего ремонта, немецкие вагоны. Но чаще это изуродованные войной, обожженные, изрядно помятые скелеты, остовы бывших вагонов. Война не пощадила и их. На одном из очередных селекторных совещаний Народный комиссар железнодорожного транспорта страны Л.М. Каганович сформулировал жесткое требование: «Поставить немецкий подвижной состав на отечественные рельсы. И пусть он послужит делу победы над фашистскими захватчиками».

После селекторного совещания, которое, как правило, заканчивалось поздней ночью, начальник депо, расставаясь, пожимая мне руку, произнес: «Подбирай толковых ребят. На размышление не более недели. Иначе этот немецкий скарб может нас завалить. К тому же приказ наркома!»

Сначала, особенно, как говорят, «с горячки», многое в жизни кажется просто и легко. Подумаешь, задача, посадить немецкий вагон на отечественную вагонную тележку «Даймонта» или подвести другую по конструкции поясную вагонную тележку. И делу конец. Толковые, смышленные ребята, которые взялись за решение этой проблемы, оказались далеки от шапкозакидательства. Пересадка кузова немецкого крытого вагона, уютно чувствовавшего себя в Германии на рельсах укладки 110 сантиметра по ширине, на наши отечественные 144 сантиметра повлекли за собой переделку всей двигательной системы. В решении этой задачи ума и сноровки смышленных ребят из числа слесарей-вагонников оказалось недостаточно. В работу включились и слесари-инструментальщики, и токари и даже газосварщики. В таком составе нашим «смышленным ребятам» одним из первых на железных дорогах удалось найти пути переделки немецких крытых вагонов и поставить их на наши отечественные железнодорожные рельсы.

Не прошло и месяца с того памятного и волнительного дня, когда первый экспери-

ментальный вагон при участии самых высоких руководителей вагонного участка и вагонной службы дороги был признан вполне пригодным к строевой службе. Начальник вагонного депо, инженер-полковник службы тяги, вручил мне текст телеграммы руководителя вагонной службы дороги, в которой мне поручалось возглавить работу цеха среднего и капитального ремонта вагонов. Сколько их, немецких скелетов, прошло переделку, побывав в золотых руках мастеров-ремонтников цеха среднего ремонта депо! Трудно подсчитать, сколько их, обновленных, издающих сладостный аромат свежей покраски, было отправлено с подъездных путей вагонного депо служить Родине, Победе. Оценить это можно, лишь зная, какой острейший дефицит в крытом подвижном составе постоянно испытывала воюющая страна.

Прошло много лет. Сегодня подвижной состав железных дорог страны изменился до неузнаваемости. Он выглядит по-иному, базируется на новых, отличных от тех военных лет подвижных конструкциях и системах. Он удобнее в эксплуатации и ремонте. Ощущая эти радостные перемены, невольно вспоминаются далекие трудные будни военных лет, и чувство гордости наполняет все существо.

История дня

Очередной рабочий день в разгаре. Цех среднего ремонта вагонов загружен под завязку. Вагоны, требующие ремонта, с помощью специальных домкратов подняты и водружены на высокие прочные тумбы. В вагонах и под ними трудятся мастеровые люди: слесари-вагонники, слесари-специалисты по вагонным автоматическим приборам, плотники, маляры, смазчики. Ворота в цех распахнуты настежь. Лето властвует над землей. Солнце наполняет воздух теплом, уютом, блаженством. В кабинете начальника депо душно. Мыслить, соображать практически невозможно. Никто из присутствующих наверняка не помнит, когда высыпался. Оттого многих одолевает непреодолимая дремота. Идет очередная планерка. Начальник депо посаженным, утомленным голосом пытается повторить утреннюю сводку Совинформбюро о положении на фронтах Отечественной войны, переключается на наши деповские дела. Как и большинство присутствующих, не могу удержаться от одолевшей

дремоты. Но что-то вдруг меняет мое состояние. Вмиг рассеивается и улечучивается дремота. Меня стало наполнять ощущение тревоги. Эти перемены, очевидно, заметил начальник депо.

– Что с Вами? – обращаясь ко мне, спросил он.

– Я должен выйти. Уйти с заседания.

– Потерпите. Мы скоро закончим.

Он не успел договорить фразу. Я выскочил из кабинета. Не отдавая отчета, гонимый безотчетным предчувствием, метеором промчался вдоль станков заготовительного цеха, могучих станков-гигантов колесного цеха к выходу.

О боже! Какие неведомые силы способны вдруг стремительно изменить нас, наши мысли, ощущения, поступки!

Не верю тому, что вижу! В сторону цеха среднего ремонта вагонов медленно начинает двигаться вагон, только установленный для текущего ремонта. На путях территории этого цеха, попрыгивая, издавая протяжные гудки, выполняет маневровые работы паровоз «Кукушка». Мне почему-то кажется, что под его тяжестью вздрагивает земля, придавая ускорение движению коварного вагона, движущегося к месту страшной трагедии. Осматриваюсь вокруг — ни одного тормозного башмака. Пытаюсь криком звать на помощь. Никого. Хватаю лежащую неподалеку плаху-сороковку и бросаю ее под колеса вагона. Раздается страшный треск и хруст. Вагон на мгновение замирает и вновь продолжает движение. От предчувствия ужаса темнеет в глазах. Ощущение боли, будто колеса вагона переехали по моему существу. Замечаю бегущего ко мне бригадира цеха текущего ремонта вагонов.

– Гриша! – Кричу что есть мочи. – Башмаки!

Опытный и оборотистый бригадир мгновенно оценивает драматизм ситуации. Отыскал где-то спасительные башмаки и водрузил их под колеса набирающего скорость движения вагона. Издавая страшный визг и скрежет, колеса еще некоторое время продолжали передвигаться, наконец, колеса замерли. До ворот цеха оставалось каких-то четыре-пять метров. И только теперь, почувствовав надвигающуюся опасность из-под крайнего вагона, высыпали практиканты, учащиеся железнодорожного ремесленного училища. Они в мгновение окружили меня, не скрывая испуга и отчаяния, стали прижиматься ко мне, заливаясь спасительными слезами. Я тоже испытывал

такие же чувства. Я тоже был молод, недавний мальчишка. И тоже дал волю слезам. Мы плакали вместе.

Бывало и такое

Я уже несколько дней работаю в пункте технического осмотра вагонов. Это одно из ведущих производств вагонного депо. Им руководит Алексей Иванович Громов. Одновременно он являлся первым заместителем начальника вагонного депо. Его отсутствие, как правило, было связано с должностными обязанностями. Не могу объяснить почему, но в период его отсутствия руководить деятельностью этого производства поручалось мне. В пункте технического осмотра были сосредоточены лучшие опытные специалисты: осмотрщики вагонов, мастера по контролю за состоянием колесного хозяйства, слесаря-смазчики колесных букс подвижного состава. Им доверялся осмотр вагонов подвижного состава, следующего через железнодорожную станцию, «здоровые» или «больные» вагоны. Последние нужно было отцепить от поездного состава и направить в вагонное депо для прохождения текущего, среднего или капитального ремонта. Война и здесь диктовала свои немирные правила организации труда. Работники пункта технического осмотра, как и все железнодорожники, относились к разряду военнослужащих.

В один из ранних утренних часов, перед уходом на работу, моя набожная матушка, перекрестив меня, напутствовала: «Ты сегодня, сынок, поберегись. Сон мне снился недобрый». Да где уж там. Молодости не ведомы ни советы старших, ни страхи господние. Увлекала романтика труда. Жестокое время не позволяло расслабиться. В полдень на станционных путях пункта технического осмотра появилась «кольцовка» — так в годы войны именовали железнодорожные составы с грузами особого назначения. Составы сопровождали штатные проводники. Для их проживания специально оборудовались крытые двухосные вагоны. Проводники строго следили за качеством осмотра вагонов подвижного состава и своевременным продвижением по маршруту следования. Осмотр вагонов «кольцовки» было делом особенно ответственным. Работники пункта технического осмотра были хорошо осведомлены о режиме работы с подобными поездными составами. Они оперативно включались в работу, тщательно исследуя состояние каж-

дого вагона. Слесаря-смазчики, а это были, как правило, женщины, наперебой гревели, открывая и закрывая крышки колесных букс, заправляя буксы специальными смазочными материалами. Работа спорилась, незаметно летело время. Вот и дежурный по станции несет жезл-символ, получив который, машинист, ведущий груженный состав «кольцовки», получает право известить округу продолжительным паровозным гудком и отправляться в дальний путь. Следом за дежурным по станции к «кольцовке» приближается грозный капитан Чебышев из кэ-гэбэшников. Случалось, он прибежал к использованию пистолета, чтобы подтвердить свое право на власть.

Как нередко случается, в обстановке особого напряжения и накала страстей по неведомым законам проявляются вдруг досада, а иногда трагические просчеты в обычном, простом, казалось бы, деле. На этот раз усилия самых опытных осматрщиков-автоматчиков оказались не в силах остановить воздух из тормозного прибора одного из вагонов «кольцовки». Ситуация принимала драматический оборот. Необходимо было вмешаться, попытаться ее разрядить. Тщательно пропитав густым суриком прядь смазочного материала, я бросился под вагон и буквально зашпаклевал кран тормоза. Утечка воздуха прекратилась. Волнение сделало свое губительное дело. Я не услышал гудка паровоза. Стремительно бросился из-под вагона уже тогда, когда он пришел в движение, и тут почувствовал, что меня что-то удерживает. К счастью, беда настигла за пределами рельсового полотна. Делаю попытку высвободиться. Бесполезно. Меня волочет движущийся вагон вдоль рельсового пути. Поезд набирает скорость. Впадаю в отчаяние. Неожиданно последовал рывок, я оказался лежащим на земле. Надо мной склонилось несколько осматрщиков.

– Однако, – промолвил один из них, когда я поднялся. – Снимите пальто, товарищ начальник.

Я с ужасом обнаружил, что пальто было точно бритвой распластано от шлицы до воротника.

– Вас подцепил проволочный жгут, которым была стянута вагонная скоба. Нам удалось с нее Вас снять, приложив немалые усилия.

Домой я вернулся в другой одежде. Не хотелось расстраивать родную матушку. Не вышло. Матушка встретила меня со слезами: «Я же тебя предупреждала!» – упрекнула она. — «Ах ты, неслух».

Влада Шумахер

Мне необходимо было побывать по делам службы в ВЧ. Это аббревиатура структуры, стоящей по служебной лестнице выше вагонного депо. ВЧ означало вагонный участок. ВЧ являлся составной частью «В», то есть «Вагонной службы», структурного подразделения управления железной дороги. Вагонный участок дислоцировался на соседней мощной узловой станции в ста километрах от нашего вагонного депо. В летние месяцы туда можно было спокойно доехать на обычном сборном поезде-товарнике. Я приехал в пункт технического осмотра в надежде дождаться первого такого порожняка. Неожиданно встречаю Владу Шумахер, одну из учащих железнодорожного училища, проходящих практику в цехе среднего ремонта вагонного депо. Влада отпросилась у своего куратора, мастера производственного обучения, чтобы съездить домой по каким-то делам. Мы оказались попутчиками. Ждать порожняка оказалось недолго. Мы облюбовали один из крытых тормозных тамбуров. Проводник, человек довольно пожилого возраста, занимавший эту площадку, любезно уступил место, заняв аналогичное сооружение на соседней платформе. Ехать было не более двух часов. Я испытывал несказанное удовольствие от общения с Владой. Она держалась сдержанно, застенчиво, очевидно, по причине того, что я начальство, а она рядовая начинающая работница. Влада завершала обучение в училище по специальности слесарь-автоматчик. Так в обиходной лексике называли специалистов по наладке и ремонту автоматического оснащения тормозного устройства вагонов. По характеру трудовых усилий эта специальность в наибольшей степени соответствовала возможностям работниц-женщин.

Влада Шумахер выделялась среди своих сверстниц-практиканток не только трудолюбием и сноровкой, она была необыкновенно красивой девочкой. Я вообще не встречал представительниц ее пола, обладавших такими утонченными чертами не только лица, но и фигуры. Ее небольшое округлое, еще детское лицо украшали и изящный тонкий носик, и алые пухлые губы, и удивительно богатая до синевы черная шевелюра, пряди которой беспорядочными завитками выбивались из-под берета. Когда я спросил Владу, откуда у нее такая гармония достоинств, она улыбнулась легкой, не полной улыбкой и тихо, без заносчивости и гордости произ-

несла: «От природы». И так же застенчиво стала рассказывать: «У меня мама сибирячка настоящая. Зато папа чистых кровей цыган. Я до сих пор не знаю, при каких обстоятельствах они встретились. Об этом в нашей семье никогда не было разговора. Мы, дети, знаем только одно. Они, мама и папа, живут в дружбе и уважении».

— Так ты не одна такая красавица? — полюбопытствовал я.

— Нет. У меня есть и братец Степка, он мо- ложе меня и еще красивее. А о сестренке, ее назвали Рада, я сказать ничего не могу. Она еще очень маленькая. Вот приеду, посмотрю, тогда Вам расскажу, — и добавила, — если, конечно, Вам будет интересно знать.

Я заметил, что движение поезда стало укачивать мою спутницу. Она, не отдавая отчета, доверительно прильнула к моему плечу и погрузилась в дремоту.

«Она совсем еще ребенок», — глядя в открытое румянцем лицо Влады, подумал я. Ей в действительности едва исполнилось шестнадцать лет. Мы проехали большую часть пути, когда я почувствовал запах гари, пробивавшейся в тормозную будку. Я бросился к выходу и невольно отшатнулся. Из-под покрышки колесной буксы нашей тормозной площадки тонкой струйкой вырывался дымок. Это греется шейка колесной пары — мелькнула страшная мысль. Мгновенно представились возможные последствия трагедии. К счастью, покидая нашу площадку, старый проводник оставил деревянный, похожий на посылку ящик. Я без труда догадался о его содержимом, сорвав крышку ящика, обнаружил куски, по своему составу напоминавшие куски хозяйственного мыла. Я никогда с этим «мылом» не имел дела. Знал лишь по слухам, что это спрессованная смазка, которой проводники гасят задымления колесных букс. Прихватив несколько кусков этой смазки, попытался спуститься на ступеньки нашей тормозной будки. Дымящаяся букса оказалась недосягаемой. Вернувшись назад, быстро снимаю ремень, который носят мужчины в качестве подстраховки вставленным в проушины брюк. Прикидываю, хватит ли сил с его помощью дотянуться до крышки злосчастной буксы. И вижу стремительнее движение Влады. Она не только успела про- снуться, снять форменную шинель железнодорожника, но и, не задумываясь, сорвать с себя тонкое летнее платье-сарафан. Скручивает его в жгут и делает невероятное движение — перевязывает свою тонкую

оголенную фигуру тугим прочным жгутом. Выхватывает из моих рук кожаный пояс- ной ремень и, вручая мне конец ремня, спускается по ступенькам платформы. Затаив дыхание, следую за ней, крепко держа в руках конец ремня. Никогда я не испытывал такой ответственности, как в эти страшные минуты. Влада пытается открыть крышку колесной буксы, затолкать в нее какое-то количество похожей на мыло смазки, она буквально висит в ожидании, что задымлен- ние постепенно станет уменьшаться, а затем прекратится. Я поднял Владу со ступенек. И только, когда она оказалась в безопасно- сти, взглянул в ее лицо. Оно было покрыто дымным выбросом, серое и бледное. Нако- нец она улыбнулась. Я нежно обхватил ее обнаженное тело и прижал к себе. Она не сопротивлялась. Мне очень хотелось рас- целовать ее, но что-то меня удержало. Когда остановился поезд, Влада была уже в своем сарафане, и, оставив наш дорожный кров, мы поспешили к станционной водогрейке. Я помог моей спутнице-героине умыться, привести себя в надлежащий вид. Мы, не сговариваясь, выразили благодарность за то, что все обошлось благополучно. При этом каждый мысленно представлял, чем все могло закончиться, не предприняв мы меры, на которые с Владой решились. Исход подоб- ных возгораний был настолько трагичен, что о нем лучше было не думать. Мне было приятно, что моя спутница обретает прежнюю редкостную красоту и обаяние. Она вдруг обняла меня, обожгла нежным девичьим по- целуем и умчалась.

История с вагонной упряжкой

Сквозь привычный шум, царящий в ме- ханическом цехе, едва улавливаю голос по- сыльного, сообщающего о том, что меня требует к себе начальник вагонного депо. Бросаю все, направляюсь в кабинет босса. Начальник депо не скрывает волнения.

— Только что звонили из городского коми- тета партии, — устало произнес он, — с ми- нуты на минуту на наши подъездные пути подадут «пульман», в котором обнаружена трещина упряжи сцепления. Требуется сроч- ный ремонт.

Понимая, что возражать невозможно, ищущу оправдания.

— Сейчас 20 часов. Для такого срочного ремонта время не очень подходящее.

— Понимаю, — соглашается начальник депо, — тем не менее, следите за подачей

вагона. Приступайте к ремонту упряжи без промедления.

Начальник депо произносит краткий монолог, который воспринимается мною как приказ.

— В «пульмане» размещено несколько семей эвакуированных. Они возвращаются домой в Донецкую область.

Продолжения монолога начальника я уже не услышал. Мне необходимо было застать на месте того человека, без участия которого при всей срочности предстоящий ремонт упряжи произвести было невозможно.

— Дядя Сеня, — как можно громче и с тревогой в голосе воскликнул я, добежав до инспекторской площадки. Появился дядя Сеня Маскалев. В руках он держал ключи, чтобы закрыть помещение инспекторской площадки.

— А я уже домой собрался — время позднее. Я сбивчиво изложил суть дела, добавив: «Без Вас, дядя Сеня, это срочное дело не выполнимо».

— Я тоже так думаю, что невыполнимо, — устало подтвердил дядя Сеня. — А дома, — безысходно добавил он, — ждут дети. А их у меня целый десяток.

— Понимаю, — таким же усталым голосом сочувственно произнес я.

— Надо. Дядя Сеня, надо.

И уже более обнадеживающе продолжил: «Пока "пульман" в пути, пойдемте в столовую. Я попрошу Стешу. Она накормит Вас и приготовит что-нибудь для ваших детей. Работа нам предстоит не на один час». Дядя Сеня в который раз глубоко вздохнул и решительно подтвердил: «Да, работа не на один час!»

Мы отправились в нашу деповскую столовую.

Трещина вагонной упряжи в действительности оказалась серьезной. После ужина дядя Сеня почувствовал себя значительно бодрее и веселее. Он по-молодецки извлек довольно длинный и увесистый крюк сцепления, лихо водрузил его на плечо и направился в кузнечный цех. Там его уже ожидал один из опытных кузнецов, Григорий Чиплинский, он был настоящим мастером кузнечного дела. Одного только не терпел, талантливый кудесник.

— Не могу, — умолял он, — когда над душой стоят надсмотрщики. Дело из рук валится.

В цехе об этом знали. И Грише Чиплинскому досмотрами не докучали. Как и следовало по технологии, злосчастный крюк упряжи был погружен в кузнечный горн предельной температуры накала. По-

сле необходимой выдержки его следовало сначала развалить в месте трещины, а затем сварить способом горячейковки. Этот процесс мог совершать безошибочно только настоящий мастер кузнечных дел. После того как сваренный кузнечным способом крюк остынет, отойдет в естественных условиях, можно было вести работу дальше. Не дай Бог тебе попытаться ускорить его остывание с помощью струи холодной воды, крюк не выдержит, обязательно вновь даст трещину. Но в условиях естественного остывания эту важнейшую деталь, призванную обеспечить в эксплуатации безопасное движение вагона, следовало подвергнуть испытанию на специальном стенде. Эта операция входила в обязанности дяди Сени Маскалева, опытного слесаря-вагонщика. У него же хранился ключ от испытательного стенда. Наши волнения улеглись, когда дядя Сеня провел третье испытательное действие, подвергнув упряжь, как он выразился, запредельной нагрузкой на разрыв. Иначе нельзя. В «пульмане» едут люди, дядя Сеня облегченно вздохнул, и добавил: «Там немало детей!»

Он принялся снимать упряжь со стенда, чтобы заняться установкой его на рабочее место в пульмане, а я направился к шефу, чтобы доложить ему о благополучном завершении срочного горкомовского поручения. Проходя мимо своей конторки, услышал какие-то голоса. Вхожу, в служебке топчутся какие-то незнакомые люди. Пытаюсь выяснить кто они, и с чем пожаловали. Один из них ставит на мой рабочий стол что-то, напоминающее ящик.

— Что это? — спрашиваю, открывая крышку ящика. В нем беспорядочно разбросаны денежные купюры различного достоинства.

— Это благодарность, — ответили наперебой ходоки. — Извиняйте, все, что можем!

— Возьмите это богатство. Оно Вам пригодится в дороге, — глухо потребовал я. — Запомните, сибиряки имеют немало достоинств. Главное — они не продаются!

Войдя в кабинет начальника депо, машинально бросил взор на противоположную стенку. Так хотелось увидеть настенные часы, показывающие время. Но на стене часов не оказалось. Их вообще не было в кабинете инженера-полковника тяги. Невольно вспомнились стихи — безгрешные затеи мивших школьных лет:

А на стене, где были
Капли воска,

Где были пятна восковых свечей,
О капли бились чьи-то отголоски.
И голос, чей-то больше, чем ничей!

– Вы о чем? – Недоуменно спросил инженер-полковник тяги.

– О том, что наш паровоз «кукушка» вывозит вагон-«пульман» с эвакуированными донбассовцами на станционные пути.

Начальник депо потянулся к телефонной трубке, чтобы доложить горкому партии.

Я поспешил на встречу с дядей Сеней, чтобы он обязательно зашел в столовую к Стеше, захватил с собой то, что она приготовила. Дома дядю Сеню ждали дети. «Старый» добрый слесарь-вагонщик извлек из брючной заначки карманные часы довоенного образца. Он поднес часы к свету. «Ровно 24 часа», – произнес дядя Сеня и усталой походкой отправился за пределы территории вагонного депо.

Будьбе было угодно

Год 1946, август. В природе приметы уходящего лета, но еще не осень, не ее пора. В один из таких дней спешу в местный горком партии. В кармане партийный билет и бережно сложенный фирменный листок бумаги с текстом телеграммы, от чтения которого замирает сердце: «Вы зачислены слушателем Высших инженерных курсов Московского государственного института железнодорожного транспорта. Начало занятий 1 сентября текущего года». Сколько мучительных раздумий связано с этим листком, на котором выведены буквы текста телеграммы. Какие только мечты ни посещали мою набитую до отказа радостными фантазиями голову. Мне грезилось все: и далекая Москва, в которой я никогда не был, и учеба в столичном вузе, и то, что я продолжу совершенствование в любимой профессии. Отрасль железнодорожного транспорта в действительности была наиболее предпочтительной в нашей семье. Не только родители, но и мои многочисленные братья с одобрением относились к моей работе в вагонном депо и сами мечтали, когда подрастут, последовать моему примеру, стать железнодорожниками.

Работница сектора учета горкома неторопливо заполняет графы учетной карточки и вместе с моим партийным билетом направляется в кабинет первого секретаря горкома партии. Ожидаю результата. Проходит время, необходимое для подобной процедуры, а из кабинета первого секретаря горкома работница сектора учета не появляется. Начинаю испытывать обычный в таких случаях приступ волнения. Вскоре волнение переросло в тревогу. Наконец работница появляется, молча указывает на массивную дверь кабинета первого секретаря горкома, приглашая меня войти. За таким же массивным столом из резного дерева – крупная фигура пожилого человека. Он на мгновение окидывает меня взглядом, не обещаям ничего приятного, и сухо произносит: «Учиться, значит, захотел. Хозяином решил стать?» Молчу. Не вижу смысла вступать в разговор, чувствую, что «хозяин» города в ответе не нуждается. Он снимает телефонную трубку и через некоторое время в кабинете появляется человек молодого возраста и больших внешних достоинств.

– Сергей Васильевич, – обращается к вошедшему первый, – у нас, кажется, нет секретаря горкома комсомола?

– Ищем, Егор Кондратьевич, – отвечает вошедший.

– Не ищите, – следует команда первого, – собирайте пленум и избирайте этого молодого человека секретарем горкома комсомола.

– А телеграмма, – едва вымолвил я. – Это же вызов на учебу.

– Запомните, молодой человек, Вам оказывает доверие партия. А она не может быть горбатой, чтобы преклониться перед какими-то телеграммами.

И почувствовав, что обращается со мной достаточно грубо и бестактно, снисходительно добавил: «Вас ждет не менее интересная работа. Так что желаю успеха!»

Через несколько дней я оказался в довольно просторном кабинете, на дверях которого красовалась вывеска «Секретарь Ленинск-Кузнецкого горкома ВЛКСМ»...

Наталья Коргожа

Коргожа Наталья Степановна — заведующая кафедрой социально-культурной деятельности, кандидат педагогических наук, доцент. Выпускница Кемеровского государственного института культуры. В 1988 году окончила очную аспирантуру Ленинградского государственного института культуры им. Н.К. Крупской и защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Культурно-просветительная работа». Автор научных и учебно-методических публикаций по проблемам риторики, коммуникативной культуры, мастерству ведущего культурно-досуговых программ и истории социально-культурной деятельности. Живет в Кемерове.

Легендарный профессор в строю

В год 65-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне мы отдаем дань глубочайшего уважения нашим ветеранам. Их жизненный и профессиональный опыт является для нас примером беззаветного служения Отечеству и преданности избранному делу. У всех участников военных лет разные биографии. Одни отважно сражались на фронтах, другие мужественно держали бессменную трудовую вахту в тылу, но все они прошли через жестокие жизненные испытания и победили.

Кафедра социально-культурной деятельности гордится тем, что в ее составе успешно трудится легендарный профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный гражданин Кемеровской области, профессор Иосиф Лазаревич Курочкин. Его заслуженно называют человеком-эпохой, легендой Кузбасской культуры за вклад, который он внес в развитие культуры Кузбасса, в подготовку специалистов социально-культурной сферы Западно-Сибирского региона.

Судьбы людей военного поколения удивительны. Те молодые, родившиеся до войны, были, по-видимому, воспитаны иначе, имели другие жизненные ценности. Они жили с глубокой верой в справедливость и будущее счастье всего народа, они умели жертвовать собой ради высокой идеи и процветания страны. В чем же секрет молодости и жизненной стойкости Иосифа Лазаревича Курочкина? Может быть, в том, что он представитель того военного поколения, которое закалили эти боевые годы.

Когда началась Великая Отечественная война, Иосифу Лазаревичу Курочкину было 17 лет. Незадолго до окончания школы он посылал документы в Ленинградский институт журналистики им. В.В. Воровского, но война разрушила все его планы. В октябре 1941 года он был призван в ряды Советской Армии. Службу проходил в городе Бердске, но в военных действиях не участвовал, так как был направлен военным комиссариатом в специальную железнодорожную школу. После ее окончания в 1942 году И.Л. Куроч-

кина направили работать в вагонное депо станции Кольчугино (ныне город Ленинск-Кузнецкий) Томской железной дороги сначала мастером механического цеха, а затем помощником начальника цеха.

«Это было невероятно трудное время, — вспоминает И.Л. Курочкин, — работали целые сутки, спали прямо в депо, недоедали, недосыпали, стараясь не только отремонтировать десятки вагонов, но и произвести переналадку трофейных немецких вагонов под установленную железнодорожную колею». Однако удалось преодолеть все трудности и выстоять в этой тяжелой войне. Наверное, спасали твердость духа и вера в победу, которые ввели Иосифа Лазаревича Курочкина по дороге жизни многие годы.

После окончания Великой Отечественной войны молодого, подающего надежды вагонника Наркомат путей сообщения рекомендовал на высшие инженерные курсы в Москву. Но телеграмма с вызовом на учебу так и осталась лежать на столе. В 1946 году пленум Ленинск-Кузнецкого горкома комсомола избрал И.Л. Курочкина 2-м секретарем горкома комсомола как активного и талантливого организатора молодежи. Затем была учеба в Высшей комсомольской школе в Москве (1948–1949). Все последующие годы молодости И.Л. Курочкина были тесно связаны с работой в комсомоле в качестве первого руководителя горкомов ВЛКСМ (секретаря горкома ВЛКСМ города Ленинск-Кузнецка (1946–1947 и 1950–1952) и города Тайги Кемеровской области (1947–1948)).

В 1952 году он возглавил крупнейшую комсомольскую организацию Кемеровской области в должности первого секретаря обкома ВЛКСМ. В 1955 году И.Л. Курочкин поступил в Новокузнецкий государственный педагогический институт, а в 1959 году окончил его по специальности «История».

Более 30 лет И.Л. Курочкин был одним из ярких руководителей социально-культурной сферы Кузбасса, работал секретарем Кемеровского облсовпрофа (1962–1967), начальником управления культуры Кемеровского облисполкома (1967–1984), директором Кемеровского областного художественного училища (1984–1987). В период руководства И.Л. Курочкиным управлением культуры Кемеровского облисполкома активно формировалась материальная база культуры Кузбасса.

В 60–70-е годы в Кузбассе было построено более 380 объектов культуры и искусства,

среди них — концертный зал Кемеровской филармонии, два государственных цирка (в г. Кемерове и г. Новокузнецке), Дворец культуры Запсиба в г. Новокузнецке и Дворец культуры цементников в г. Топки, Новокузнецкая городская библиотека, Тяжинский и Яшкинский районные Дома культуры. Особое внимание И.Л. Курочкин уделял созданию системы музыкально-эстетического воспитания детей и способствовал открытию музыкальных школ, школ искусств и их филиалов в городах и селах Кузбасса.

Создание Кемеровского государственного института культуры в 1969 году также связано с деятельностью И.Л. Курочкина, сумевшего доказать необходимость открытия вуза культуры в Кузбассе. С 1987 года по настоящее время И.Л. Курочкин работает в Кемеровском государственном университете культуры и искусств: с 1987 по 1991 год — зав. кафедрой культурно-просветительной работы, с 1991 года по настоящее время — профессором кафедры социально-культурной деятельности.

Многие годы он с большим мастерством читает ведущий общепрофессиональный курс «Социально-культурная деятельность», его лекции пользуются неизменным успехом у студентов, а сам Иосиф Лазаревич — огромным авторитетом и уважением студентов и преподавателей университета. Учебные занятия проводит на высоком теоретическом и методическом уровне, постоянно обновляя содержание читаемых учебных дисциплин. В учебном процессе его отличает деятельный подход, постоянное стремление к совершенствованию, он всегда старается быть современным и интересным молодому поколению.

В течение многих лет И.Л. Курочкин успешно руководит дипломными работами студентов, которые обращены к важнейшим и актуальным проблемам современной социально-культурной деятельности, имеют большую практическую значимость, тесно связаны с деятельностью учреждений культуры и образования, характеризуются актуальностью исследуемых проблем. Практическая ценность и значимость дипломных работ, подготовленных под руководством И.Л. Курочкина, заключается в их тематическом разнообразии и широкомасштабности «проблемного поля» социально-культурной сферы, учете и реализации регионального компонента, исследовании деятельности конкретных социально-культурных учреждений Кемеровской области.

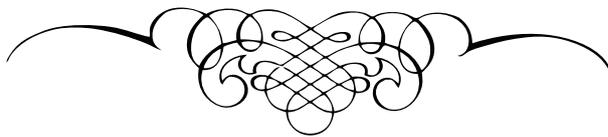
С 1999 года по настоящее время И.Л. Курочкин является руководителем специализации «Педагогика детско-юношеского досуга», имеющей богатые традиции по подготовке квалифицированных специалистов для социально-культурной сферы. Выпускники специализации «Педагогика детско-юношеского досуга» неизменно пользуются высоким спросом на рынке труда и успешно работают в учреждениях культуры, искусства и образования региона.

За большой вклад в развитие культуры Кузбасса И.Л. Курочкин награжден почетным знаком «За достижения в культуре» (1998), имеет почетное звание «Лауреат премии Кузбасса» (2003), награжден орденом «Трудового Красного Знамени» (1971), орденом «Знак Почета» (1961) и многими медалями: «За трудовую доблесть» (1966), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1966), «30, 40, 50, 60 лет Победы в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.» (1975, 1985, 1995, 2005), «За особый вклад

в развитие Кузбасса» III и II степени (2001, 2005), «За служение Кузбассу» (2004) и другими знаками отличия.

Иосиф Лазаревич Курочкин принадлежит поколению победителей, которое умеет ставить высокие цели и их достигать. Жизнь доказала, что цели, которые ставил перед собой И.Л. Курочкин, достигнуты. Иосиф Лазаревич всегда востребован, он всегда в гуще дел и событий, он восхищает своей ответственностью, работоспособностью, высочайшей внутренней культурой и интеллигентностью.

Кафедра социально-культурной деятельности поздравляет с Великой Победой заслуженного работника культуры Российской Федерации, Почетного гражданина Кемеровской области, профессора Иосифа Лазаревича Курочкина и выражает искреннюю благодарность за верное служение культуре, за подвижнический преподавательский труд, за большой вклад в подготовку специалистов социально-культурной сферы. Так держать, легендарный профессор!

Эльмира Афанасьева

Афанасьева Эльмира Маратовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ и кафедры литературы и русского языка КемГУКИ. Автор более 60 научных работ, среди них: Русская стихотворная «Молитва». Антология. Томск, 2000; Феномен книги в художественном мире М. Ю. Лермонтова. Кемерово, 2007. С 2005 года ведущая авторской рубрики «Невыразимое» о русской литературе, культуре и мифологии (областное радио Кузбасса).

НЕВЫРАЗИМОЕ: А. П. ЧЕХОВ - ФРАГМЕНТЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

(Из цикла авторских передач
на областном радио «Кузбасс»)

Фрагмент первый Семья Чеховых

Антон Павлович Чехов родился в 1860 году в Таганроге. Он праздновал свой день рождения 17 января, по новому стилю это 29 января. Дед по отцу был крепостным, происходил из Воронежской губернии. Ему удалось выкупить себя и всю семью еще до отмены крепостного права.

Отец писателя, Павел Егорович, с крепостной предысторией, смог организовать торговое дело и стал купцом третьей гильдии. Переселившись в Таганрог, он женился на Евгении Яковлевне Морозовой, происходившей из купеческой семьи. Она получила образование в таганрогском частном пансионе благородных девиц, где ей привили любовь к театру, литературе, живописи. Шестеро детей, рожденных в этом браке, были необыкновенно талантливыми людьми, их жизнь непосредственным образом связана с историей литературы и русской культуры в целом. Антон Павлович Чехов говорил о своих братьях и сестре следующее: «талант в нас со стороны отца, а душа — со стороны матери» [8, с. 56].

Родственная взаимовыручка формировалась изначально в контексте общего торгового дела, которое, говоря современным языком, было семейным бизнесом. У Павла Егоровича в Таганроге была бакалейная лавка, где работали и его сыновья. Эта лавка открывалась в пять часов утра, а запиралась не ранее одиннадцати часов вечера, «а если завсегда таи засиживались в приятной беседе, — то и в первом часу ночи» [7, с. 40]. Приведу фрагмент воспоминаний старшего брата писателя Александра Чехова: «Едва ли

многим из читателей и почитателей покойного Ант. П. Чехова известно, что судьба в ранние годы его жизни заставила его играть за прилавком роль мальчика-лавочника в бакалейной лавке среднего разряда. И едва ли кто поверит, что этот строгий и безусловно честный писатель-идеалист был знаком в детстве со всеми приемами обмеривания, обвешивания и всяческого торгового мелкого плутовства. Покойный Антон Павлович прошел из-под палки эту беспощадную подневольную школу целиком и вспоминал о ней с горечью всю свою жизнь. Ребенком он был несчастный человек» [7, с. 30]. Сам Чехов дал следующее определение начальному этапу своей жизни: «В детстве у меня не было детства» [7, с. 31].

Так уже сложилось в чеховедении, что описание детства и недетских занятий будущего писателя носит оттенок сочувствия и сопереживания ему. Таганрогские будни Чеховых включали в себя: учебу в гимназии, работу в бакалейной лавке и изнуряющее пение в церковном хоре. Это не только жестко организованный быт, но и постоянные внутрисемейные общие интересы, взаимопомощь и взаимовыручка. Трое старших братьев не только сменяли друг друга за прилавком, но и пели трио в церкви: «Да исправится» или же «Архангельский глас». Хоровое пение учит прислушиваться друг к другу, подчинять свой голос голосу партнера. В таганрогском окружении постепенно формировался образ братьев Чеховых, культ чеховской семьи.

Даже в настроенно-отрицательной оценке писателем своего детства нетрудно увидеть это. В письме литератору И. Л. Леонтьеву-Щеглову Чехов вспоминал: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным, религии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками» (письмо от 9 марта 1892 г.). Обратим внимание, что даже в переживании трудностей своего детства Чехов вспоминает именно о своей семье и не мыслит себя вне связи с братьями, которые разделяли единую участь церковного образования.

Нужно иметь недетский характер, чтобы остаться за старшего вместе с младшим братом в Таганроге для завершения обучения в гимназии в то время, когда вся семья, после разорения отца, уезжает в Москву. Самостоятельная жизнь Чехова начинается в 16 лет и практически три года он еще вынужден оставаться в родном городе для завершения курса обучения. Но без поддержки семьи невозможно представить становление Чехова как писателя. Судьбоносное решение о переезде в Москву позже позволит Антону Павловичу назвать себя москвичом.

Что дает семье Чеховых переезд из Таганрога? Прежде всего, возможность получения качественного образования. Старший брат Александр поступает в Московский университет на физико-математический факультет. Во многом именно он задает планку жизненной самореализации для младших братьев и сестры. Еще в студенческие годы Александр начал сотрудничать с юмористическими журналами, где помещал свои рассказы и фельетоны. Через него и Антон Чехов публикует первые пробы пера под псевдонимом «Брат моего брата».

Второй сын Чеховых – Николай – обучался в Москве в Школе живописи, ваяния и зодчества, был карикатуристом, а также иллюстратором произведений своего брата-литератора. Через Николая семья Чеховых знакомится с Левитаном, творческий диалог писателя и художника достоин отдельного освещения.

Антон, третий сын в семье, закончит медицинский факультет, но его судьба будет связана с судьбой русской культуры, находясь в непрерывном становлении вот уже более ста лет. Четвертый сын Чеховых Иван станет педагогом. Хотя он не получит высшего образования, но всю жизнь будет восполнять этот недостаток самообразованием.

Самый младший, Михаил, получил юридическое образование в Московском университете. Он хорошо играл на фортепьяно, рисовал, а с начала 1900 годов полностью посвятил себя литературе.

Единственная сестра Мария закончит Высшие женские историко-литературные курсы Герье, будет преподавательницей истории и географии в частной женской гимназии в Москве. Она увлеклась живописью, училась в Строгановском училище, а позже в частной студии. Среди ее педагогов были В. А. Серов и К. А. Коровин.

Из шести детей Чеховых четверо обладали незаурядным литературным талантом.

Очевидно, в семейной атмосфере существовала здоровая конкуренция, подзадоривавшая реализацию литературных амбиций. Во многом благодаря семейной атмосфере сохранен архив Антона Павловича, сформирована научно-исследовательская традиция, а также музейная история.

Мария Павловна после смерти брата полностью посвятила свою жизнь собиранию и публикации наследия писателя. Она организовала в Ялте музей, делами которого занималась до самой смерти. Незаменимыми источниками понимания художественной эстетики Антона Павловича являются мемуарные свидетельства старшего брата Александра и книга младшего брата Михаила «О Чехове», которая в истории литературы приравнена к чеховской энциклопедии. Через Михаила Чехова осуществилась своего рода связь времен: оставив юридическую практику, в XX веке он занимается редакторской деятельностью. В 1903 г. состоит издателем журнала «Европейская Библиотека». Публикует рассказы, критические заметки. Вплоть до 1936 года Михаил Павлович является вдохновителем и создателем русской чеховианы.

Таков краткий обзор истории семьи, которая вырвавшись из крепостной зависимости, определила путь развития русской культуры.

Фрагмент следующий

А. П. Чехов. Жанр короткого рассказа

Начало литературной деятельности А. П. Чехова относится к 1880 году. Это — студенческий период его жизни, он учится на втором курсе медицинского факультета Московского университета, и литературная деятельность воспринимается им как возможность заработка. Сохранился афоризм Чехова: «Медицина — моя законная жена, а литература — любовница» [7, с. 597]. Однако уже первые литературные опыты обнаруживают чеховский стиль в малой прозе. В это время в российской журналистике очевиден всплеск интереса к юмористическим изданиям. Чехов начинает сотрудничество с такими журналами, как «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», позже его рассказы появляются в журналах «Развлечение», «Осколки», «Свет и тени». В 1884 году увидит свет его первая книга театральных рассказов «Сказки Мельпомены», а через семь лет после литературного дебюта за сборник рассказов «Су-

мерки» ему будет присуждена половинная Пушкинская премия.

Журнальные публикации и даже первые свои сборники Чехов подписывал литературными псевдонимами. Их известно более пятидесяти. Вступая на литературную стезю вслед за старшим братом Александром, Антон Чехов подписывается «Брат моего брата». В качестве литературного имени он также использует прозвище, которым его окрестил преподаватель таганрогской гимназии — Антоша Чехонте. Для именованья приспособляется даже медицинский диангностика. Так появляется псевдоним «Человек без селезенки». С юмористическими подписями связаны и некоторые журнальные казусы. В письме 1883 года к издателю журнала «Осколки» Николаю Александровичу Лейкину Чехов сообщает: «Как-то мне приходилось подписываться кое-где "Крапивой". Заявляю торжественно, что материя, печатающаяся с тем же псевдонимом в "Стрекозе", не есть дело рук моих». Среди литературных имен писателя известны: Маккар Балдастов, Врач без пациентов, Гайка № 6, Гайка № 9, Прозаический поэт, Рувер, Шампанский и другие.

Чехов входит в литературу как мастер короткого рассказа. Размышляя над этим жаром, он постепенно формулирует ценность лаконичного стиля, что отразилось в ставших уже крылатыми фразах: «Краткость — сестра таланта» (письмо Ал. П. Чехову от 11 апреля 1889 г.), «Искусство писать состоит, собственно, не в искусстве писать, а в искусстве... вычеркивать плохо написанное» [7, с. 164].

Чеховский лаконичный рассказ настолько концентрирует описание жизненных событий, что они из бытовых превращаются в бытийные. Он изображает жизненные сценки и зарисовки, в которых значительная роль отводится диалогу. Чеховский герой наделен своим голосом, своим видением ситуации. Причем автор словно наблюдает за происходящим со стороны, что позволяет представить описанное как некий фрагмент жизни. В рассказах очевиден интерес писателя к драматическому моделированию ситуаций, которые часто превращаются в маленькие спектакли, каковыми, к примеру, являются «Хамелеон», «Толстый и Тонкий». Малая проза обнаруживает формирование стиля Чехова-драматурга. В диалогах его героев обнажается не только точка зрения персонажа, но и его незащищенность перед складывающимися обстоятель-

ствами. Чеховские герои проявляют себя в высказывании, в проговаривании того, что «накопилось» у них на душе. Палитру диалогических ситуаций составляют разговор с начальником и подчиненным, диалог с бывшим знакомым или со случайным встречным; все это — многообразие ролевых функций, которые примеряет на себя человек, решившийся начать разговор. Одна из крайних форм болтливости чеховского персонажа — разговор с собакой, которая становится объектом неудержимой словоохотности пьяного героя. В рассказе «Разговор человека с собакой» коллежский секретарь Алексей Иванович Романов пытается доказать рычащей и гавкающей овчарке ростом с доброго волка, что человек — венец мироздания. А потом убеждает разъяренного собеседника, что сам он, Алексей Иванович Романов, — тунеядец, взяточник и лицемер. На другой день, проснувшись в полдень, он удивлен, что его голова, руки и ноги были в повязках, а перед ним стояла заплаканная жена и озабоченный доктор.

Помимо интереса к живому диалогу, чеховские рассказы демонстрируют невероятное разнообразие письменных жанров: от писем, записок, дневников, до служебных записок, жалобных книг, кляуз и учебных работ.

Письменный язык значительно отличается от языка разговорного. Спонтанность и эмоциональность живого общения в ситуации письма подвергается законам материализации слова в букве, когда необходимо проявить определенные усилия не только для выражения той или иной идеи, но и для соблюдения правил орфографии, пунктуации, стилиобразования. В письме отражается уровень внутренней культуры, образованности и самоорганизации пишущего. Со стремления раскрыть индивидуальный стиль в письменном варианте начинается литературная деятельность Чехова. Дебютный рассказ «Письмо ученому соседу» был опубликован в журнале «Стрекоза» за 1880 год. Юный автор получил ответ следующего содержания: «Милостивый государь! Редакция имеет честь известить Вас, что присланный Вами рассказ написан недурно и будет помещен в журнале. Гонорар предлагается редакцией в размере 5 к. со строки» (Т. 1, с. 555). С момента первой публикации письменный язык станет объектом пристального интереса Чехова.

В его художественном мире человек перед чистым листом — в какой-то степени стрес-

совая ситуация. Письмо дается с трудом, размышления над грамматическими заданиями неизбежно выдает косность мысли. Таков один из ранних рассказов «Каникулярные работы институтки Наденьки N». Среди примеров на сочетание предложений Наденька приводит следующее:

1. «Недавно Россия воевала с Заграницей, при чем много было убито Турков»

2. «Железная дорога шипит, везет людей и зделана из железа и материалов»

3. «Говядина делается из быков и коров, баранина из овечек и баранчиков»

Излюбленным сюжетом Чехова становится сочинение разного рода правил. Таковы «Правила для начинающих авторов» или «Руководство для желающих жениться». Косность канцелярского языка, выворачивающего наизнанку само представление о культуре «человека пишущего», проявлена в рассказах «Служебные пометки», «Донесение». Письменный язык превращается в обрывки разнородных фраз, спрессованных заданной ситуацией.

Законы письменного языка нередко становятся темой для размышлений философствующих дилетантов. В рассказе «Мыслитель» тюремный смотритель Яшкин демонстрирует свою лингвистическую теорию. Представлю для размышлений фрагмент этого рассказа:

«Знойный полдень. В воздухе ни звуков, ни движений... Вся природа похожа на одну очень большую, забытую богом и людьми, усадьбу. Под опустившейся листвой старой липы, стоящей около квартиры тюремного смотрителя Яшкина, за маленьким треногим столом сидят сам Яшкин и его гость, штатный смотритель уездного училища Пимфов. Оба без сюртуков; жилетки их расстегнуты; лица потны, красны, неподвижны; способность их выражать что-нибудь парализована зноем... Лицо Пимфова совсем скисло и заплыло ленью, глаза его посоловели, нижняя губа отвисла. В глазах же и на лбу у Яшкина еще заметна кое-какая деятельность; по-видимому, он о чем-то думает... Оба глядят друг на друга, молчат и выражают свои мучения пыхтеньем и хлопаньем ладонями по мухам. На столе графин с водкой, мочалистая вареная говядина и коробка из-под сардин с серой солью. Выпиты уже первая, вторая, третья...

— Да-с! — издает вдруг Яшкин, и так неожиданно, что собака, дремлющая недалеко от стола, вздрагивает и, поджав хвост, бежит в сторону. — Да-с! Что ни говорите, Филипп

Максимыч, а в русском языке очень много лишних знаков препинания!

— То есть, почему же-с? — скромно вопрошает Пимфов, вынимая из рюмки крылышко мухи. — Хотя и много знаков, но каждый из них имеет свое значение и место.

— Уж это вы оставьте! Никакого значения не имеют ваши знаки. Одно только мудрование... Наставит десяток запятых в одной строчке и думает, что он умный. Например, товарищ прокурора Меринов после каждого слова запятую ставит. Для чего это? Милостивый государь — запятая, посетив тюрьму такого-то числа — запятая, я заметил — запятая, что арестанты — запятая... тьфу! В глазах рябит! Да и в книгах то же самое... Точка с запятой, двоеточие, кавычки разные. Противно читать даже. А иной франт, мало ему одной точки, возьмет и натыкает их целый ряд... Для чего это?

— Наука того требует... — вздыхает Пимфов.

— Наука... Умопомрачение, а не наука... Для форсу выдумали... пыль в глаза пущать...»

На этом я вынуждена прервать философствование чеховских героев с надеждой, что читатель обратится к первоисточнику.

Фрагмент географический Чехов и Сибирь

— Отчего у вас в Сибири так холодно?

— Богу так угодно!

А. П. Чехов «Из Сибири»

«Сенсационная новость, — сообщала газета "Новости дня" в январе 1890 года, — А. П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Прием совершенно новый у нас... Это первый из русских писателей, который едет в Сибирь и обратно». Последняя фраза из газетной заметки иронично ориентирована на судьбы сосланных писателей. Такова была участь А. Н. Радищева, сосланного в Сибирь за «Путешествие из Петербурга в Москву», Ф. М. Достоевского, отбывавшего наказание за участие в кружке Петрашевского в Омском и Кузнецком острогах. Чехов же добровольно едет на остров ссыльных каторжных. Так начинается новый виток его жизни. Ему 30 лет. Он практикующий врач, известный писатель. Невольно проводится параллель с пушкинским вопросом из «Евгения Онегина»: «Уже ль мне скоро 30 лет?» Тридцатилетие, очевидно, и Чеховым мыслилось как знаковый, переломный возраст. Действи-

тельно, после этой поездки, после знакомства с Россией с её окраины, в творчестве Чехова, по символическому самоопределению, «все просахалинино».

Сохранилось воспоминание младшего брата писателя о причинах, побудивших Антона Павловича совершить поездку на Сахалин. В 1889 году Михаил готовился к выпускным экзаменам в университете, повторяя лекции по уголовному праву и тюрьмоведению. «Эти лекции заинтересовали моего брата, он прочитал их и вдруг засбирался. Начались подготовительные работы к поездке. Ему не хотелось ехать на Сахалин с пустыми руками, и он стал собирать материалы. Сестра и ее подруги делали для него выписки в Румянцевской библиотеке, он доставал оттуда же редкие фолианты о Сахалине. Работа кипела» [7, с. 221].

Между тем, близкие, друзья, знакомые недоумевали, зачем Чехов отправляется в дальнейшее путешествие. Сибирь и Сахалин в конце XIX века — заселены ссыльными. В 1871 году была опубликована книга С. Максимова «Сибирь и каторга», где давалась подробная классификация ссыльных и поселенцев. Затяжная поездка с апреля по декабрь в каторжный край сулила бесконечные дорожные проблемы: весенний разлив рек, ужасающий летний гнус, осеннее бездорожье, зимний холод. Все это предстояло испытать Чехову, которого уже к этому времени одолевала легочная болезнь. Издатель Алексей Суворин считал это путешествие «нелепой затеей», писал Чехову, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен.

Чехов отвечает на это утверждение резко, констатируя ужасающие факты и тем самым четко определяя цель поездки. Далее цитата из его письма А. С. Суворину от 9 марта 1890 года: «Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. <...> Не дальше как 25–30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершили изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что Бог дурно создал человека. Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть

на Сахалин, как военные на Севастополь. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей». И далее: «В наше время для больных делается кое-что, для заключенных же ничего; тюремное содержание совершенно не интересует наших юристов. Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе. Я же лично еду за пустяками».

Поездка «за пустяками» была не из легких: из Москвы до Ярославля – по железной дороге; из Ярославля на пароходе по Волге и Каме до Перми; из Перми до Тюмени – по железной дороге; из Тюмени до Байкала – на лошадях (с остановками в Тюмени, Ишиме, Томске, Красноярске, Иркутске); через Байкал на пароходе, а затем снова на лошадях до Сретенска; из Сретенска до Николаевска – водный путь: по Амуру и через Татарский пролив на Северный Сахалин (Т. 10, с. 578).

Официальная цель поездки была связана с переписью населения, соответственно Чехов должен был встретиться едва ли не с каждым жителем Сахалина. Он говорил с людьми, заполнял статистические карточки, наблюдал за каторжным бытом, за образом жизни местного населения, – при необходимости лечил, потому что медицину он всегда воспринимал как первостепенное занятие. Он писал, что «объездил все поселения, заходил во все избы, вставал каждый день в пять часов утра и все дни был в сильном напряжении от мысли, что многое еще не сделано» (письмо А. С. Суворину от 11 сентября 1890 г.). С острова Чехов привез «целый сундук всякой каторжной всячины», около 10 тысяч статистических карточек и, по его выражению, «много всяких бумаг» (А. С. Суворину – 9 и 17 декабря 1890 г.).

Произведений, в которых нашла отражение каторжная тема, не так уж много: «Гусев», «Бабы», «В ссылке», «Рассказ неизвестного человека», «Убийство». Центральное место в этом ряду занимают очерки «Из Сибири» и книга «Остров Сахалин». Описание сибирского путешествия оформляется в процессе поездки, и Чехов отправляет очерки в Москву для публикации непосредственно с места собы-

тий. Так сказать по горячим впечатлениям от пребывания в холодном краю.

Цикл «Из Сибири» состоит из 9 очерков, практически каждый имеет свою датировку. Первые написаны в мае 1890 года, последний – 20 июня. Очерковый характер прозы Чехова связан с констатацией увиденного. Например: «По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст». Еще один пример с колоритными гастрономическими подробностями: «К чаю мне подают блинов из пшеничной муки, пирогов с творогом и яйцами, оладий, сдобных калачей. Блины тонкие, жирные, а калачи вкусом и видом напоминают те желтые, ноздреватые бублики, которые в Таганроге и в Ростове-на-Дону хохлы продают на базарах. Хлеб везде по сибирскому тракту пекут вкуснейший; пекут его ежедневно и в большом количестве. Пшеничная мука здесь дешевая: 30–40 коп. за пуд».

Перед Чеховым стоит творческая задача изобразить не только то, что он видел, но и как он видел. Авторское описание Сибири — это описание человека с европейским сознанием, другой культуры. Отсюда противопоставление Россия – Сибирь. Свежий взгляд воспринимает бесконечность тайги, о которой Чехов постоянно стремится рассказать, но всегда оставляет недоговоренной, незавершенной эту тему. Образ сибирской тайги выступает своего рода аналогом чеховского описания масштабной грандиозности моря. Между тем, европеец в Сибири без помощи местного населения не справился бы ни с разливом рек, ни с переправой, ни с подбором одежды. Многочисленные дорожные встречи в пути воссоздают образ сибиряка: это и интеллигентный ссыльный, и бродяга, и изнуренный каторжник, и поселенец. Художественные вкрапления очевидны при характеристике одной из русских бед – дорог. Приведу один из фрагментов описания Сибирского тракта: «Только разве очень искусный фокусник мог бы поставить на этой насыпи экипаж так, чтобы он стоял прямо, обыкновенно же экипаж всегда находится в положении, которое, пока вы не привыкли, каждую минуту заставляет вас кричать: "Ямщик, мы опрокидываемся!" То правые колеса погружаются в глубокую колею, а левые стоят на вершинах гор, то два колеса увязли в грязи, третье на вер-

шине, а четвертое болтается в воздухе... Тысячи положений принимает коляска, вы же в это время хватаете себя то за голову, то за бока, кланяетесь во все стороны и прикусываете себе язык, а ваши чемоданы и ящики бунтуют и громоздятся друг на друга и на вас самих. А посмотрите на ямщика: как этот акробат умудряется сидеть на козлах?

Если бы кто посмотрел на нас со стороны, то сказал бы, что мы не едем, а сходим с ума».

Сибирь для автора очерков, также как для самого Чехова, становится своего рода инициацией, познанием неизвестных ему сторон русской жизни.

Но у этой поездки есть свое культурное продолжение. Связано оно с реакцией томищей на резкие отзывы об их городе и горожанах конца XIX века. Ответом на обидные замечания стал памятник Леонтия Усова с обширным названием: «Антон Павлович в Томске – глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и ни разу не читавшего "Каштанки"». У этого памятника не только ироническая мотивация культурного диалога, но и постмодернистская модель отношения автора и «нечитающего читателя», который неизбежно оказывается в «канаве истории».

Фрагмент европейский с африканским мифом

Чехов и Франция

Чеховская география включает в себя, с одной стороны, отдаленную Сибирь и Сахалин, с другой – Европу, которую он посещает неоднократно, с энтузиазмом окунаясь в музейную, архитектурную, театральную атмосферу европейских стран.

На истории одной поездки предлагаю задержаться чуть дольше. Речь пойдет о пребывании Чехова во Франции в 1897–98 годах. Очевидно, этот период жизни вне России можно определить как переломный, это своего рода промежуток, пауза перед предстоящим культурным взрывом нового русского искусства. Отъезд Чехова за границу произошел в связи с двумя взаимосвязанными обстоятельствами. В октябре 1896 года состоялась петербургская премьера «Чайки» на сцене Александринского театра. Первая постановка пьесы оказалась не просто неудачной, а провальной, публика и критика не приняли её. Чехов присутствовал на премьере и тяжело перенес сценическую

неудачу пьесы. Душевные переживания спровоцировали обострение болезни легких. По настоянию врачей, он едет на Лазурный берег, в Ниццу. Таким образом осень, зиму и весну он находится во Франции. А вот возвращение в Россию также оказалось связано с постановкой «Чайки». Казалось бы, провальный спектакль, решаются поставить на сцене только что созданного московского общедоступного художественного театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Чехов переживает и сначала отказывается от предложения играть пьесу в Москве. Но, в конечном счете, «Чайка» будет поставлена, с большим риском и для драматурга, и для только что созданного театра. Риск оказался оправдан. «Чайка» в Москве вызвала триумф. Таково начало новой чеховской драмы с диалогом с новой режиссурой и проникновенной актерской игрой, основанной на школе переживания.

Настроение, с которым приезжает Чехов в Ниццу в 1897 году, далеко не оптимистичное. Он переживает провал «Чайки» и страдает кровохарканием. Однако мягкий климат, удивительные пейзажи Лазурного побережья с его глубоким горизонтом, в котором сливаются небесные и морские цвета, – все это благотворно действует на писателя. 1-го ноября 1897 г. он принимает решение: «В Ницце буду жить каждую зиму», но уже 24 числа этого же месяца пишет: «Я совершенно здоров, и мое привилегированное положение праздного и довольного человека начинает наскучивать мне и минутами хочется на снег. Здесь работать можно, но чего-то не хватает, и когда работаешь, то испытываешь неудобство, точно повешен за одну ногу».

Чехов ведет активную переписку, находясь за границей, помогает организовать издательство московского журнала «Хирургия». Понимая, что среди врачей он – единственный человек, который имеет знакомства и связи в печатном и литературном мире. Нельзя сказать, что Франция способствовала накалу творческих сил писателя, но именно в Ницце создаются такие произведения, как «В родном углу», «У знакомых», «На подводе», а также «Ионыч» и первый рассказ в цикле о «футлярной жизни» – «Человек в футляре».

На этот период выпадает создание единственного законченного портрета писателя. В Ниццу по заказу П. М. Третьякова приезжает художник Иосиф Браз, который рисует портрет Чехова, ныне хранящийся в Третьяковской галерее. В марте 1898 года

Чехов сообщает художнице Александре Хотьинцевой: «Меня пишет Браз. Мастерская. Сижу в кресле с зеленой бархатной спинкой. En face. Белый галстук. Говорят, что и я в галстук очень похожи, но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену. Мне кажется, что и этим портретом Браз останется недоволен в конце концов, хотя и похваливает себя». Еще одно письмо, адресованное сестре Марии Павловне: «Браз все еще продолжает писать меня. Не правда ли, немножко долго? Голова уже почти готова; говорят, что я очень похож, но портрет мне не кажется интересным. Что-то есть в нем не мое и нет чего-то моего».

В конечном итоге, сам Чехов не примет этот портрет, в письмах он называет его «противным», «ужасным», а позже признается: «Если я стал пессимистом и пишу мрачные рассказы, то виноват в этом портрет мой» (М. А. Членову – 13 февраля 1902 г.). Как бы то ни было, но образ Чехова у Бразы – это образ русского интеллигента. И – единственный прижизненный портрет писателя.

Находясь во Франции, Чехов выполняет несколько важных поручений, связанных с культурой родного города Таганрога. Он включается в деятельное участие следующих начинаний: формирует фонды для городской библиотеки и будущего музея, ведет переговоры с русскими скульпторами, живущими в Париже, о создании для Таганрога памятника Петру Первому, заложившему Троицкую крепость на мысе Таганрог на Азовском море. Чехов встречается с М. М. Антакольским, который дает согласие на использование модели статуи Петра, находящейся в Петергофе, посоветовав увеличить ее размеры. При этом скульптор изъявил желание все хлопоты, связанные по отливке бронзовой фигуры памятника, взять на себя. За небольшой промежуток пребывания во Франции Чехов стремится как можно больше сделать для Таганрога.

Среди людей, с которыми сходится писатель в этот момент, был юрист, историк и социолог Максим Максимович Ковалевский, эмигрировавший во Францию после увольнения из состава профессоров Московского университета. В одном из писем Чехов следующим образом характеризует своего нового знакомого: «Это высокий, толстый, добродушный человек. Он много ест, много шутит и очень много работает – и с ним легко и весело. Смех у него раскатистый, заразительный». Надо сказать, что лекции Ковалевского имели успех в Париже, поз-

же в 1901 г. он откроет в столице Франции Высшую русскую школу социальных наук. Постоянное общение двух русских интеллигентов породило общую мечту. Чехов и Ковалевский мечтают о дальнем путешествии. Страна, которая манит их воображение – Африка. Писатель неоднократно общается в письмах из Ниццы, что планирует посетить Алжир и Тунис. Вот одно из свидетельств этого времени: «Все жду Ковалевского, поедем вместе в Африку. Постараюсь заехать как можно дальше и чтобы это мое путешествие, хотя немного походило на труд».

Издателю газеты «Новое время» Алексею Суворину в письме от 4 января 1898 г. излагается целая программа путешествия: «в конце сего января или, вернее, в начале февраля, я поеду в Алжир, в Тунис et caetera, потом вернусь в Ниццу, где буду поджидать Вас..., затем поживем здесь, поедем вместе в Париж, буде пожелаете, и оттуда на поезде "молния" в Россию праздновать Пасху».

Практически всем своим близким Чехов сообщил о готовящемся путешествии, как вдруг до него доходит известие о болезни Ковалевского, с которым и намечалось знакомство с Африкой. «Ваше письмо, дорогой Максим Максимыч, – пишет Чехов, – меня весьма огорчило, ибо, во-первых, я бредил Алжиром, и мне каждую ночь снилось, что я ем финики, и во-вторых, досадно, что Вы больны и что, по видимому, в Париже живется Вам невесело» (январь 1898).

Далекая Африка так и останется для Чехова нереализованной возможностью путешествия, но в творчестве писателя этот сюжет из личной биографии наполняется особым смыслом. Стремлению отправиться в путешествие в неизвестную страну, насыщенному нереализованностью мечты, созвучно сценическому настроению пьесы «Дядя Ваня». В авторской ремарке к четвертому действию есть одно из сложнейших дополнений в создании атмосферы финала пьесы: «На стене карта Африки, видимо, никому здесь ненужная». Ввести в декорацию географическую карту несложно, сложнее передать отчужденность этой детали от атмосферы дома. Чехов очертил настроение этого действия, как «тихое и вялое». И никому ненужная карта Африки также тихо и вяло включена в обыденное течение жизни. Она случайно замечена доктором Астровым, героем, который прошел путь от разочарования к неожиданной

вспышке чувств и теперь оставшегося один на один со своей жизнью и своими сомнениями. В затянувшуюся паузу перед его отъездом и всплывает эта сценическая деталь. Он подходит к карте Африки, смотрит на неё и проговаривает вполне стереотипное заключение: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища – страшное дело!» Эта фраза звучит в момент, связанный с ожиданием, что нянька

на прощанье принесет доктору Астрову водочки. Финал пьесы с отъездами всех гостивших в усадьбе Серебрякова, со случайным обнаружением далекой Африки, словно спокойно возвращает жизнь дома к обыденному течению времени, но у этого времени осталась глубокая рана из только что образовавшегося прошлого. Самому Чехову не удалось доехать до Африки, а его героям она и вовсе не нужна...

Источники

1. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 тт. — М., 1964.
2. Громова Л. П. В творческой лаборатории А. П. Чехова. — Ростов н/Д, 1963.
3. Катаев В. Б. Чехов // Русские писатели. XIX век. Биобиблиогр. слов. В 2 ч., ч. 2. — М., 1996. — С. 395–407.
4. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 1: 1860—1888. — М., 2000.
5. Паперный З. С. Записные книжки Чехова. — М., 1976.
6. Собенников А. С. Чехов и христианство: учеб. пособие. — Иркутск, 2000.
7. Чехов в воспоминаниях современников. — М., 1960. — С. 40.
8. Чехов М. П. Вокруг Чехова. — М., 1964.
9. Чеховиана: Чехов и Франция. — М., 1992.
10. Чудаков А. П. Поэтика Чехова, — М., 1971.

Мария Литовченко

Литовченко Мария Владимировна окончила Кемеровский государственный университет, факультет филологии и журналистики. В 2007 году защитила кандидатскую диссертацию «Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова» в Томском государственном университете. Работает в должности доцента на кафедре литературы и русского языка КемГУКИ, где преподаёт историю русской литературы XIX и начала XX веков. Принимает участие в научных и научно-практических конференциях различного уровня в Кемерове, Томске, Барнауле, Москве, Ярославле, Пскове, Ростове-на-Дону. Автор научных публикаций, посвященных изучению творчества А.П. Чехова. Живет в Кемерове.

К 150-летию

со дня рождения А.П. Чехова

«ОНЕГИНСКИЙ» СЮЖЕТ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «У ЗНАКОМЫХ»

«Евгений Онегин» был тем пушкинским произведением, к которому Чехов обращался на протяжении всего своего творчества. Анализ рассказов, писем, записных книжек Чехова убеждает, что роман в стихах постоянно находился в поле его художественного внимания. Сохранилось немало чеховских высказываний, отражающих глубоко личное восприятие великого романа: свое собственное настроение писатель соотносит подчас с мотивами и образами «Евгения Онегина», свое душевное состояние он выражает, опираясь на бессмертные пушкинские строки. Например, выпавший в Москве первый снег вызывает у писателя такое чувство, которое описано Пушкиным в начале V главы романа («В окно увидела Татьяна...»). Чехова постоянно незримо сопровождают образы пушкинских героев: так, «во время заграничного путешествия 1891 года две голландочки в Риме напоминают ему Татьяну и Ольгу»¹. Можно утверждать, что на фоне огромного наследия Пушкина «Евгений Онегин» являлся для Чехова самым дорогим произведением, к которому писатель прибегал необыкновенно часто в различных жизненных ситуациях и творческих поисках.

Если обратиться к семантической структуре «Евгения Онегина», необходимо подчеркнуть значимость такого художественного феномена, как «несвершенное событие». Эту особенность «онегинского» сюжета очень точно охарактеризовал Ю.М. Лотман («Сюжет складывается из *непроисходящих событий*». – Курсив автора)². Среди таких

¹ См.: Сахарова Е. М. Пушкинские мотивы в «Черном монахе» // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература. – М., 1978. – С. 6.

² Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс // Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб., 2003. – С. 441.

«событий», предопределенных, казалось бы, всей логикой романа, важнейшее место занимает ситуация разминования и разлуки Евгения и Татьяны.

Сюжетная модель «несвершенного события» оказалась принципиально важной и для чеховского творчества. На ее особую актуальность для Чехова указывает В.Е. Хализев: «Драма невоплощенной любви, лежащая в основе пушкинского романа в стихах, символически значима применительно к <...> последующей отечественной литературной классике (вспомним, к примеру, <...> чеховских героев с их незадачливыми личными судьбами)»³. «Разминувшиеся» любовные признания, выступающие опорными пунктами сюжетной линии «Онегин – Татьяна», нашли своеобразное преломление в творчестве Чехова. Мотив «невстречи» художественно отозвался и в тех произведениях писателя, которые не являются специфически «онегинскими» по своей основной проблематике: можно назвать, например, повесть «Три года» («несовпавшие» объяснения Лаптева и Юлии), рассказ «Ионыч» (почти зеркальное отражение двух сцен в саду).

В ряду произведений Чехова, воплощающих «онегинский» сюжет, немаловажное место занимает рассказ «У знакомых» (1898) – один из поздних чеховских шедевров. Здесь нашли яркое выражение многие волновавшие писателя темы и мотивы: прежде всего, трагическое неузнавание, непонимание людьми друг друга. В чеховском творчестве весьма важное значение имеет любовный сюжет как сюжет испытания героя, переживающего в этой кульминационной жизненной «точке» своеобразный «момент истины». Подобная архетипичная для русской литературы ситуация, восходящая к «Евгению Онегину», получила благодаря Чернышевскому емкое и формульное обозначение «русский человек на rendez-vous». Здесь с особой яркостью высвечивается мера человечности героя, но чеховский герой, как правило, оказывается духовно несостоя-

лен перед лицом этого высокого испытания. Ситуация «rendez-vous» развивается и в рассказе «У знакомых».

Сюжет этого произведения построен на событии встречи охладевшего душой человека и девушки-провинциалки, ожидающей любви и счастья. Само название произведения является многоплановым, погружая читателя в смысловые глубины русской классической литературы и одновременно проясняясь по ходу развития сюжета: знакомый, дорогой для героя мир Лосевых оборачивается незнакомым, неприятным и чуждым. Особая «литературность» рассказа делает его необычайно семантически насыщенным. В тексте выявляется множество цитат из произведений русской классики («Железная дорога» Некрасова, «Демон» Лермонтова, «Женитьба» Гоголя, произведения Л. Толстого...). Не столь очевидны, но глубоко значимы отсылки к роману «Евгений Онегин», общая сюжетная схема которого словно проступает в структуре чеховского произведения, а за героями рассказа незримо стоят образы Онегина и Татьяны.

Прежде всего, одним из источников сюжетной коллизии «У знакомых» является ситуация изначальной предназначенности героев друг другу. В глазах Лосевых Надежда и Подгорин выступают как жених и невеста: «...она выросла на его глазах, рассчитывали, что он на ней женится» (10, 8)⁴. Эти слова знаменуют своеобразную переключку с пушкинским романом, в котором важное место также занимают пересуды вокруг Ленского и Ольги («И детям прочили венцы /Друзья соседи, их отцы»; 6, 40)⁵, а затем – вокруг Онегина и Татьяны («Иные даже утверждали, /Что свадьба слажена совсем...»; 6, 53 – ср. у Чехова: «И, очевидно, дело уже идет на лад»; 10, 18). В романе Пушкина ни одной из этих свадеб сбыться не суждено, таинственная логика жизни оказывается сильнее любых предположений. В чеховском произведении духовный потенциал встречи не реализуется, перед нами вновь – «несостоявшаяся» встреча, несвершенное событие.

Исходная сюжетная ситуация рассказа весьма противоречива. Поездка в Кузьминки может иметь различное смысловое наполнение: «дружеский визит, консультация специалиста, возможная сделка – брак Нади с Подгориным»⁶. Поэтому, очевидно, в произведении с самого начала звучит мотив навязчивого ожидания: «– Мы с сестрой ждем вас с утра, – сказала она [Надежда]. – У нас Варя, и тоже ждет вас» (10, 9); «В саду на

³ Хализев В. Е. Завершение действия «Евгения Онегина» // А. С. Пушкин: проблемы творчества. – Калинин, 1987. – С. 54–55.

⁴ Здесь и далее цит. по изданию: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М., 1974–1988. Сочинения: в 18 т. Цитаты приводятся с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.

⁵ Здесь и далее цит. по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. – М., 1994–1996. Цитаты приводятся с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.

⁶ Цилевич Л. М. Сюжет чеховского рассказа. – Рига, 1976. – С. 132.

террасе поджидали дамы» (10, 10). В финале этот мотив усилен по-чеховски тонкой, почти незаметной деталью: даже старые кресла, сваленные в башне, «казалось, ожили к ночи и кого-то подстерегали здесь в тишине» (10, 21).

Имя старшей сестры – Татьяны Лосевой – словно отсылает к роману Пушкина. Семантический потенциал имени *Татьяна* («учредительница», хранительница рода) почти буквально реализован в судьбе чеховской героини: она пытается спасти свое родовое имение, постоянно боится за детей, ревнует и оберегает мужа. Но в этой жизненной роли (и художественной функции) она выступает, скорее, как пародирующий двойник толстовских героинь – прежде всего, Наташи Ростовской. В образе Татьяны Лосевой нашла воплощение скрытая полемика с великим романистом, с его концепцией семейных отношений и представлениями о роли женщины в обществе.

По своему внутреннему складу к Татьяне Лариной приближается другая героиня рассказа «У знакомых» – Надежда. Однако ее портрет строится на противоположных началах, что отражает и объективно двусмысленное положение героини в Кузьминках, и ее восприятие духовно раздвоенным героем. В описании Надежды попеременно акцентируются черты «воздушности» и «телесности». Весьма примечательно, что для Подгорина (возможно, в силу его изначально негативной настроенности) оказывается зыбким, неразгаданным облик Нади – как внешний, так и духовный: «Это была светлая блондинка, бледная <...>, стройная; красивая или нет – Подгорин понять не мог...» (10, 9); «Ему было неизвестно, любит ли она его» (10, 16). Данный глазами героя, ее портрет словно ускользает и от читателя.

Образ Надежды с наибольшей полнотой раскрывается в финале рассказа, в ключевой для всего сюжета сцене у башни («Красивая, влюбленная, мечтательная девушка»). Основные черты духовного облика героини – «влюбленность» и «мечтательность» – несомненно роднят ее с пушкинской Татьяной. По наблюдению А.П. Кузичевой, «как скрытая реминисценция из “Евгения Онегина” воспринимается описание ночного сада <...>, ожидание влюбленной девушкой встречи»⁷: «Белая, бледная, тонкая, очень красивая при лунном свете <...>; ее постоянные мечты о счастье и любви истомили ее, и уже она была не в силах скрывать своих чувств...» (10, 22). Этот пассаж отчетливо переклика-

ется с пушкинскими строками: «Тоска любви Татьяну гонит, /И в сад идет она грустить, /И вдруг недвижны очи клонит, /И лень ей далее ступить... /Настанет ночь; луна обходит /Дозором дальний свод небес, /И соловей во мгле древес /Напевы звучные заводит» (6, 58). Известно, что Татьяна появляется в романе почти неизменно в свете луны, ей присущ своеобразный «лунный миф» (исключения составляют лишь финальные петербургские сцены). Чеховскую героиню в ключевой сцене также сопровождает «луч Дианы», Надежда словно сливается с белым лунным светом.

Любопытно отметить, что имя Надежды выступает как некий знак, имя-символ. Оно выражает настроения всех обитателей Кузьминок (не случайно, слова «надежда», «обнадеживать» неоднократно возникают в тексте). Средоточием общих упований является Надя, ведь именно с ней в конечном итоге связаны попытки спасти имение.

Двусмысленность ситуации накладывает отпечаток на внутреннее состояние Подгорина, прочитавшего письмо Татьяны и Вари: герой предается дорогим его сердцу воспоминаниям, после чего следует мгновенное «отрезвление». Холодная скука почти сразу же берет верх над приятной ностальгией по прошлому: «Он любил их [Лосевых] очень, но больше, кажется, любил в своих воспоминаниях, чем так. Настоящее было ему мало знакомо, непонятно и чуждо» (10, 7).

Повествование, данное в кругозоре героя, обнаруживает своеобразную перебивку двух временных планов (тогда – теперь), что в свою очередь выявляет притяжение Подгорина к старым друзьям – и немедленное эмоционально-психологическое «отталкивание»: «Нет уже ни смеха, ни шума, ни веселых, беспечных лиц, ни свиданий в тихие лунные ночи, а главное, нет уже молодости; *да и все это, вероятно, очаровательно только в воспоминаниях*» (10, 8). В этом пассаже происходит резкое размежевание авторского видения и точки зрения героя. Настоящее объективно не дает материала для «лирики», однако Подгорин – парадоксальным образом – почти обесценивает свои поэтические воспоминания, лишая их самостоятельной значимости в прошлом. Чеховский герой, с высоты жизненного опыта разуверившийся в былых «очарованиях», утомивший волнения сердца, напоминает пушкинского Онегина. С самого начала рас-

⁷ Кузичева А. П. Пушкинские цитаты в произведениях Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. – М., 1998. – С. 55.

сказа становится очевидно слишком трезвое, рациональное мировосприятие героя (недаром он адвокат), причем эта «трезвомысленность» натуры приводит его подчас к абсурдным выводам.

Образ Подгорина вбирает в себя черты различных литературных персонажей. Сложный комплекс переживаний чеховского героя содержит и «подколесинские» мотивы («“Отчего бы и не жениться на ней, в самом деле?” — подумал Подгорин, но тотчас же почему-то испугался этой мысли»; 10, 17). Подгорина роднят с незадачливым гоголевским героем такие особенности, как боязнь перемен, страх перед жизнью, нежелание взять на себя ответственность. Финальная же характеристика Подгорина акцентирует именно тему «лишнего человека»: «...со своей холодной скукой, постоянной досадой, с неумением приспособляться к действительной жизни, с неумением брать от нее то, что она может дать, и с томительной, ноющей жаждой того, чего нет и не может быть на земле» (10, 22). Это описание отчетливо отсылает к образу Евгения Онегина, томимого теми же духовными недугами – скукой и досадой. Психологическая доминанта поведения Подгорина (отчуждение) выявляет его внутреннюю неготовность быть героем «любовного романа» (не случайно, он сам характеризует себя как «отживший тип»).

А. П. Кузичева справедливо утверждает, что чеховский рассказ «в вековой истории русского “лишнего человека” <...> занимает особое место: все, действительно, как “у знакомых”, но все уже иное»⁸. «Онегинская» сущность героя неоднократно подвергается в рассказе снижающему истолкованию. Максимального напряжения эта разоблачительная тенденция достигает в той же решающей сцене, в которой высокие, философские мысли Подгорина, *спрятавшиеся* в башне, приобретают по-своему пародийное звучание. Кроме того, здесь весьма значимо резкое противопоставление портретов героя и героини, их мыслей, ощущений. В объективном авторском повествовании звучат ноты, связанные с восприятием Надежды, передающие ее заветные мечты и чаяния: «Она стояла и ждала, что он сойдет вниз или позовет ее к себе и наконец объяснится, и оба они будут счастливы в эту тихую прекрасную ночь» (10, 22). За этими поистине лирическими строками следует приведенное нами описание Надежды («Белая, бледная, тонкая...»), – и далее противительный союз «а» разделяет предложение, вводя портрет

Подгорина, резко контрастный по отношению ко всему предшествующему повествованию: «...а ему было неловко, он сжался, притих...» (10, 22). (Эта поза чеховского героя, которая выражает его смущенно-виноватое состояние, повторяется в рассказе дважды; вспомним сцену в гостиной: «...и притих, как виноватый»; 10, 18).

Разнобой, «разладица» мыслей и чувств героев вновь обращают к центральной ситуации «Евгения Онегина». Например, сцена «проповеди» Онегина, его встречи с Татьяной в аллее сада, является своеобразным «прототипом» для эпизода вечерней прогулки Подгорина и Надежды: «Они пошли в сад: он недовольный, с досадным чувством, не зная, о чем говорить с ней, а она радостная, гордая его близостью <...> Они ходили все по одной аллее, около дома» (10, 17). Эта сцена вновь демонстрирует пародирование «онегинской» ситуации («Он подал руку ей. Печально / (Как говорится, *машинально*) / Татьяна, молча, оперлась, / Головкой томною склонясь...»; 6, 80). Отчуждение, эмоциональное «отталкивание» Подгорина от Надежды принимает, по отношению к исходному «образцу», поистине снижающие формы: «Подгорину не хотелось идти в глубь сада: там темно, пришлось бы взять Надежду под руку, быть очень близко к ней» (10, 17).

Герои Чехова лишены тех духовных возможностей, которые судьба предоставила Онегину и Татьяне. В чеховском рассказе важнейшая тема чувств, душевной привязанности вообще оказывается для героев «запретной», им так и не суждено проникнуть в сокровенный внутренний мир друг друга; их участь – абсолютное духовное непонимание. В финале рассказа это «незнание» достигает своего наивысшего эмоционального напряжения, воплотившись в парадоксальной сцене свидания-«невстречи», когда герои осознают свою близость (Подгорин видит Надежду, а она интуитивно ощущает его присутствие), но встретиться им не дано.

Тема духовного измельчания современного «Онегина» развивается в рассказе параллельно с темой разоблачения современного «идеалиста» — Сергея Сергеича Лосева, чей образ носит откровенно саркастический характер. Их противостояние напоминает иронически переосмысленный Чеховым конфликт между романтиком Ленским и скептиком Онегиным. Эффект пародий-

⁸ Кузичева А.П. Пушкинские цитаты в произведениях Чехова. – С. 55.

ности создается здесь полным отсутствием сходства Сергея Сергеевича с пушкинским героем (несмотря на то, что Лосев постоянно декларирует собственный «идеализм»). Между героями рассказа происходит даже нечто вроде словесной «дуэли» (не случайно и такая деталь в портрете Лосева: «...это выражение в глазах, что ему что-то нужно от Подгорина, что он о чем-то сейчас попросит, производило тягостное впечатление, как будто он прицеливался из револьвера»; 10, 12). Таким образом, в рассказе отражены оба основных варианта «онегинского» конфликта, выделенные Ю.М. Лотманом⁹: столкновение влюбленной героини и разочарованного героя, а также контрастное противопоставление двух мужских персонажей (при этом конфликт между Подгориным и Лосевым переосмыслен почти до неузнаваемости по сравнению с «прототипической» ситуацией).

В рассказе можно обнаружить и другие точки соприкосновения с поэтической системой «Евгения Онегина». Так, например, немаловажную роль в чеховском произведении играет мотив письма, имеющий здесь, однако, иное смысловое наполнение. Письмо-приглашение в Кузьминки является толчком для всего развития действия (кстати, подобный художественный механизм присутствует в рассказе «Черный монах»). Мотив письма создает в рассказе своеобразную опоясывающую композицию: вернувшись домой, герой «увидел прежде всего записку, которую получил вчера» (10, 23). Примечательно, что в начале рассказа это короткое приглашение именуется письмом, а в финале оно названо «запиской». Эта особенность, очевидно, отражает изменившееся отношение Подгорина к своим старым друзьям: от теплого, овеянного тоской по прошлому, — к отстраненно-досадливому, ироничному восприятию.

В рассказе воспроизведены основные черты усадебного хронотопа, которые напоминают художественную атмосферу деревенских глав «Евгения Онегина». Действие чеховского произведения развивается на фоне прекрасного сада, поэтической дворянской усадьбы. Однако «гнездо» Лосевых находится на грани окончательного разорения, ему грозит переход в чужие руки. Исследователями отмечено, что это «зерно» сюжета затем ляжет в основу пьесы «Вишневый сад» (а равно и предполагаемая свадьба Лопухина и Вари как попытка спасти имение)¹⁰. Примечательно, что тема дворянского разорения фигурирует и в пушкинском романе, где она связана с обра-

зом Онегина-отца, «промотавшего» все свое состояние («Служив отлично-благородно, / Долгами жил его отец, / Давал три бала ежегодно / И промотался наконец»; 6, 6).

В аспекте «онегинских» традиций необходимо выделить мотив прощания с молодостью, общий для обоих произведений. Поездка в Кузьминки выполняет символическую роль: герой чувствует, что этот визит к Лосевым является последним; во всяком случае, очевидно, что эмоционально-психологически он сюда точно уже не вернется. Прощание с молодостью занимает особое, чрезвычайно важное место в сверхсложной смысловой структуре романа в стихах (эта элегическая нота в своем чистом виде звучит в финале VI главы, в знаменитом лирическом отступлении: «Но так и быть: простимся дружно, / О юность легкая моя!»; 6, 136). В чеховском рассказе данный мотив получает своеобразное художественное развитие: для человека, живущего по преимуществу воспоминаниями (каким и является чеховский герой), новые «встречи» с прошлым чреваты досадным разочарованием. Подгорин, встретившись с друзьями своей юности, невольно разрушил те образы, которые жили в его сознании: былые иллюзии развеялись, и с ними исчезла вся прелесть воспоминаний.

Таким образом, для чеховского творчества явилась актуальной художественная форма «любовного романа» — произведения о несостоявшейся любви. А кроме того, Чехову оказалась необычайно близка сама художественная философия Пушкина, наиболее полно явленная в «Евгении Онегине» — романе, который в восприятии Чехова был образцом эстетического совершенства. Ю.М. Лотман очень точно отметил, что «выносить приговор противоречило поэтике Пушкина»¹¹. «Приговор» не входил и в задачу Чехова, чье творчество демонстрирует принципиальный антидидактизм. Чехов писал в письме к А.С. Суворину: «Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника <...> в “Онегине” не решен ни один вопрос, но все вопросы поставлены правильно» (П., 3, 46. — Курсив Чехова). Такое художественное мировоззрение является поистине чеховским.

⁹ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 458.

¹⁰ См.: Комментарий // Чехов А.П. Полн. собр. соч. Т. 10. — С. 361.

¹¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. — С. 196.

Елена Мироненко

Мироненко Елена Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Сценарист цикла видеофильмов «Россия. Удел Богородицы» и цикла телевизионных передач «Беседы Иоанна Златоуста» (информационное агентство «Дорога к Храму», г. Кемерово). Автор книг «Знаки солнца» и «Белый город мечты», имеет публикации в коллективных сборниках.

Литературоведение, критика

К 120-летию
со дня рождения Б.Л. Пастернака

Я люблю Твой замысел упрямый...

Природа и культура – две глобальные основы мира. Опыт подсказывает, что именно эта известная мифологическая оппозиция определяет подход творческой личности к проблеме духа, веры и всего того круга фундаментальных представлений, которые манифестируют глубинное отношение к миру. В литературе особенно явственно это проявляется в способах художественного освоения евангельской темы: Евангелие как памятник мировой культуры, образующий мощнейший культурологический контекст, в котором художник объективирует себя как творческую единицу – или Евангелие, понимаемое в своем изначальном, экзистенциальном смысле – как благая весть, затрагивающая сокровенные глубины человеческого существа, весть, направленная к сущности той личности, которой по воле Творца предназначено стать сосудом для Слова, беспрестанно льющегося в мир. В таком случае творчество становится своего рода духовной автобиографией художника. Реализация евангельского Слова становится сверхзадачей эмпирически протекающей жизни, то приближающейся, то удаляющейся от него, но всегда хранимого в тайниках души. Не об этом строки Бориса Пастернака в «Докторе Живаго», явившемся, по глубокому замечанию Д.С.Лихачева, духовной автобиографией поэта:

*Ты значил все в моей судьбе,
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.*

*И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.*

«Рассвет»

Отдавая на суд читателей такие произведения, автор неизбежно рискует, обнажая самые сокровенные переживания, о кото-

рых не принято говорить вслух. Как часто смущаемся мы от случайных свидетелей нашей молитвы, произнесенной не в храме и в неурочный час, будто кто-то установил, что жизнь духа и души должна быть строго регламентирована и ограничена ритуальным пространством и временем. Глубинные чувства не принято выставлять напоказ, а духовные переживания представляются самыми интимными. Поэт, пишущий на данную тему, балансирует на тонкой грани меж ложным пафосом и предельной обнаженностью потаенного. Но именно эта незащищенность и делает настоящие стихи явлением, которое способно внести свою лепту в приближение конечной цели искусства, которая, по словам выдающегося религиозного мыслителя Владимира Соловьева, состоит в преображении мира, одухотворении материи, превращении физической жизни в духовную. Только в этом случае, перефразируя мысль другого замечательного философа начала XX века Николая Бердяева, творчество не нуждается в оправдании, а личность получает оправдание творчеством.

Объективация открывшегося в интуитивном прозрении является половиной дела. Другая заключается в «обнародовании», часто сопряженном с отказом от претензии на «авторское право», что требует преодоления ограниченности собственного «я», выворачивания внутреннего «я», передачи сокровенного «в ведение всех»:

*На меня направлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.*

«Гамлет»

Именно этот акт в духовной биографии писателя – необходимая часть со-распятия (сближение с Христом в контексте не случайно). Этот процесс предполагает и экзистенциальное одиночество на выбранном пути («Я один. Все тонет в фарисействе»), и покорное приятие воли Провидения («Я люблю Твой замысел упрямый // И играть согласен эту роль»). Как по-человечески понятны чувства, владеющие такой творчески-рефлектирующей личностью, которой, безусловно, является пастернаковский Гамлет («Если только можно, Авва Отче, // Чашу эту мимо пронеси»). Боль эта — боль умирания ветхого человека, неизбежная спутница преобразования:

*В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,*

*Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.*

*Был всеми оцутим физически
Спокойный голос чей-то рядом:
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом...*

«Август»

Поистине, «сеется тленное, восстает нетленное». Изоморфность евангельской и личностной творческой судьбы – показатель подлинности духовного искусства:

*Но объясни, что значит грех
И смерть и ад, и пламень серный.
Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной,*

— вопрошает Магдалина (еще одна грань лирического героя Пастернака), но не душа ли человеческая голосит здесь вслед за ней:

*Осталось несколько минут,
И тишь наступит гробовая.
Но раньше, чем они пройдут,
Я жизнь свою, дойдя до края,
Как алавастровый сосуд,
Перед Тобою разбиваю.*

«Магдалина»

Жизнь как драгоценный сосуд, приносимый в жертву осуществлению евангельского замысла о человеке – такова цена откровения, цена слова, способного явить в себе «образ мира». А плата – возможность «до-расти да Воскресенья».

«После Христа человек умирает не под забором, а у себя в истории, в разгар работ по преодолению смерти», – эта мысль, ключевая в поэтике последнего творения Бориса Пастернака, очень точно передает понимание творчества как пути к бессмертию. Творчество, осознанное одновременно как Божественный дар и обязанность, диктует необходимость донести открывшееся в творчески-провидческом опыте знание миру. Художником эта задача ощущается особенно остро, недаром у Пастернака в одной строфе «Размах крыла расправленный, // Полета вольное упорство, // И образ мира, в слове явленный, // И творчество, и чудотворство». В связи с этим весьма ценным представляется оброненное поэтом замечание:

*Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог.
Когда мы в смятении, тогда средь разброда*

Оно наступает внезапно, врасплох.

«Чудо»

Чудотворство — «вещь, полученная взаймы» («Гефсиманский сад»). Творчество — чудотворство — чудо — Бог — вот семантический ряд, выстраиваемый в цикле «Стихов Юрия Живаго» Борисом Пастернаком. Такова и природа вдохновения, творческого озарения. В процитированных выше строках, отсылающих к евангельскому тексту, известный мотив бесплодной смоковницы обогащается новым смыслом. «Для какой ты корысти?// Какая мне радость в твоём столбняке?» — словно вопрошает Верховный Творец творца земного, наделенного великим даром слова, но не реализующим его в должной мере: «Я жажду и алчу, а ты — пустоцвет». Дар, оставшийся нереализованным в духовной сфере, отнимается. Не об этом ли евангельское: «Имеющему прибавится, а у неимеющего последнее отнимется»?!

Воплощение творческого дара — произнесение того самого слова, которое требует всей жизни. Поэтому Пастернак, отдавая рукопись романа для публикации за границей, сказал: «Вы приглашаете меня на собственную казнь», — заранее приняв все последствия этого мужественного гражданского поступка — травлю, обвинения в измене Родине, смерть. Такова плата за Слово. Все последовавшее за этим — «послесловье», которое сродни великому молчанию Спасителя во время допроса. Вот откуда и «закушенные уста Магдалины», и трагическое одиночество, отзывавшееся прозрачной параллелью «Гефсиманского сада»:

Но книга жизни подошла к странице.

Которая дороже всех святынь.

Сейчас должно написанное сбыться.

Пускай же сбудется оно. Аминь.

«Книга жизни» создается сложной диалектикой творчества и молчания. Отказ

от творчества, молчание — тоже слово, и очень веское: «Все больше чувствую расхождение с эпохой. Личное творчество для меня кончилось», — свидетельствует дневниковая запись Пастернака середины трагических и славословных 1930-х годов. «Осанны, шепот, слухи и проклятья» противостоят молчанию как сатанинский соблазн, лже-слово:

И с пылкостью тою же самой,

Как славили прежде, клянут...

«Дурные дни»

Сказано это о Христе, но какой простор для аналогий! В таком контексте молчание воспринимается как переход в иное, духовное измерение, высшая степень реализации творческого дара — погружение в Слово, которое, как известно, «не от мира сего». Вот почему самая главная страница «книги жизни» являет запись притчи о преображении мира через Слово:

«Ты видишь: ход веков подобен притче

И может загореться на ходу.

Во имя страшного ее величья

Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,

И, как сплавляют по реке плоты,

Ко мне на суд, как баржи каравана,

Столетия поплывут из темноты».

«Гефсиманский сад»

Последнее творение Бориса Пастернака — его духовное завещание, в котором воплотилась сложная взаимосвязь творческой личности — мира — истории — Слова: «Бог есть Огонь», который выводит из «черных провалов... уничтоженья и небытия», из темноты смерти. Но еще и творческое горение, преобразующее мир посредством слова — творчества — молитвы. То горение, которое позволяет меж двух дат — жизни и смерти поэта — вместить Вечность.

К 120-летию
со дня рождения Б.Л. Пастернака

Владимир Каганов

Каганов Владимир Львович родился 20 апреля 1942 года в Кемерове.

Получил физико-математическое образование в Новосибирском университете и востоковедческое образование в Институте стран Азии и Африки при МГУ. Работал в научных институтах Новосибирского Академгородка, заведующим отделом Дома Ученых СО АН СССР. В 1983 году вернулся в Кемерово. Работал в Кемеровском государственном институте культуры. Как поэт и критик публиковался в литературных журналах и альманахах, в коллективных сборниках. Автор книг стихов: «Ночной разговор» (1991), «День осеннего равноденствия» (1999), «Осиянный шатер» (2006). Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Поэзия поверх барьеров

Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) — великий русский поэт, автор замечательной прозы и выдающийся переводчик — сегодня виден нам в полный рост как классик русской советской литературы, гениальный художник слова, и уже никакие преходящие мнения и оценки не в силах изменить его место и роль в истории литературы XX века.

Жизненный и творческий путь Б. Л. Пастернака неотделим от эпохи, в которую он жил, от исторических событий и потрясений этой эпохи, от жизни родной страны и народа, с которыми он всегда чувствовал свою кровную и неразрывную связь. При всех сложностях и противоречиях этого пути поэт сохранил удивительную цельность и духовную высоту своей личности и своего художнического служения русской литературе, не поступившись ни малейшей крупичей своей души и своего таланта в угоду преходящим вкусам и жестоким нравам своего времени. В этом отношении его, как мне кажется, можно сравнить лишь с цельным образом человека и поэта А. С. Пушкина.

Лучше и глубже многих других писателей Б. Л. Пастернак осознавал, сколь высока ответственность художника перед своим дарованием.

«Поразительно то, что прирождённый талант есть детская модель вселенной, заложенная с малых лет в ваше сердце, школьное учебное пособие для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны. Дарование учит чести и бесстрашию, потому что оно открывает, как сказочно много вносит честь в общедраматический замысел существования. Одарённый человек знает, как много выигрывает жизнь при полном и правильном освещении и как проигрывает в полутьме. Личная заинтересованность побуждает его быть гордым и стремиться к правде» (Из письма К. Кулиеву, 25 ноября 1948 г.).

Эта высокая мера ответственности перед своим дарованием присуща не только художнику, но любому творческому человеку, для которого честь и бесстрашие не пустые

слова. Эта мысль проходит сквозной темой через всё творчество Пастернака. От поэмы «Лейтенант Шмидт», где нравственный идеал человека конкретизирован в образе главного героя поэмы, через лирику 30-х годов и военной поры протягиваются нити к произведениям Пастернака, завершающим его творческий путь. Поэт не скрывает драматичности жребия человека, избранного историей для высшего служения, но видит в этом служении оправдание самого существования человека. При этом поэт не допускает никакой позы в отношении себя или своих героев: служение само есть высшая награда личности, осознающей свой нравственный долг. Честное исполнение долга – это и есть высшая доблесть.

Трудно, да и просто невозможно охватить в кратком очерке всю многогранность и глубину творческой личности Б. Л. Пастернака. Сложность его метафорической манеры, особенно в ранних стихотворениях, многи-ми воспринималась как изощрённая игра ума и воображения. Но здесь важно понимать, какой художественной задаче служат эти метафоры и неожиданные ассоциации поэзии Пастернака. Ввести читателя в огромный и удивительный мир природы, в мир чувств и переживаний тонко чувствующей личности заведомо невозможно при помощи плоского описания. Метафора в поэтике Пастернака выполняет прежде всего связующую роль. Она мгновенно стягивает в единое целое разрозненные части действительности и тем самым как бы воплощает великое единство мира, взаимодействие и взаимопроникновение явлений. Мир пишется «целиком», и его живая картина насыщена чувственными, образными и смысловыми ассоциациями.

«Весна, я с улицы, где тополь удивлён,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельём
У выписавшегося из больницы».

Поэт не боится прозаизмов, просторечий, живой стихии разговорной речи, придающих высокой поэзии свежесть и безыскусность народного языка. Оказывается, и о любви, и о природе, и о творчестве можно писать живым, естественным языком, не засушенным условностями.

И эта «неслыханная простота» достигается мастером отнюдь не в ущерб высокой культуре стиха, который порой поднимается до самых высоких философских и художественных обобщений.

Важное место в лирике Пастернака принадлежит природе. Но содержание этих стихотворений шире обычных пейзажных зарисовок. Рассказывая о вёснах и зимах, о дождях и рассветах, Пастернак повествует о природе самой жизни, о сокровенной тайне мирового бытия, исповедует глубокую веру в жизнь, которая составляет нравственную основу его поэзии. Жизнь в его понимании — нечто безусловное, вечное, всепроникающая стихия, величайшее чудо, творящее весь мир. Природа и человек, природа и творчество едины в своих истоках.

От его пейзажей веет свежестью, здоровьем. По замечанию О. Мандельштама, «Стихи Пастернака почитать – горло прочистить, дыханье укрепить, обновить лёгкие: такие стихи должны быть целебны от туберкулёза». Из одного стихотворения в другое Пастернак не устаёт твердить об этой жизненной силе природы, спасительной, всеисцеляющей.

Деревья, травы, облака, ручьи облекаются в его стихах высоким правом говорить от имени самой жизни, наставлять нас на путь истины, добра.

Пейзаж в творчестве Пастернака зачастую уже не объект изображения, а субъект действия, герой и двигатель событий. Кажется, что сама природа способна совершать поступки, чувствовать и мыслить и даже выступать в роли наставника и нравственного образца. Степень близости человека к живой природе для Пастернака – мера его человечности!

Традиционное противопоставление природы и культуры, идущее от Руссо, а в поэзии — от Шиллера, для Пастернака отнюдь не обладает безусловной силой. Напротив, в духе Гёте и романтиков, он всячески подчёркивает органичную связь истинного творчества с животворной силой природы и жизни. Зарождение искусства в недрах природы — излюбленная тема Пастернака. Первоисточником поэзии является сама жизнь, поэт же в лучшем случае — её соучастник, соавтор, которому остаётся только зорче наблюдать и лучше слушать, собирая соцветия рифм в открытую тетрадь. Единство поэта и природы — первое и основное кредо поэта. Отсюда — глубокая внутренняя связь поэзии, живописи и музыки, выразительные истоки которых лежат в самой природе, преображённой в слове, красках и звуках художника.

Это отождествление искусства и жизни, поэзии и природы, передача авторских прав

пейзажу и потоку событий служат, в общем, одной цели: удостоверять подлинность, правдивость истинного творчества.

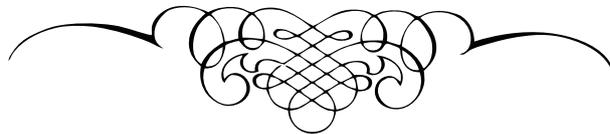
А подлинность, достоверность образа является для Пастернака высшим критерием искусства. Его главная забота: «суметь не исказить голоса жизни, звучащего в нас». Подобная эстетическая позиция достаточно рано развела Пастернака с футуристами, к которым он одно время примыкал. Подмена творчества техническими приёмами была для Пастернака абсолютно неприемлема. Точно так же была для него неприемлема работа по «социальному заказу», продиктованному извне, если он не совпадал с творческим зовом совести самого поэта.

Только при ясном понимании этих основополагающих для Б. Пастернака жизненных, художественных и эстетических принципов возможен содержательный разговор о его жизни и творчестве. Ныне мы располагаем полным корпусом его сочинений, включая его поэзию, прозу, переводы и переписку. Написаны сотни исследований и воспоминаний, посвящённых жизни и творче-

ству Пастернака. Его роман «Доктор Живаго» был дважды экранизирован. Его личная жизнь, его дружеские и семейные связи, его непростые отношения с властями — всё это тщательно изучено и добросовестно описано. Можно честно сказать и о тех иллюзиях, которые он питал, подобно многим поэтам своего поколения, в отношении революции, и о тех испытаниях, которые он пережил в конце своей жизни после присуждения ему Нобелевской премии по литературе в 1958 году. Всё это теперь — достояние истории, и мы смотрим на эту историю уже из другого времени.

Но непреходящее значение сохраняет для русской и мировой культуры творчество великого поэта и облик человека высокого душевного благородства, сохранившего верность своим идеалам вопреки всем трагическим силам и обстоятельствам, порождённым временем. И для молодого поколения — хочется в это верить — поэзия Б. Л. Пастернака надолго сохранит своё обаяние, свежесть, красоту и жизненную силу.

2010

Ирина Юртаева

Юртаева Ирина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора Кемеровского государственного университета. Докторант кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ (Москва). Автор научных исследований по творчеству Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Член Centre for Russian and Est European Studies University of Toronto (Канада). Живет в Кемерове.

Литературный архив

К 100-летию
со дня смерти Л.Н. Толстого

МАКСИМАЛЬНОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ К ИДЕАЛУ

Я предлагаю вниманию читателей весьма необычный материал, автор которого излагает свое понимание толстовского вероучения. Много ли мы знаем о толстовстве?

Живущим в начале XXI века может показаться, что толстовство — это нечто архаичное, книжное, чрезвычайно далекое от проблем современности. Порывшись в памяти, большинство из нас с трудом вспомнит неопределенный тезис о непротивлении злу насилием. А между тем, толстовство — одно из величайших учений, имеющих общечеловеческое значение. Это религия, максимально приближенная к разуму, дающая ответы на важнейшие проблемы человеческой жизни. Толстовское вероучение не является догматом. Религия в понимании Толстого должна иметь этико-практическое назначение. Религия — это то, что дает силу жизни. Такое представление о религии разделяет и демонстрирует в своей интерпретации автор публикуемого очерка Борис Васильевич Мазурин.

Борис Васильевич не был профессиональным литератором, хотя сравнительно недавно его воспоминания стали появляться на страницах журналов в центральной периодике. Являясь толстовцем по своим взглядам, он пронес верность выстраданным жизненным идеалам через все выпавшие на его долю испытания. Такая убежденность вызывает глубокое уважение. Его жизнь стала блестящей иллюстрацией и наглядным подтверждением истинности толстовского вероучения. Глубокое знание и понимание Толстого, подкрепленные практикой, позволили этому неординарному человеку дать свою яркую и самобытную интерпретацию веры.

Я познакомилась с Борисом Васильевичем незадолго до его смерти, когда ему было восемьдесят восемь лет. Этот замечательный человек, несмотря на преклонный возраст, сохранил необыкновенно ясный и светлый ум, глубокое понимание жизни. Являясь крестьянином по своему социальному положению, он

был широкообразованным интеллигентным человеком, прекрасно знавшим творчество Толстого, изучившим вслед за своим учителем и последовательно прошедшим тот же круг духовных исканий, что и его великий наставник. В его письмах, в его словах содержится простая высокая мудрость, идущая как от непосредственного восприятия философского наследия великого писателя, так и от цельного и ясного мировосприятия, отличающего человека, приближенного к истокам бытия, живущего простым трудом от земли. Ведь именно крестьянскую жизнь Лев Толстой считал максимально приближенной к идеалу.

Борис Васильевич Мазурин стал толстовцем, следуя примеру своего отца Василия Петровича, которому довелось несколько раз встречаться с великим мыслителем. В 1926 году в Москве вышла книга стихов В.П. Мазурина «В царстве жизни», в которой Василий Петрович изложил свои размышления о сути бытия. Толстовцами по своим убеждениям были и жена, и дети Б.В. Мазурина.

Толстовцы не были объединены в одну организацию, не были связаны уставами, догматами, авторитетами, но их всех объединяло в конечном итоге единство общих устремлений, как говорили о себе они сами, «неискоренимая тяга к справедливости, любовь к правде, добру, ко всему живому». Первые толстовские коммуны возникли еще при жизни великого писателя. Но некоторые из них продолжали возникать и после революции. К такому типу коммун относится и коммуна «Жизнь и труд», возглавлял которую Борис Васильевич.

Коммуна образовалась в двадцатые годы под Москвой. Но в дальнейшем толстовцы были переселены в Сибирь. В поселке Тальжино под Новокузнецком, тогда еще Сталинском, практически на голом месте за очень короткий срок толстовцы сумели создать крепкое коллективное хозяйство. Была здесь и своя школа, в которой соблюдались традиции Яснополянской школы. Но в программе школы не было религиозных предметов, потому что на общем собрании члены коммуны решили, что преподавать детям религию не следует. Они считали, что «сама жизнь внушит им, как надо жить».

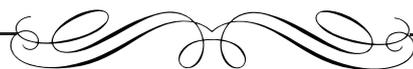
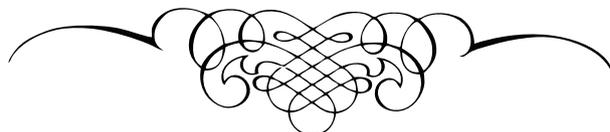
Толстовцы никогда не стремились к власти, ибо таковы были их убеждения. Надо

сказать, что, хотя В.И. Ленин считал учение Толстого вредным, говоря, что оно «безусловно утопично и по своему содержанию реакционно», он не прибегал к искоренению толстовства как такового. Он верил в искренность убеждений толстовцев и в 1919 году им был подписан указ об освобождении от военной службы тех, кто отказывался служить по религиозным убеждениям.

А.В. Луначарский на одном из диспутов в Москве сказал, что толстовцы остались единственными идейными противниками марксистов, не запятнавшими себя никакими антисоветскими действиями. При Сталине ситуация резко изменилась. С началом сплошной коллективизации толстовцев вытесняют подальше на восток (так Б.В. Мазурин и оказался в Сибири). А в трагические тридцатые годы репрессии обрушились и на них. Коммуна просуществовала до 1939 года, доказав свою жизнеспособность. Причины ее распада были чисто внешними. В 1939 году подавляющее большинство членов коммуны были сосланы в сталинские лагеря. Но и в этих суровых условиях толстовцы сохраняли верность своим жизненным принципам. Даже находясь на грани жизни и смерти, бывшие члены коммуны стремились придерживаться вегетарианства. Десять лет провел в лагерях Б.В. Мазурин. Жизнь разметала его единомышленников. Но и после всех выпавших на его долю испытаний он сохраняет верность толстовскому вероучению, последовательно проводя его в жизнь.

«Пусть не останется в живых ни одного явного единомышленника Толстого, но идеи его, его учение о жизни, имеют глубокие корни в сознании всех людей. Это учение не выдуманно, а жизненно. Поэтому оно все более и более будет входить в сознание и жизнь людей, иногда путем тяжелого опыта. Есть еще люди на земле, которые верят в путь насилия, вооружения, войн. Но это путь обреченных. Разум, мир, братская солидарность, безнасилие – путь Толстого должен победить», – писал в одном из последних писем Б.В. Мазурин.

Надеюсь, что публикация этого уникального человеческого документа, в котором Б.В. Мазурин изложил суть толстовского вероучения, как он сам его понимал, яркая, неординарная жизнь автора материала не оставит равнодушными ни поклонников творчества великого писателя, ни последователей его учения.

Борис Мазурин

Борис Васильевич Мазурин (1901—1993) родился в Твери. Его отец Василий Петрович (1872—1939), педагог, преподаватель ручного труда в средних и высших учебных заведениях, был последователем Л.Н. Толстого, деятельно сотрудничал в Московском Вегетарианском обществе; в 1926 году в Москве он выпустил сборник своих стихотворений «В царстве жизни». Б.В. Мазурин в 1919 году закончил московскую единую трудовую школу 2-й ступени и поступил в Горную академию. Б. В. Мазурин жил в деревне Тальжино под Новокузнецком, рядом с тем местом, где в 1930-е годы располагалась толстовская коммуна «Жизнь и труд». В 1960 — начале 70-х годов Мазурин написал воспоминания о коммуне, затем воспоминания о друзьях, также последователях Л.Н. Толстого, И. Баутине (погибшем в Соловках) и И. Зуеве, затем биографическую книгу об отце. В кругу друзей и единомышленников получили широкую известность его письма литературоведу Б.С. Мейлаху (1961—1962) в связи с его книгой «Уход и смерть Льва Толстого» и писателю Л.М. Леонову (1962) по поводу его «Слова о Толстом». Воспоминания о коммуне «Жизнь и труд» со значительными сокращениями были опубликованы в журнале «Новый мир» (1988, № 9).

Как я понимаю учение о жизни Толстого

О Льве Толстом слышали, можно сказать все, и не только у нас в стране, но и по всему миру. Но знают Толстого единицы, остальные же люди имеют о нем, о его понимании жизни самое превратное представление, точнее — не знают совсем. В чем же состоит учение Толстого о жизни, и можно ли это учение назвать религией? Что понимал Толстой под словом Бог?

Конечно, ответы на эти вопросы лучше всего получить, читая самого Толстого, но где найти его книги? — не художественные, а те, где он говорит о смысле жизни, ее законах, источнике этих законов — Боге? Толстого не понимают, скрывают, боятся и церковники, и атеисты, и революционеры, и монархисты, поэтому Толстой-мыслитель не известен народу.

Отговорка, что у нас в стране впервые в мире издано полное собрание сочинений Толстого — как художественных, так и публицистических, религиозных писем, дневников, — неубедительна. Тираж-то его трудов о жизни и Боге всего пять тысяч экземпляров! Но и за это спасибо.

Толстой же как мыслитель, как учитель жизни нужен людям всего мира, особенно сейчас, в наше время, когда человечество, идя путями церковников, политических деятелей, ученых, юристов, дошло до грани полного разложения и самоуничтожения. Попробую в коротких словах сказать, как я понимаю Толстого, что меня утверждает в этом понимании.

Ко всем своим суждениям Толстой предъявлял одно требование — они не должны противоречить разуму. Этому же придерживаюсь и я. Какое различие между человеком и животным? Есть грубоватое, но верное простонародное выражение, когда человек поступает нехорошо, зло, ему говорят: «Скотина ты, а не человек».

Животное кем родится, тем и остается на всю жизнь, но человеком надо еще стать. Так что же надо приобрести, какие свойства,

чтобы иметь право сознать свое человеческое достоинство? Надо сознать в себе и в людях такие свойства, как совесть, любовь, свобода, разум. Все это лежит в области духовного мира.

Есть мир материальный, мы его все знаем, с его существованием не спорим. Все в этом материальном мире происходит по своим точным и строгим законам, которые не создаются людьми, а лишь познаются ими. Все ученые всех времен и народов не создали ни одного закона материального мира, они только открывали их, а открыв, пользовались ими на благо человечества, но часто и во вред ему. В этом смысле духовный мир подобен материальному. В нем действуют столь же точные и строгие законы. Наиболее думающие, мудрые, ищущие люди стараются познать эти законы; учат, как применять их в жизни так, чтобы они служили благу человеческому.

Законы эти не деспотичны (как могут думать некоторые), как нельзя назвать деспотичными законы материального мира. Это не то, против чего восстал бы разум, напротив, эти законы логичны, свойственны природе человека — познание и выполнение их дает благо жизни. Сознательное следование им. Есть об этом хорошая мысль М. Бакунина: «Добро, с того момента, как оно предписано, становится злом с точки зрения истинной нравственности, достоинства человека и свободы. Свобода, нравственность и достоинство человека заключаются именно в том, чтобы делать добро не потому, что это предписано, а потому, что он признает его, стремится к нему, любит его». Смысл жизни в ней самой. Жизнь есть благо, а это и есть то самое, к чему стремится все живое, начиная от разумного человека и кончая мелким зверьком, самой малой букашкой, даже травинкой. В этом желании блага едины все! Для животных знание это дается инстинктом. Для разумного человека, осознавшего в себе духовные свойства, главенствующие над животной природой, нужен труд, усилие, работа мысли, всех чувств человеческих — для того, чтобы познать в себе закон жизни, сливаться с ним.

В материальном мире сознанию людей свойственна преемственность — от предыдущих поколений к последующим. Какой-то определенный закон этого мира кто-то в какое-то время откроет, и затем этим открытием все пользуются, а если вдруг некто «откроет» данный закон еще раз, то ему с насмешкой говорят: «Зачем же велосипед

изобретать?» А вот в области духовной жизни то, что было выстрадано, выведено человеческим умом за тысячелетия, часто отталкивается пренебрежительно и не только не хранится, но даже признается вредным. Какая трагическая ошибка! Нельзя отталкивать, надо брать и пользоваться, проверяя все своим умом, а не догмами.

Еще за 500 лет до нашей эры китайский мудрец Конфуций сказал ясно и просто то, что наши ученые и сегодня не могут понять: «Если человечество хочет достигнуть не только нравственного, умственного и материального, но и духовного совершенства, свойственного природе человека, то оно должно, не теряя времени, заняться собиранием плодов опыта предшествующих поколений, усвоением истин, постигнутых мудрецами в течение многих веков труда, и испытаний в различных областях человеческой деятельности». Эту огромную, нужную людям работу и делал Толстой. Со всей искренностью, правдивостью, со всем своим огромным талантом. Он отсеивал из человеческой мудрости через решето разума все живое, здоровое, отбрасывая устаревшее, засохшее, сорные примеси. И нам, современным людям, надо знакомиться с наследием предков — в этом нам может помочь Толстой.

Он не чурался никого, брал мысли у любого человека, любой народности, любых времен, любой учености и социального положения — лишь бы они глубоко говорили и размышляли о жизни, не противоречили разуму, помогали жить. Так, например, грубый солдафон Бисмарк как-то обронил фразу: «Если б мои солдаты начали думать, то у меня не осталось бы ни одного солдата», и Толстой берет эту мысль, помещает ее рядом с высказываниями великих мудрецов.

Может возникнуть вопрос — а надо ли это простому человеку? Надо, очень надо, дело в том, что духовный мир столь же неотвратимо наказывает людей за небрежение к его законам, как и мир материальный. Ведь никому же не придет в голову пренебречь, скажем, законом всемирного тяготения и выпрыгнуть из окна с десятого этажа (кроме самоубийц), а вот законами духовного мира, считается, пренебречь можно — чрезвычайно опасное, не менее самоубийственное заблуждение.

Тут может возникнуть еще вопрос — на свете много всяких религиозных, философских, нравственных учений, каждое утверждает, что именно оно единственно

правое, как разобраться, где истина? Толстой на этот случай говорил: «Истинная религия не может противоречить разуму». «Верьте себе, — говорил Толстой, — разум вас не обманет, когда вы ото всей души стремитесь к правде, истине, добру».

Теперь о Боге. Это — основной вопрос, отделяющий атеистов от верующих, от ответа «да» или «нет» зависит вся дальнейшая жизнь как отдельного человека, так и всего человечества. В дневниках Толстого мне встретилась запись, где писатель ставит сам себе вопрос: «...А может быть, я ошибаюсь, и Бога нет, как говорят многие?», и тут же отвечает: «Бог для меня это то, к чему я стремлюсь, то, в стремлении к чему состоит моя жизнь, и который поэтому и есть для меня», «Без Бога нет ничего».

Надо оговориться, что Толстой отвергал Бога в том смысле, как его понимают церковники. Бога как личность, созданного человеком по своему образу и подобию, со всеми человеческими слабостями и пристрастиями, любящего пышные обряды, жертвы, наказывающего и милующего, создавшего ад и рай, любящего один народ и помогающего истреблять другие народы.

Толстой разоблачал такое лживое понятие о Боге, за что и был церковью проклят, предан анафеме. Та же православная церковь, считающая себя христианской, только взяла имя Христа, а по существу представляет собой нечто, противоположное учению Христа, являясь главным рассадником атеизма. Церковь предлагает столь дикие представления о жизни, что человеческий нормальный разум принять его не может.

Президент Америки Трумэн, якобы исповедовавший христианскую веру, в свое время отдал приказ убить сотни тысяч мирных людей: детей, женщин. Такая «вера» хуже атеизма. Атеист многого может и не знает, заблуждаться вполне искренне, а эти люди, прикрывающиеся именем Христа, на самом деле вновь распинают Его.

Всякий разумный человек, если он задумывается над своей жизнью, понимает, что он живет НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ. Не по своей воле он пришел в этот мир. Не по своей и уйдет? Откуда? Куда? Чудес в мире не бывает, все идет по своим законам, но если попытаться всю жизнь, во всей ее полноте, охватить разумом, то станет ясно, что жизнь-то и есть чудеснее всех чудес.

Духовные свойства человека — совесть, разум, любовь, которые присущи его натуре, тоже не выдуманы человеком, это и есть за-

коны жизни, выполнение их приносит благо, то самое благо, к которому стремится все живое. Но ведь что-то объединяет эти законы? Это высшее начало жизни люди ощущали всегда. Это и есть Бог.

В разные времена, на разных ступенях развития люди по-разному представляли себе Бога: начиная с деревянных идолов, а потом как некую личность, подобную человеку, но позже уже не как личность, но как Силу, духовное начало; однако, Силу не слепую, бездушную, а живую, благую, с великими свойствами: разум, любовь, добро, свобода.

Меня иногда смущало, что я, верующий в Бога, не могу объяснить себе — что же это такое, Бог. Получалась нелепость — верю в то, не знаю что. Позже лишь понял — иначе и быть не может. Ведь то же самое происходит в материальном мире: все вещи, предметы можно ощутить, измерить, взвесить, они кажутся простыми, несомненными, но кто способен понять и объяснить, что такое Вселенная, которая без начала и без конца и во времени, и в пространстве? И выясняется великое — чем больше познает человек в, казалось бы, простом и понятном материальном мире, тем больше загадок, тем больше необъяснимого, необъятного. Так что же в таком случае материя?

Такие же вопросы самому себе логично задавать, если обратить свое внимание на мир духа. Мы отлично знаем, понимаем такие духовные свойства, как сознание, разум, любовь, совесть, добро, свобода — логичнее всего это называть законами Бога, проявлением начала всего, т. е. именно Бога — соответственно к ним и относиться.

Проявления Его, таким образом, мы знаем, но понять Его во всей Его полноте людям не дано. Людям необходим свет, свет может дать электрическая лампочка, которая сама по себе мертва, если не окажется подключенной к электрической энергии, разлитой во Вселенной. Так и людям необходимо благо жизни, и они его получают, если подключаются к Силе, которая лежит в основе всего. Сила та, как видим, не мертвомеханическая, но живая, благая, проявляющаяся в людях разумом, любовью, другими духовными свойствами. Не выдумывая никаких других свойств, человек может слиться с этими, вечными, непреходящими, став таким образом заодно с жизнью, став, по выражению Христа, сыном человеческим. И лишь тогда жизнь его приобретает благой смысл, свободу, бесстрашие перед смертью. Вот, в общих чертах, мои понятия о Боге, кто

хочет познать об этом предмете больше, тот должен обратиться к Толстому.

И о религии Толстой говорит: «Религия есть такое установление своего отношения к миру, из которого вытекает руководство всеми поступками». Толстого упрекают в том, что он разрушает государство, якобы охраняющее своих граждан. Толстой говорил: «Если мы люди, разумные существа, тогда давайте строить свою жизнь на разумных началах, а не на насилии. Государства, тюрьмы, казни, войска, оружие — все, что дико, неразумно, Толстой отрицал, но отрицал не с какими-либо политическими целями, а из чисто религиозного понимания жизни. Разрушать не насилием, а воспитанием в людях высших, разумных, добрых свойств, тогда все старые, дикие, отжившие способы управления отпадут сами. Такой же идеал безнасильственного общества есть у людей, отрицающих законы духовной жизни.

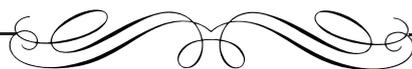
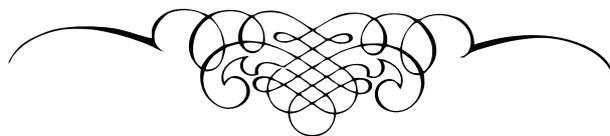
Революции насильственные, хотя и были законны в своих стремлениях к лучшему, избирали путь ошибочный: никакая сила не может пойти сама против себя, злоба увеличивает зло. Огонь огнем не рушится, и если они и достигали победы, то кажущейся: после подъема жизнь выравнивалась соответственно общему нравственному уровню народа, очень еще не высокому. И опять появлялась необходимость ради улучшения жизни улучшить себя.

Толстой не был кабинетным мыслителем. Он горячо принимал к сердцу горести и беды людей и отзывался на них. Он писал польской женщине о царском деспотизме и порабощении, индусам — о том, как освободиться от английского владычества, китайцам — о рабовладельческих инстинктах «культурных» европейцев. Писал и абиссинцам о вторжении Италии в их землю, и сербам об австрийских захватах их земель. Даже маленькому, еще и теперь мало кому известному, народу островов Фиджи, и его беду вспоминал он и писал им, клеймя позором их «культурных» угнетателей.

Писал он и русскому народу — и рабочему и крестьянскому — надо ли тащить перевернутую вверх колесами телегу, и надо ли перевернуть ее на колеса или оставить ее совсем в стороне. Писал он и о том, что земля, как и вода, и воздух, не могут быть предметами собственности отдельных людей. Она принадлежит всем. Обращался к женщинам и писал об их положении в обществе. И к царям, и к молодежи — «Верьте себе»; и о труде, что он должен быть вольным, радостным и разумным и не может быть предметом купли и продажи; об искусстве, науке и религии; о пьянстве и курении — всего не перечислить; все те вопросы, которые и сейчас стоят перед народами всей земли и решаются, но не тем путем, который указывал Толстой, и почти везде безрезультатно. Зло отравляют злом, и оно разрастается.

Сколько несогласия, иронии, насмешки, проклятий в адрес Толстого сыплется со всех сторон: церковников, безбожников, монархистов, революционеров. Всех он критиковал, разоблачал и сам же говорил такие слова: «Остроумное суждение (критика) подобны вкусному соусу, под которым наешься всякой дохлятины». И голая критика не достигает цели, даже наоборот. Надо не критиковать, а давать свое положительное, более разумное, светлое, доброе и несомненное. Тогда это может быть принято людьми, и отжившее само собою отпадет.

«Безбожник», «мракобес», «тормоз активной революции» — так называли Толстого, характеризуя его учение как непротивление, ничегонеделание, самосовершенствование, смотрение на свой пуп. Но проходят года, и что же мы видим? Умные, деятельные, энергичные, знающие борцы за законность и право доводят мир до грани разложения и самоуничтожения. Что же делать? Толстой не дает никаких рецептов изменения существующего строя. Он говорит: «Все в тебе, обрати внимание на себя, на свой духовный мир — это самое большое, что ты можешь сделать для себя и для всех».

Истоки

И С КАЖДЫМ ДНЕМ ВСЕ БОЛЬШЕ СВЕТА

В разделе «Истоки», как и в первом выпуске журнала, представлены творческие работы воспитанниц ГОУ «Губернаторская женская гимназия-интернат». В новом номере «Университета культуры» мы предлагаем познакомиться читателю не только с поэтическими сочинениями гимназисток, но и с их публицистикой.

Авторами первых трёх текстов, которыми открывается раздел «Истоки», являются выпускницы гимназии разных лет. Дьякова Александра и Рысюкова Светлана продолжают свое обучение в КемГУКИ. Однако любовь к литературе, к Слову, которую юные авторы обрели, обучаясь в гимназии, не покидает их и в студенческие годы. Три очерка — это три разные биографии людей, в судьбе которых Великая Отечественная война оставила свой след. Насколько хороши эти публицистические сочинения с литературно-художественной стороны, судить вам, наши дорогие читатели. Но бесспорно одно: соприкоснувшись с архивными материалами, на основе которых написаны очерки, авторы не могли остаться равнодушными к судьбам своих героев, к судьбе своей страны.

Небольшая подборка стихотворных текстов гимназисток — это ещё одна страница истории студии любителей поэзии.

В каких-то стихах робко и неуверенно звучит юный голос, заявляя о себе, а в других уже чувствуется авторская смелость в выражении своего внутреннего мира, предпринимается попытка эксперимента со словом, поиска именно того единственного, которое и должно максимально точно выразить поэтическое мироощущение. Хочется надеяться и верить, что эта связь юных авторов со Словом не прервется и в дальнейшей их самостоятельной жизни.

*Екатерина Сукорцева,
учитель
русского языка
ГОУ «Губернаторская
женская
гимназия-интернат»*

Источники, публицистика

Александра Дьякова

История человека в истории войны

Михаил Георгиевич Гаврилов родился в 1922 году в обычной крестьянской семье. Сейчас его уже нет в живых, но перед смертью он написал дневник воспоминаний для своих детей и внуков: «В нём — вся моя жизнь. Вот умру, и забудется всё, а так в дневнике будет для вас память». Семейная реликвия сейчас у меня в руках.

Действительно, в своих воспоминаниях Михаил Георгиевич описывает свою жизнь, события, людей, с которыми ему пришлось столкнуться. Дневник Гаврилова — Книга Жизни, его личная биография.

Однако, несмотря на то, что передо мною описание частной жизни человека, сквозь строки проступает история нашей Родины. По материалам воспоминаний Гаврилова можно проследить синхронное сосуществование отдельной личности и всей страны.

События, которые сейчас для нас являются вехами истории, о которых мы можем судить лишь абстрактно, восстанавливая обстоятельства по книгам и многочисленным трактовкам историков, в тот, конкретный период определяли сознание и жизнь всего народа и, как частицу его — отдельно человека. Одним из таких исторических событий, грандиозно и бесповоротно изменивших жизнь миллионов людей, стала Великая Отечественная война. Именно из ярких, зачастую трагических воспоминаний, навсегда оставшихся в памяти отдельных людей, мы можем нарисовать в своём воображении полную картину произошедшего, узнать больше о подвиге, который совершили солдаты ради спокойной жизни своей Родины, и больше узнать о самих героях этой войны.

Несколько глав дневника Михаила Георгиевича посвящено Великой Отечественной войне. «В 1941 году я закончил среднюю школу, и началась Великая Отечественная

война с фашистской Германией, — такими словами Гаврилов начинает свой рассказ о войне. — Войну предчувствовали и ожидали. Зимой всем мальчикам из наших 10-х классов провели медицинскую комиссию, каждого поставили на учёт и определили всех по состоянию здоровья, кто в какое училище пойдёт. Мне из-за слабого зрения предложили медицинское или интендантское училище. Я выбрал медицинское. После того как я окончил 10-й класс, меня направили в морское военно-медицинское училище, в город Кронштадт». Так закончились беззаботные детские годы Михаила Георгиевича.

Молодой Миша Гаврилов прибыл в Кронштадт 3 июля 1941-го года. «Направляясь в училище, я услышал по репродуктору на столбе выступление Сталина. В своём обращении к советскому народу он говорил, что враг силён, коварен и хитёр. При отступлении нельзя оставлять врагу ничего, по возможности нужно эвакуировать или уничтожать».

В Кронштадтское училище Михаила не приняли из-за слабого зрения, и он вынужден был отправиться домой. «В этот момент в Ленинграде началась эвакуация. Отправляли поездами, особенно детей. Я с большим трудом выбрался из города и приехал домой, в Кировскую область, только через 7 дней».

В августе 1941-го Гаврилов вновь получил повестку в военное инженерное училище г. Кургана, а в конце октября курсантов расформировали по училищам уже без прохождения медицинской комиссии, видимо потому, что фронту очень не хватало бойцов.

Гаврилов вместе с большой группой курсантов попал на полугодовое обучение в первое Ленинградское пехотное училище им. С. М. Кирова и через 6 месяцев, «во 2-й половине апреля 1942 года, нас выпустили с воинскими званиями младший лейтенант или лейтенант и направили в округ Западного фронта, в Москву».

С этого момента начались действительно суровые военные будни, Михаил Георгиевич был назначен командиром взвода в 354-й стрелковой дивизии в 16-й армии. «Первое время, — рассказывает в своём дневнике Гаврилов, — мы находились в 10—15 километрах от передовой, во втором эшелоне. Было слышно, особенно вечером, артиллерийскую стрельбу и бомбёжку. Мы не нахо-

дидлись на одном месте, постоянно передвигались по линии фронта, копали окопы». Главная задача второго эшелона, где находился Михаил Георгиевич, — задержать на своём рубеже противника, если тот прорвёт оборону на переднем крае.

В начале августа 42-го советские войска прорвали оборону немцев. «Мы освободили районные города Зубцово, Карманово, Погорелое, Городище, вышли в район города Ржева, — пишет Гаврилов, — но с ходу не удалось взять Ржев, он был сильно укреплен немцами, а мы несли большие потери». В этом летнем наступлении Михаил Гаврилов получил своё первое за войну серьёзное ранение. В одном из боёв от взрыва гранаты осколками были ранены ступня левой ноги, бедро правой ноги, правое плечо и кисть правой руки. Михаил Георгиевич очень интересно описывает момент ранения, очень красочно передаёт военный быт и нравы того времени, где встречи ненадолго, а разлуки — навсегда. «Я зашёл в деревенскую избу, раненых было много, сесть, а тем более лечь, было трудно. Но мне удалось забраться на русскую печь. Пришла медсестра, заменила повязки, промокшие от крови. Когда она перевязала раны, боль немного стихла. Мы с ней плакали и целовались. За неделю в боях я нормально не спал, поэтому, как только раны успокоились, я уснул. Проснулся вечером, слышу — паника, кто мог ходить, все из дома выбежали, остались только те, кто не мог идти. Я понял — идет бомбёжка. Я стал спускаться с печки — упал. Нога не позволяла двигаться, я кое-как выбрался на улицу и лёг в канаву возле дороги. В той бомбёжке было ранено и убито много людей...».

Пролежавшись в госпитале, Михаил Гаврилов вновь вернулся на фронт в ноябре 42-го года под город Ржев. В летних боях, как раз тогда, когда Гаврилов получил ранения, город не был взят, поскольку Гитлер не жалел сил и средств для укрепления и обороны Ржева, который находится в 180-ти километрах от Москвы. В декабре перед бойцами поставили задачу — захватить передний край обороны Ржева.

Перед началом наступления был проведён непродолжительный, но очень мощный артиллерийский обстрел, длился он 2 часа, после чего в атаку должна была идти пехота. Предварительно солдатам дали выпить по 100 грамм водки. Так делалось всегда: перед боем, для храбрости солдату дают выпить, даже Л.Н. Толстой в

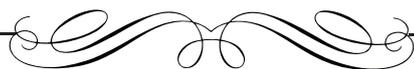
«Войне и мире» писал, как солдатам выставляли водку перед Бородинским сражением.

Бой начался. Противник открыл сильный огонь из пулемётов и автоматов, миномётов и артиллерии. Продвигаясь короткими перебежками, солдаты оказались почти вплотную с обороной противника. «Я сделал последнюю перебежку, — пишет Гаврилов, — упал на землю, почувствовал пулевое ранение — затронуло часть головы. Я машинально ухватился рукой за голову, и сразу же прилетела вторая пуля в правое плечо. Я отпрыгнул в сторону и, к счастью, попал в борозду. Вокруг — пашня, а небольшая канава, в которую я попал, спасала меня от пуль. По мне вели прицельный огонь, земля от пуль отскакивала в лицо. Сначала я притворился мёртвым, но лежать было нельзя — сильно кровоточила рана, особенно из плеча. Я начал отползать, не поднимая головы, но меня опять заметили и ранили в третий раз. ... Я начал слабеть, сначала меня ударило в пот, потом стало знобить, но сознание я не потерял».

Михаила Георгиевича подобрали бойцы из другой части и отправили в госпиталь, где ему пришлось лежать полгода. Вылечившись, в июне 1943-го двадцатилетний Миша Гаврилов вновь отправился в военную часть, но сначала на несколько дней заехал домой. «Помню, провёл дома Троицу и Духов день. Но радости никакой не было, праздники эти были омрачены тяжёлой болезнью матери, она болела раком головного мозга, за неделю до моего приезда мама ослепла, ей уже не пришлось увидеть меня. Но всё равно, когда я зашёл в палату, она узнала меня по голосу и заплакала, я даже не успел подойти к её кровати. Она надеялась ещё вылечиться, помочь нам нянчить детишек, но этому не суждено было сбыться. Через месяц после моего отъезда она скончалась».

Дневник написан намного позже описываемых событий, на страницах только рассказы в фактах, но эти строки сквозят светлым чувством грусти об умерших. Чувство это частое в воспоминаниях военных, это и немудрено, ведь сколько смертей они видели, сколько раз почти умирали сами.

Из военной части Михаила направили в Калугу. «На базе полка был создан отдельный штрафной батальон. Меня назначили командиром маршевой роты. Нашей задачей было принимать бывших судимых, в основном, из знаменитых московских тюрем Бутырки и Таганки, обучать их и отправлять в действующую армию».

Весь 1944 год Гаврилов провёл в Калуге, на берегу Оки. По словам нашего героя, ему там очень нравилось. Батальон был расположен в сосновом бору, на берегу Оки, места были дачные, воздух чистый.

Там же Михаил Георгиевич близко сходится с командиром батальона, подполковником Ханжиным, в прошлом белым офицером. Они были знакомы до службы в батальоне, Ханжин хорошо знал Гаврилова и относился к нему, как к сыну. «Он знал, что родом я из Кировской области, считал меня земляком. Ханжин лично подбирал кадры для своего батальона и при формировании взял меня к себе».

В армии был дефицит бумаги, даже не на чем было писать списки тех, кто отправлялся на фронт. «Комбат попросил меня: сможешь в Кирове достать сколько-нибудь бумаги? Я ответил, что смогу, хотя не был твёрдо уверен в этом». Так Михаил отправился в командировку, к себе на Родину. В феврале 1944 года, ровно через 7 месяцев, он опять побывал дома. «Мамы уже не было. Всё было по-другому, — записывает в дневнике Михаил Георгиевич, — всю домашнюю работу выполняла тетя. А родные — 12-летний брат Саша и 8-летняя Лида — помогали... Дядя помог мне достать целый рулон писчей бумаги. Я оправдал командировку. Комбат был доволен».

В начале 1945-го фронт находился на территории врага, чувствовалась близкая победа. 3 марта 1945 года Михаила Георгиевича назначили командиром маршевой роты на 3-й Белорусский фронт в Восточную Пруссию под город Кенигсберг. «Кенигсберг — город-крепость, с трёх сторон омываемая водами балтийского моря. Германия укрепляла её 200 лет. 4-го апреля начался штурм города, 8-го начались бои на улицах, а 10-го апреля город был взят нашими войсками».

Окончание войны Михаил Георгиевич встретил в Польше, в городе Витшток. «Чувствовалось, что скоро победа, каждый хотел встретить её в своей части.

Об окончании войны мы узнали 8-го мая по польскому радио. В 3 часа ночи на 9-е мая я проснулся от стрельбы из автоматов и пистолетов, от криков радости и слёз, от того, что кончилась война! Солдаты и офицеры, услышав официальное объявление об окончании войны, выражали свою радость салютом из личного оружия. Все были на ногах, никто не спал. Трудно было представить, что наконец-то война кончилась, а ты остался живой!»

Заканчивается глава, заканчивается рассказ о войне. О крови, смертях и ужасе. Русские люди преодолели всё, совершили подвиг и смогли вернуться к долгожданному миру, после тяжёлых испытаний.

И вот она, послевоенная жизнь с мирным небом над головой — институт, специальность, работа, любовь, семья, дом. В 1953 году Михаил Георгиевич окончил Сибирский Металлургический институт в Новокузнецке, получил специальность горного инженера. Работал на шахте «Березовская», а с 1977 года — в научно-исследовательском институте старшим научным сотрудником. Женился, воспитал троих детей.

В послевоенные годы Михаил Георгиевич Гаврилов единственным настоящим праздником считал День Победы. Каждый год семья отмечала этот праздник широко и радостно, с поздравлениями и воспоминаниями. Вот так праздник огромной державы превратился в личный праздник одного человека так же, как когда-то 65 лет назад война стала его жизнью. Не забывается такое никогда!

(При написании очерка использованы материалы из семейного архива, любезно предоставленные Горшковой Светланой Михайловной и Гавриловым Анатолием Михайловичем — дочерью и сыном героя очерка).

На снимках: М.Г. Гаврилов, с однополчанами, в госпитале.

Источники, публицистика

Ксения Лецина

«А сын ваш жив и домой вернется...»

Живет в нашем городе, в одном из его горняцких поселков, женщина, для которой сострадание и милосердие стали смыслом всей жизни. Земляки говорят, что у нее самые удивительные в поселке глаза. И хотя женщине уже за восемьдесят, но ее глаза не потеряли своей удивительной голубизны. И это замечают все. Но далеко не все знают, какое сердце у Евдокии Даниловны Иващенко и какая судьба выпала на ее долю.

Но начать рассказ о ветеране Великой Отечественной войны, наверное, следует с письма. Написано оно в шестидесятых годах, но рассказывает именно о военном времени.

«Здравствуйте, дорогая моя фронтовая подруга Евдокия Даниловна! Ваше письмо меня просто потрясло. Я даже представить себе не мог, как вы могли обо мне вспомнить, ведь мы виделись так мало. Я вспоминаю, как вы приложили к моей груди зеркальце, которое я хранил около года, но потом в госпитале его кто-то забрал. Из вашего полевого госпиталя нас направили на станцию, а потом повезли в Полтаву. По дороге поезд разбомбили, и жители перевозили раненых на тачках до Краснограда. Вдобавок к своему ранению я был еще и контужен. В госпитале я лежал около года, рана превратилась в трофическую язву, сделали еще одну операцию, вырезали язву и много осколков. А потом мы попали в оккупацию.

И через это прошел и выжил. После освобождения направили нас на государственную проверку в город Шахты.

Никогда я не забуду этих допросов.

Почему не застрелился? Почему не использовал пятый патрон?

Следователь-пацан завернет колосник в газету, стукнет в лоб и спрашивает:

— Что ж ты от газеты гнешься?

После проверки оставили меня в городе Шахты начальником связи, где я и работал до 1951 года. Потом переехал в Таганрог, где и живу до настоящего времени. Работаю на заводе «Виброприбор». Несколько лет назад предлагали мне командировку в Белово, на радиозавод, но по каким-то причинам не поехал. Я и представить себе не мог, что забереетесь вы в такую даль от наших мест. У меня трое детей, жена и даже внук есть.

Я часто вспоминал о вас, все думал — живы ли. А искать как? Я ведь даже фамилию не знал. Только песню о вас пел:

Помню день походного привала,

Сон бойцов у яркого костра.

Ногу мне тогда перевязала

Славная военная сестра.

Покойная мать рассказывала, как какая-то девушка написала ей теплое, ободряющее письмо и выслала сто рублей.

Я многим вам обязан. Только вы спасли мне жизнь. До свидания. Передавайте привет друзьям и знакомым от друзей однополчан. Степан Коса. 23 мая 1965 года».

Для того чтобы понять, о чем рассказал в своем письме бывший солдат, нужно вернуться к началу этой фронтовой истории.

...У Дуси и ее подружки заканчивалась преддипломная практика. Студентки фельдшерско-акушерского отделения Харьковского медицинского училища проходили ее в пограничном городке Шатске. В тот вечер, 21 июня 1941 года, девчата ходили в кино и смотрели «Ленин в Октябре». Потом решили забежать на танцы, но танцы отменили. Тревожная обстановка, казалось, уже витала в воздухе пограничного городка.

Они удивительно крепко спали в ту ночь и проснулись не от взрывов, а от крика хозяйна дома:

— Девчата, вставайте, война началась!

А в городе уже горели склады боеприпасов...

Подружки наскоро оделись, захватили с собой медицинские сумки и вместе с другими жителями покинули городок.

Вот так и окончилась производственная практика. Уже на другой день девчата примкнули к военной части. Вот такой получился призыв в армию. Без повестки и военкомата. Потом, сопровождая группу раненых, Дуся заезжала в Харьков и получила свой долгожданный диплом, отчитываться о прохожде-

нии практики военному санинструктору уже не пришлось.

Случай, о котором рассказывал в своем письме Степан Коса, произошел в августе 1941 года. Молодой боец (а это был именно Степан) лежал на берегу Днепра и истекал кровью. Вокруг был крошечный ад. Красная армия отступала с большими потерями. Фашисты обстреливали переправляющихся через реку. Санитары просто не успевали выносить раненых из-под огня.

Дуся уже в который раз попала в самое пекло боя. Определив на взгляд самого «тяжелого» раненого, девушка склонилась над ним. Солдат был без сознания.

В полевом госпитале Степану оказали первую помощь и влили свежую кровь. Он очень много ее потерял.

Придя на короткое время в себя, он увидел девушку, сидевшую рядом:

– Сестричка, напиши матери, чтоб не ждала больше сына, только и успел сказать он и снова впал в забытие.

Дуся выполнила просьбу солдата, написала письмо в село Малая Екатериновка Запорожской области. Рассказала она незнакомой женщине, что сын ее ранен, но обязательно поправится, что воевал он геройски, и мать может им гордиться. В конверт девушка вложила сто рублей, все, что у нее было.

В канун двадцатилетия Победы Евдокия Даниловна увидела по телевидению передачу, в которой шел разговор о поиске одно-

полчан, и решила узнать судьбу спасенного солдата. Конечно, их было много, вынесенных ею с поля боя, но этот запомнился особо. Написала она о том случае, хотя на ответ, честно говоря, и не надеялась.

Степана Косу нашли очень быстро. Правда, мама его к тому времени уже умерла. Но таганрогский адрес бывшего солдата сообщил его двоюродный брат.

Потом Степан написал это самое письмо в Краснобродский поселок.

Евдокия Даниловна Иващенко ответила ему, и они встретились. Сначала Евдокия Даниловна побывала в Таганроге. Об этом даже писали в газете «Таганрогская правда». Потом Степан Коса приезжал в Сибирь.

Вот лишь один эпизод из жизни женщины, прошедшей не только войну. У Евдокии Даниловны Иващенко очень нелегкая судьба. И не случайно в канун дня Победы получает она поздравления и материальную помощь из фонда Солженицына. Но она все перенесла, выстояла и осталась добрым, милосердным, удивительно чутким человеком.

У поселка Краснобродский, где Евдокия Даниловна и ее семья прожили много лет, особенная история. Именно здесь началась открытая добыча угля в Кузбассе. Здесь появился первый разрез. Было это в 1947 году.

И только в больницах этого поселка Евдокия Даниловна проработала 27 лет. И хотя она уже давно на пенсии, земляки помнят ее, уважают и любят.

Вкус и запах победы

(Читая солдатские письма)

«Дорогая Антонина Павловна, пишут вам это краткое письмо те два товарища, которые сфотографировались вместе с вашим сыном. Как тяжело описывать нам то событие, которое свершилось 27 октября 1944 года под станцией Чоп, что у города Ужгород. В боях, которые мы вели, пал смертью храбрых ваш сын Миша, пройдя тяжелый путь вместе с нами от Воронежа до Карпат. Миша был простым и душевным товарищем, встретились мы все трое в Сталинске (Новокузнецке) в декабре 1941 года, с тех пор были вместе...

Мы заверяем вас, что за смерть Миши отомстим всем своим коллективом сторицей, что еще не одна звериная голова немцусупостата падет от наших рук.

Антонина Павловна, пишите нам по адресу: полевая почта 28869-А, на имя Наконечного Ивана Яковлевича и Семенова Ивана Максимовича. 18 ноября 1944 г.»

Это горькое письмо прислали Антонине Павловне Коневой, жившей в старинном селе Коневе, Беловского района, два бойца, два фронтовых друга ее сына Михаила. Кто-то из членов семьи потом переписал его. Так и хранятся в семейном архиве копия и оригинал, хранятся вместе с десятками других писем с фронта, которые прислал родным Михаил. Фотографию, о которой идет речь, Михаил Конев прислал родным в начале 1944 года.

Матери нашего земляка давно нет в живых, судьба фронтовых товарищей Михаила неизвестна, но брат и сестра бережно хранят письма с фронта, некоторые из них они пере-

дали в Беловский краеведческий музей, но большая часть пока осталась в семье.

Мне посчастливилось прикоснуться к этим пожелтевшим и ветхим листочкам, которые сохраняют дыхание времени, душевное тепло любящего сердца. Внимательно рассматривая хрупкие послания, вчитываясь в наспех написанные строки, я пыталась представить себе солдата, который их писал.

«...Учусь на курсах младших командиров. По их окончании пойду на передовую... Мама, прошу тебя об одном, меньше думай обо мне, а больше о себе, как лучше и как удобней прожить этот период и вырастить трех маленьких. Жив буду, вернусь домой. Подрастут Мария и Ваня, Митя, вот тогда уже мы заживем по-новому. Январь 1942 года».

«Вот уже полмесяца нахожусь на передовой, участвовал в трех боях..., разобьем врага, и если живым вернусь, то многое вам расскажу. Уже на будущий год жив буду и война кончится. Буду и косить, и сено возить сам, а ты, мама, будешь отдыхать. А пока солите огурцов и капусты побольше. Я с победой приеду, буду кушать соленые огурцы и капусту. 8 августа 1942 года».

Обратите внимание на дату. Лучше всего прокомментирует события, происходившие в это время, энциклопедия о Великой Отечественной войне. Она беспристрастно свидетельствует о завершении в это время Воронежско-Ворошиловоградской оборонительной операции, когда после ожесточенных боев наши войска были вынуждены отступить за Дон на 150—400 километров. И хотя планы гитлеровцев разгромить основные силы Советской (тогда еще Красной Армии) на юго-западном направлении были сорваны, и врагу был нанесен значительный урон, но возникла прямая угроза Сталинграду и Северному Кавказу. Значительные потери понес не только противник, но и наши войска. И все знали, что главные битвы еще впереди. Но Михаил отлично понимает, как трудно матери, оставшейся одной с тремя детьми. И он, как может, подбадривает родных: «Солите больше огурцов и капусты, я с победой приеду и буду кушать». Мне кажется, одна эта фраза лучше всяких высоких слов говорит о мужестве и душевной стойкости наших солдат, а еще о сострадании и такте человека, ее написавшего.

«...Вчера первый раз за время службы увидел брата Митю во сне (Мите было всего шесть лет). 3 сентября 1942 года».

«Ваня, тебе, Мите, Лене мой братский совет — учиться только на "отлично". Этим вы поможете мне и всей Красной армии скорее разгромить врага. 18 сентября 1942 года».

«К празднику получили много подарков с тыла, от рабочих и колхозников. Все наши фронтовики были очень довольны и благодарят наших отцов и матерей, сестер за заботу. Наши воины поклялись еще бесстрашнее биться за нашу любимую Родину. 8 ноября 1942 года».

«...Вчера получил от вас 10 писем, за что сердечно благодарю тысячу раз. Сегодня мы встретились с Гришей К. (земляк) после двухмесячной разлуки. При встрече было так больно, что Гриша даже всплакнул. А потом мы пошли в бой. Но вернулись живы и здоровы. Февраль 1943 года».

«Часто писать у меня нет времени. Ежедневно походы и походы, продвигаемся вперед на запад, освобождаем нашу землю от немецких оккупантов. Если жив буду, то через месяц получите письмо от меня, а если придется погибнуть, то вы получите письмо от моих друзей. 29 апреля 1943 года».

«...Вчера только вышли из боя. Восемь суток был в бою. Писать письма не позволяла обстановка. Но ничего, был бы сам жив, а письмами я вас еще засыплю. Меня сейчас интересует, как вы живете? Как учатся ребята? Убрали ли с огородов? Хватит ли у вас сена на зиму? 5 октября 1943 года».

Вновь сверяю дату с энциклопедией. Позади у бойцов Воронежского фронта к этому времени была победа в Курской битве. Они с боями продвигаются по Украине и уже форсировали Днепр в нескольких местах. А торопливые строки Михаила вновь о простом и житейском, как будто не с фронта пишет, а из командировки.

И только когда в результате решительного наступления армия стала приближаться к границе, в письмах Михаила появились географические названия и сообщения о боевых делах.

«Нахожусь в Винницкой области, продолжаем гнать фрицев с родной земли. 19 января 1944 года».

«Нахожусь в движении. В общем, гоним немца, очищая нашу Родину. Вчера был в городе Станиславе (Западная Украина). Сегодня нахожусь в одном из сел Станиславской области на временном отдыхе... Жизнь такая, что с каждым часом все новое и новое: новые люди, новые места. Грустно и обидно, что я потерял своих лучших друзей, с которыми все делил пополам. Все горе

переживал. А сейчас их нет, один погиб, как храбрый воин, другого ранило. 12 июня 1944 года».

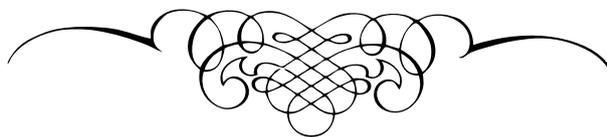
«...Хочется скорее почитать письмо от своих родных, из своей родной Сибири. Я от вас нахожусь так далеко. У самых Карпатских гор, которые я когда-то изучал, а теперь самому пришлось побывать на них. Вчера ходил кушать кислицу, она уже красная и вспомнил свой родной край, как ходил в лес за ягодами. 13 июля 1944 года».

Десятки писем, написанных, когда карандашом, когда пером. Торопливо или старательно. На бумаге разного качества: то это грубая, почти коричневая, оберточная, то просто серые клочки, то титульные листы вырванных книг, то стандартные почтовые карточки с боевым призывом, в общем, все, на чем только можно писать. Объединяет все эти письма, хранящие следы формы солдатского треугольника, неизменная печать: «Просмотрено военной цензурой». По скудным сведениям удалось восстановить боевой путь нашего земляка Михаила Конева. Воевал он на 1-ом Украинском, бывшем Воронежском фронте, в 38-й армии. Завершив операцию в Восточных Карпатах, бойцы 1-ого Украинского фронта повернули в

Польшу. Потом дрались на подступах к Берлину, а День Победы встречали в освобожденной Праге. Но Михаила Конева уже не было в боевых рядах.

А родным остались на память лишь несколько фотографий, которые он завещал беречь, и полные заботы и нежности письма со словами поддержки матери и младшим братишкам и сестренке.

Он хвалил ребят за успехи в учебе, давал советы по хозяйству, присылал фронтовые песни. Одна из них «В землянке». Слово «землянка» часто упоминается в этих письмах с фронта. Михаил пишет, как весело он проводит вечера в ярко освещенной лампой землянке, поет и танцует с товарищами. Ему так хочется, чтобы в эту милую выдумку поверили близкие люди, чтобы не волновались... «Я живу хорошо, ожидаю жить еще лучше» – эта присказка в каждом письме нашего земляка. Он ни одного дня не сомневается в Победе и веру свою передает родным. Но там, на фронте, в самые тяжелые военные дни он видит эту победу не в качестве праздничного парада или салюта. Для него мир – это запах душистого сена, вкус лесных ягод, отдыхающая от забот мама, собственная семья...

Истоки, публицистика

Светлана Рысюкова

Женщина из легенды. Мария Прохоровна Косогорова

Русская женщина всегда была и будет загадкой и тайной для всех. И никто и никогда не узнает, что у нее на душе: боль или тоска, горечь или надежда, а может, чувство любви к своему отечеству. Мы часто говорим о мужчинах, которые защищают нашу жизнь, но намного меньше говорим о женщинах, которые уже тем, что воспитали этих героев, стали легендами. Да, в каждом уголке нашей земли есть свои былины, легенды и сказания. Это те золотые зерна, из которых слагается история города, народа. Такая легенда есть и в Прокопьевске, сибирском шахтерском городе.

Эта легенда гласит о том, как неприметная, казалось бы, женщина возглавила в годы войны шахту, на которой нелегко было работать даже мужчине.

Она могла найти такие слова, которые задевали струны человеческой души, помогали преодолевать все трудности сурового времени. Она была директором, хорошим другом, рабочим, матерью, но главное – замечательным человеком. Вместе с шахтерами спускалась в забой и своим трудом приближала победу, находясь далеко от фронта. Имя этой женщины – Мария Прохоровна Косогорова.

Ее судьба неразрывно связана с угольной промышленностью и с шахтой «Зиминка». М. П. Косогорова была единственной в стране женщиной, возглавившей шахту. «Зиминка» годами не выполняла план, а с приходом Марии Прохоровны стала быстро набирать темпы. И в 1942 году стала называться лучшей шахтой Советского Союза.

Из архивных документов удалось узнать, что М. П. Косогорова родилась в феврале 1904 года в семье железнодорожника. Отец был кондуктором, а мать – рабочей по ремонту железнодорожных путей. В семье было 11 детей, но выжило только двое. Работа родителей была очень тяжелой, как любая работа того времени. Когда в 1920 году умер от тифа отец, заболела и осталась инвалидом мать, Мария в 15 лет стала главой семьи. Окончив шесть классов неполной средней школы, поступила в институт города Томска. Дипломный проект, посвященный разработке угольных пластов, был оценен на «отлично» и нашел свое применение в угольной промышленности. В институте Мария Прохоровна познакомилась со своим будущим мужем. В. И. Плешкевич, молодой лейтенант, командир взвода, очень любил свою избранницу. У них родилась дочь, которая скрепила их сердца на всю жизнь.

Но хрупкое женское счастье оборвалось в самом начале войны. Мария Прохоровна получила похоронку на мужа, а через неделю умерла ее старшая сестра. Но горе не сломило мужественную женщину, ведь стране нужен был уголь, много угля. А когда комом к горлу подкатывали слезы, то спускалась к своим друзьям шахтерам в забой, добывать уголь.

А работать Мария Прохоровна любила, об этом свидетельствует один случай. Однажды в город Прокопьевск приехал крупный руководитель угольной отрасли, чтобы предложить ей другую должность. Приехал, позвонил на шахту, спросил начальника. «В забое начальник», – ответила телефонистка. Позвонил позже: «В шахте». Позвонил наутро. «Мария Прохоровна легла отдохнуть, а я скорее умру, чем разбужу ее!» – ответила девушка.

Шахта «Зиминка» стала для нее вторым домом, а люди, работавшие на ней, ее детьми. Каждый раз, проходя по улицам поселка, женщина думала о том, что с началом войны, в общей беде, и дома стали ближе друг к другу. В них жили шахтеры. Да, жили, хоть и тесно, но места всем хватало, вот только с питанием туговато было. Как помочь им, подсказало ее сердце: нужно выделить подсобные хозяйства и огороды рабочим. После смены шли шахтеры на свои земли, сеяли просо, сажали картошку, овес. Зерно толкли в ступах. Хлеба не хватало, но женщины делали из картошки оладьи. После первого

урожая в столовых появились дополнительные порции, а семьи шахтеров перестали голодать.

В конце 1944 года она была избрана секретарем городского комитета партии, а позже уехала в Донбасс на восстановление разрушенных фашистами шахт. И предстал перед женщиной шахтерский край, растерзанный врагами. В шахту имени Калинина, на которой фашисты убили четыре тысячи безвинных шахтеров и скинули их тела в стволы шахты, она решила вложить все свои знания, душу и сделать ее памятником своему любимому мужу, а также его товарищам, погибшим под Старой Руссой при обороне Сталинграда. Сказала — сделала!

В 1982 году она переехала жить к своей дочери в Москву. Несмотря на преклонный возраст, она часто приезжала в родной город, переписывалась с кузбассовцами и выписывала прокопьевскую газету «Шахтерская правда». В 1983 году Мария Прохоровна в последний раз побывала на земле Кузбасской, на празднике, посвященном шахтерам. Она умерла в 1992 году в возрасте 88 лет.

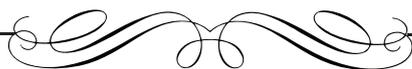
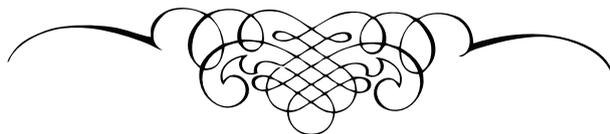
Из писем ее дочери удалось узнать, что М. П. Косогорова мечтала о том, чтобы ее похоронили в Кузбассе. Но, к сожалению,

о последнем желании матери дочь узнала после похорон. Для того чтобы исполнить ее волю, шахтеры, ее друзья, возили землю из Прокопьевска на ее могилу.

Как измерить, сколько сил, энергии и воли нужно было в себе найти этой женщине, чтобы повести за собой двухтысячный коллектив шахтеров? А какую ответственность она несла за жизнь шахтеров, ведь процесс добычи угля шел в сложных условиях! Одно неверное действие, нарушение правил и норм, и может произойти авария, под угрозой человеческая жизнь, под угрозой добыча угля, который так нужен был фронту. И она, женщина, несла ответственность за все.

Годы неумолимы: уходят живые свидетели тех жестоких, суровых дней. Я прохожу по улицам нашего города и спрашиваю прохожих: «А вы знаете Марию Прохоровну Косогорову?» Люди старшего поколения мне объясняют, что это женщина — легенда, а молодые просто пожимают плечами.

Задумайтесь на миг, насколько вы хорошо знаете своих соседей. А может быть, такие, как эта женщина, живут за вашей стеной? Может быть, они несут мудрость, знания и доброту? Как вы думаете, нам важно это знать?

Истоки, поэзия

Анастасия Антонова

***

Я несу тебе в ладошках
Сердце, смятое в лепешку,
Но пока еще живое,
Трепетно вздохнет порою,
Капнет капелькою алой
И сожмется вновь устало.

Нет уже в нем силы прежней,
Обращались с ним небрежно,
Грели, мяли, целовали,
А потом, как мяч, пинали.
Сколько вмятин на нем стало,
Сколько ран позарастало?

Ты возьми в свою ладошку
И согрей его немножко.
Может, вновь оно забьется
И сквозь слезы улыбнется...

Лариса Дмитриева

Маме

Ты, как всегда, поправишь одеяло
И свет погасишь в комнате моей,
А помнишь, на руках меня качала,
А время проходило все быстрей.

Я стала старше, но не забывала
Тепло и ласку твоих нежных рук,
И песни, что ночами напевала,
Когда царила темнота вокруг.

Теперь уж я поправлю одеяло
И в комнате твоей свет отключу.
Ты помнишь, на руках меня качала?
А мне казалось, будто я лечу!

***

Как хочется стать мне танцующим ветром,
В стремительном вальсе кружась!
Как хочется стать ярким солнечным светом,
На землю, играя, ложась!

Как хочется с ливнем серебряным петь,
Что в окна чужие стучится.
Как хочется к синему небу лететь,
Как гордая вольная птица.

Как хочется стать этим лунным сияньем,
Весь мир в тишину погружая.
И вновь предаюсь я безумным мечтаньям,
Под шепот ночной засыпая.

Истоки, поэзия

Ирма Гафнер

***

Расцвела сегодня роза
В летнем садике моем.
Под зеленою березой
Лепестки сверкали днем.
Тонкий, слабый стебелек,
Аромат еще не сладкий,
Маленький совсем листок
Одиноко рос украдкой.
Блики ласковых лучей
С розою моей играют,
Где-то здесь журчит ручей,
Влагой воздух наполняет.
А когда наступит вечер –
Молодой цветок сломают...
На столе с зажженной свечкой
Лепестки благоухают.

Екатерина Несмеренко

Апрель

В апреле солнце как комета
Насквозь пронзает синеву,
Весенним натиском победным
Рождает жизни красоту.

И с каждым днем все больше света,
И с каждой ночью тоньше тьма,
И вновь земля уже согрета,
И в щели спряталась зима.

Истоки, поэзия

Марина Седых

***

Над чернявой тайгой багровеет закат,
Опускается тень, все вокруг холодеет,
И бывает, что жизни совсем ты не рад,
И от мысли такой все вокруг леденеет.

А бывает, что слезы бегут, как река,
А бывает, что жизнь ничего уж не значит...
Приласкает, согреет чужая рука
И в судьбе твоей новый этап обозначит.

***

Плачут люди безутешно,
Льются слезы, как река.
Как же в мире этом грешном
Я нашла сама себя?
Знаю, путь пройду тернистый,
Будет долг он – и пусть!
Лучик солнца золотистый
Уничтожит в сердце грусть!

Елена Крыжановская

Не нужно слов – проснулось солнце,
И снег искрит в его лучах!
Нет этой прелести в ночах
И в лунном свете, что в оконце
Моем струится без конца,
Как догоревшая свеча,
Что, тусклым пламенем играя,
Чуть озаряя светом тьму,
Слегка лишь свет напоминает,
Как подражание ему.
Не нужно слов – проснулось Солнце!

Истоки, поэзия

Надежда Торопова

Воспоминание

Разве можно в холод, стужу бегать
по песку босым?!
Развлекаться, плавать в речке,
не вставать по выходным?!
Вспоминаю я походы: лес,
палатка и костер.
Рядом звук шальной гитары и
веселый разговор.
Помню шутки и рассказы,
молодежи звонкий смех.
Помню, как играли в карты,
помню проигрыш, успех.
Помню лунное сиянье,
завтра утром не вставать.
В вечер теплый, сколько хочешь,
можно звезды наблюдать.
Помню легкие одежды,
солнца теплые лучи.
Нет, прекраснее, чем лето,
не найдешь, как не ищи.

Первой любви фейерверк

Время мое быстротечное,
Ты на одном не стоишь,
Как конницу, жизнь беспечную
Ты запрягаешь, спешишь.
Проходят минуты, мгновения,
Снова в душе фейерверк.
Запомнятся те впечатления,
Но вскоре растают, как снег.
Лишь в сердце надолго останется
Искра первой любви.
Ты помни ее, бесконечную,
И в памяти вечно храни!

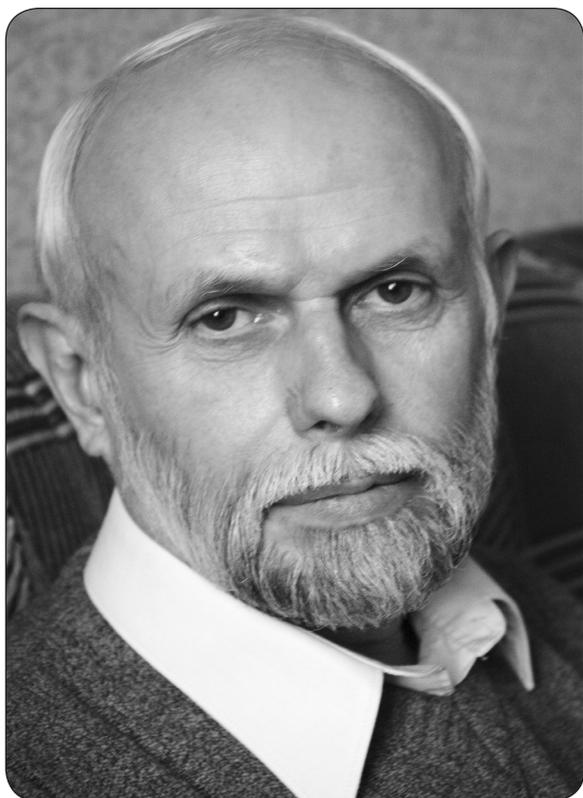
Ксения Фалалеева

Осень

Всеохватно, листопадно
Осень подступила.
Провода гудят надсадно,
Тягостно, уныло.
Дождик сеет, как из сита,
В избы загоняя.
Тополя с ночи умыты,
Все одежды сняли.
Вот слетел листок багровый,
Будто парашютик,
Вслед за ним другой, и снова –
Каждую минуту.
Вмиг увяла вся природа,
Оголился лес.
И со скверной непогодой
Дружит ветер-бес!

Владимир Еременко

Еременко Владимир Спиридонович родился в 1948 году в Мариинске. Служил в армии. В 1973 году окончил Кемеровский государственный институт культуры, режиссерско-театральное отделение. С 1975 года по сей день работает в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. В 2001 году окончил Московский Свято-Тихоновский Православный Богословский институт, катехизаторско-педагогический факультет. Печатался в газетах, журналах «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово), «Всерусский Собор» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь), коллективных сборниках «Собор стихов», «Поэты университета». Автор книг стихотворений «Белый инок» и «Высокий день». Живет в Кемерове.

Крест Богородичных икон

Первую икону Богородицы, по преданию, написал евангелист Лука. Этот образ мы сегодня знаем под именем иконы Божией Матери «Владимирская».

С тех пор до сего дня в мире явилось и является множество новых икон Богоматери. Все основные моменты земной жизни Богородицы – от Рождества Ее до Успения – запечатлены в иконописных образах.

Большинство существующих икон – это иконы Богородичные и Господские. Почему, понятно: больших Имен нет ни на Земле, ни на Небе.

Нет выше почитания творения Творца своего и избранной Им Агницы Божией.

Нет большей любви в сердце человеческого, как к самому Господу Богу и Его земной Матери.

Нет большей Любви во Вселенной, чем Любовь Господа Бога нашего и Богоматери к людям.

Любовь эта явлена в спасительно-жертвенной заботе Господа о нас, молитвах Богородицы. Животворно источается во всем, всегда и везде. В том числе и через иконы Их.

1. Богоприимец Симеон

Богоприимец Симеон, принимая в Иерусалимском храме на руки от Пречистой Девы Марии Божественного Младенца, воспел хвалу Господу, что видит он ныне Воплощенное для всех людей Спасение Господне и по особому вдохновению Божию, благословив Святое Семейство, произнес: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец» /Лк.2,34-35/.

Ничего, вроде, особенного не было сказано старцем – весь Израиль уже давно ожидал явления Мессии, и Богородица знала, Кого Она принесла в храм – но, что Христос придет ко всем народам, и язычникам в том числе, звучало впервые. Второе, что удивило Иосифа и Марию было то, что Утешение Из-

раиля, его Надежда, Мессия окажется камнем преткновения внутри народа Своего, что Он явится падением неверующих и утверждением верующих. И третьим удивительным в словах Богоприимца предстало для Марии и Иосифа пророчество о смертной боли Матери Христа. «И Тебе Самой оружие пройдет душу...»

Архангел Гавриил благовестил Марии радость, а старец предрекает скорбь.

Но пророчества в полной мере открываются только тогда, когда они сбываются.

Только в невероятной, непостижимой пока для Апостолов Крестной смерти Христа, потрясшей всех их до основания, пронзившей смертной болью сердце Матери Его, становятся понятными слова Богоприимца. И то не до конца. И только в третий день — по Воскресении Христа — открылось тайное, сокровенное от века, о чем и благовестует Ангел Богородице: «Твой Сын воскрес и мертвых воздвигнул!» Мнили враги видимые и невидимые, что смертно пригвоздили Христа и смертно ранили Мать Его. Но спасение человека совершилось. Ад повержен. Смерть уничтожена. Только теперь каждый из нас по свободной воле своей должен повторить Крестный Подвиг Господа Иисуса Христа — умереть для греха, чтобы жить в Свете Божиим.

2. Путь веры и путь неверия

«Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» /1. Петра.2, 21/.

Но без веры в Спасительный Подвиг Христа сие невозможно.

Если нет веры, что Крестный Путь — Единственный Спасительный Путь, — человек еще не идет к Спасению. Хотя Сам Господь сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин.14,6). И то, что этот путь единственный, особо подчеркнул: «Никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин.14,6).

Но не верит сердце своевольное Богу, потому что ищет своего, а не Божьего. Не слышит глаголы Божии, но слышит духа обольщения. «В последние времена, — пишет апостол Павел ученику своему Тимофею, — отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским» (1.Тим.4,1). Сколько их сейчас этих «учений» в мире, увлекающих людей жить по похотям своим, отвлекающим от Спасительного пути!

Если нет склонности воли твоей к вере, она склоняется к неверию в Христа, к отрицанию Его.

Как и тогда у Креста, и сегодня в битве веры и неверия открываются «помышления многих сердец».

Многие и до сегодняшнего дня в сердцах своих распинают Христа, а кто-то (малое стадо) сораспинаются с Ним. Кто-то в душах своих увеличивает муку Богоматери, а кто-то соболезнует Ей. Кто-то, отвергая Христа, низвергается в ад, а кто-то идет к Спасению.

«Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф.11,15).

3. Богородица у Креста

О Сыне Своем молится Богородица у Креста — Оружии Спасения, пронзившим сердце Её.

О мире всем молит теперь Сына Своего Пречистая.

Вот оно полное исполнение пророчества Праведного старца Симеона.

Жертва Спасения принесена.

Пресвятая Дева, смертно страдая с Сыном Своим, совоскресает с Ним радостною душою в Жизнь Вечную и молится за весь мир.

Молится Пречистая за весь мир и благодарные сердца верующих, боль и радость Её разделяющих, восхваляют её в песнопениях своих: «Радуйся, Пречистая Дево, всемирная Слава и Радость!»

Сама радость, Она причастна всякому горю.

За весь мир молится Богородица, и весь верующий мир молится Ей.

Пресвятая Владычица, спаси нас!

Ни к одному из Святых не обращается верующее сердце в столь умилительно-категорической форме: спаси нас! Только к Самому Господу Богу и Богоматери. Ко всем Святым, Ангелам, Архангелам — молитесь Бога о нас! А к Богородице — спаси нас!

Ибо знает верующее сердце, что слушает Господь Мать Свою.

Как же не слушать Ту, Которая по воле Своей Благой дала плоть Свою для воплощения Богочеловека на Земле?

Как не слушать Её, Первую Заступницу людей пред Богом?

Как не уступать слезам Той, Которая сораспялась с Тобою на Кресте?

Слышит Её Господь и совершает по просьбам Её.

И первое чудо Свое в Кане Галилейской сотворил по просьбе Её.

И всегда творит Господь с нами по Беспредельной Любви к нам, по молитвам Матери Своей.

4. Почитание Богородицы

Велико почитание Богородицы на Земле. Но сугубо умилительна любовь к Ней на Руси.

Домом Пресвятой Богородицы называли Святую Русь, называют Россию.

Не забудем, что в понятие Святой Руси входят: Малая Русь (Украина), Белая Русь (Белоруссия) и Великая Русь (Россия). Не забудем, что мы единый славянский, русский, православный народ, в Крещении своем пришедший к Богу, избравший волю Святую Его, прибегающий в бедах и радости под покров Богородицы.

Сильно возлюбил русский народ Божию Матерь.

Почитание Её перед Богом и людьми здесь самое высокое, самое глубокое, самое нежное на Земле. Какое еще в Греции, в Византии и по-детски любящих сердцах по всему миру.

Русь сердцем своим прозрела в Богородице свою Первую Страдалицу, Первую Молитвенницу свою, Заступницу перед Богом за людей Своих.

По боли узнала Россия в Богородице свою Избавительницу.

Есть ли что выше и спасительней страданий и молитв Божией Матери в этом мире и том?! Разве что боль Самого Бога Распятого.

Россия вообще (в лучших сынах и дочерях своих) воспринимает жертвенную боль как высшее проявление Правды на Земле. Ибо на Земле нам дано по воле своей жертвенно страдать и страданиями своими, по милости Божией, очищаться. Святая Русь, Россия, как дитя Божие, следуя путем Богородицы, проходит через боль, живет болью, сама есть — одна сплошная врачующая боль, жертвенно переплавляющая в себе потоки лжи и ненависти в Любовь.

Всемирную, Вселенскую Любовь.

Только в этом Россия и видит смысл жизни, призвание и Спасение свое. И всего мира.

Потому и держится за Богородицу как дитя за Мать свою.

Потому и любит Её беззаветно. Надеется на Неё. Верит Ей.

Тысячу лет Русь Православная прибегает к Ней, Заступнице своей.

Каких скорбей Она не утоляла?

От каких бед не спасала?

Какие боли не утишала?

И Сама являлась и через иконы Свои источала бесчисленные спасительные чудеса.

Не только христиане, но и язычники, му-

сульмане знают о невыразимой словом Любви христианского мира к Заступнице своей. И когда Сама Царица Небесная встанет на защиту народа христианского, никто не пытается бороться с Ней, — бегут, оставляя оружие.

Так было всегда.

Во всем мире.

И в России особенно.

5. Заступничество Богородицы

«Одному афонскому монастырю, — читаем мы в Предисловии Е.Поселянина к четырехтомному изданию "Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Её земной жизни и посвященных Её имени чудотворных икон", — угрожали разбойники, и воля Божия была наказать иноков за нерадивую жизнь. Но одному из иноков, молящемуся перед иконой Богоматери, был Ее голос, предупреждающий об опасности. И Младенец Христос хотел заградить Своей ручкой уста Приснодевы, но Богоматерь со сладостной улыбкой отводила эту руку от Своих уст, — и обитель была спасена. Вот верный и трогательный символ этой чудной, продолжающейся в веках борьбы Божественного правосудия и ничем неистощимого, никогда еще непобежденного милосердия Пречистой Девы».

Господи, как же Ты нас любишь!

Какова же Милость Твоя к нам! Как же нам необходимо прислушиваться к Тебе, к слезам Богоматери.

1380 год. Куликовская битва. Заступничеством Божией Матери была одержана победа, положившая конец долговому игу над нашим Отечеством. «Враги рассказывают, что они видели над полем сражения некую сияющую дивным светом грозную Жену, Которая молилась за русское воинство, — читаем мы в статье "Грозная Жена над полем сражения" протоиерея Александра Шаргунова, посвященной недавнему празднованию 625-летия Куликовской битвы, в газете "Русь Державная". — И так было всегда в течение нашей истории. Во всех решающих событиях Божия Матерь заступалась за русский народ, за наше Отечество». По всем военным расчетам не должны мы были выиграть в этой битве. И меньшее число воинов с нашей стороны, и вооружены намного хуже татар, и расположение на поле невыигрышное. Но победа была нам дана, оплаченная с нашей стороны дорогой ценою. И гнали врага пятьдесят километров до Красивой Мечи и

*Икона Божьей Матери
«Тихвинская»*

*Икона Божьей Матери
«Смоленская»*

*Икона Божьей Матери
«Владимирская»*

*Икона Божьей Матери
«Казанская»*

*Икона Божьей Матери
«Иверская»*

рубил как капусту. 8 сентября (21-го по новому стилю), в день Рождества Богородицы, произошла эта битва.

1395 год. 15 лет спустя после Куликовской битвы. В пределы России входит страшный Тамерлан, которого боялись даже татары.

Великий князь Василий Димитриевич, остановившись с войском у Коломны, просил весь народ наложить на себя строжайший пост и просить заступничества Божией Матери. Велел перенести икону Божией Матери «Владимирскую» из Владимира в Москву. Девять дней Крестным ходом шла икона в Москву. На всем пути (180 км.) по обе стороны стоял народ и встречая икону Божией Матери на коленях со слезами просил: «Мать Божия! Спаси землю Русскую!»

И по молитвам народа Своего предстала Тамерлану во сне Заступница в лучезарном сиянии в окружении воинов Небесных и приказала ему покинуть пределы России. Молниеобразные воины двинулись на Тамерлана.

Устрашенный Тамерлан, проснувшись, тотчас созвал советников своих и спросил, что значит это страшное видение?

— Это Матерь Бога Христа, Заступница русских, — ответили они.

— Мы не одолеем их, — сказал Тамерлан и велел покинуть пределы России.

1451 год. Ногайский царевич Мазовша осадил Москву. Митрополит Иона с чудотворной иконой Божией Матери «Владимирская» крестным ходом обходит город по стенам под градом стрел. Враг бежит, ибо кажется надвигается на них неисчислимое войско.

1480 год. Ордынский хан Ахмат с огромными полчищами двинулся на Москву. Русские и татарские войска встретились на реке Угре. Никто первым не решался перейти реку. После усердных молитв русского войска и всего народа к Божией Матери на татар напал страх. И они, никем не гонимые, обратились в паническое бегство.

1521 год. К Москве подошел крымский хан Махмет-Гирей с несметным войском. Казалось, спасения нет. После молитв русских к своей Заступнице, татарам привиделось, что вокруг Москвы стоит громадное войско. Ханская разведка подтверждала это! Татары в панике бежали.

1612 год. Тяжкое время смуты. Междуцарствие.

Многими городами и Москвой овладели поляки. В Новгороде — шведы. В Астрахани стоит Самозванец.

По всей стране беспорядки, грабежи и убийства.

По зову истинных сынов отечества по городам и весям собираются ополчения. Прибывает под Москву и ополчение из Нижнего Новгорода, собранное Мининым и Пожарским с чудотворной иконой Божией Матери «Казанская».

Но препятствия, встреченные под Москвой, не могли преодолеть человеческие силы. Город был хорошо защищен и упорно обороняем. Кроме того, к Москве на помощь неприятелю подошло многочисленное польское войско. А между тем среди осаждающих не было единства и порядка. Не хватало пропитания, не доставало оружия. Наступила осень с непогодами, осаждающие теряли последнюю надежду.

«Прости, свобода Отечества, прости, Кремль священный! — Воскликнули они, — читаем мы в книге "Пресвятая Богородица. Чудотворные иконы и молитвы в житейских нуждах" (составление И.Панкеева). — Мы все сделали для освобождения вас; но, видно, Богу не угодно благословить наше оружие победою!» Решив предпринять последнюю попытку штурма и не надеясь на свои силы, войско три дня постилось и молилось пред Казанскою иконою. Пресвятая Богородица услышала молитву скорбящих и умолила Господа гнев обратить на милость.

В Кремле, в тяжком плену и болезни, томился архиепископ Арсений, прибывший в Москву из Греции. Однажды в полночь келия болящего осветилась Божественным светом, и он увидел пред собою Преподобного Сергия: «Арсений, — сказал Преподобный, — ваши и наши молитвы услышаны; предстательством Богоматери суд Божий об отечестве преложен на милость; завтра Москва будет в руках осаждающих и Россия спасена».

Радостная весть воодушевила войска, и 22-го октября (4 ноября по новому стилю), призвав на помощь Царицу Небесную, дружно пошли на приступ и был взят Китайгород. Через два дня взяли и Кремль. В следующий день, воскресенье 25-го октября, русское войско с Казанской иконою крестным ходом двинулось в Кремль. На лобном месте крестный ход встретил вышедший из Кремля архиепископ Арсений, который нес чудотворную икону Владимирскую, сохраненную им во время плена.

Изгнав поляков из Москвы, князь Пожарский, украсив святую икону Казанскую, поставил ее в приходской церкви Введения

Богородицы во храм, на Сретенской улице. Царь Михаил Феодорович установил празднество иконы Божией Матери «Казанская» два раза в году — в день обретения ее, 8 июля (21 июля по новому стилю) и в день спасения Москвы и русского государства от неприятеля — 22 октября (4 ноября по новому стилю).

В 1631 году Казанскую икону перенесли в церковь, в ее честь устроенную на Красной площади.

В 1648 году царь Алексей Михайлович установил день 22 октября (4 ноября по новому стилю) праздновать по всей России.

22 октября (4 ноября по новому стилю) — сегодняшний наш праздник — День народного единства.

1613 год. Смута одолена.

Но неймется врагам Святой Руси. Слишком лакомый кусочек уходит из-под носа. Шведы захватывают Тихвинский монастырь, но вытесненные оттуда, звереют. «В ярости на то, что монастырь одолел постоянное, обученное войско, шведский генерал, главнокомандующий Делагарди, решив жестоко отомстить, привел к Тихвину свои полки и приказал сравнять обитель с землей. Окрестные жители, возложив единственную надежду на заступничество Богоматери, сбегались в монастырь и заперлись там с монахами и ратниками», — читаем мы в уже цитированной книге И.Панкеева.

Шведы штурмуют монастырь.

Монахи с ратниками бьются с врагами на стенах. Старые иноки с народом в храме непрестанно молятся перед чудотворной иконой Божией Матери «Тихвинская».

Одной благочестивой женщине Марии является Сама Владычица и велит: «Объяви всем находящимся в обители, чтобы взяли Мою икону и обошли по стенам вокруг, и узрят милость Божию». Весть об этом явлении ободряет защитников. Икону с пением молебна обносят по стенам. Внезапно на шведов нападает страх и они бегут от обители. Но, раздраженные позором бегства, возвращаются с еще большей силою.

А в обители только одна помощь — Владычица. Какие горячие молитвы вознеслись к Ней! Богоматерь со святыми Варлаамом Хутынским и Зосимой Соловецким является в ночном видении послушнику Соловецкого монастыря Мартиниану, в то время находящемуся в обители, и говорит, что близ монастыря есть место нечистот греховных, оскорбляющее Её и что ради них осквернится ныне святое место Мое. Мартини-

ан рассказывает о явлении и немедленно устраняется дурное место, оскорбляющее Богоматерь. Новый приступ неприятеля отбивается. Мартиниану вновь является Богоматерь с теми же святыми и еще с Николаем Чудотворцем. Святитель Николай говорит: «Скажи воеводам и всем людям: Пречистая Богоматерь, общая Молебница о роде христианском, умолила Сына Своего, Христа Бога нашего, избавить вас от врагов, и вы узрите милость Божию и победу».

Еще два дня напряженного противостояния и шведы с позором уходят. Взятые в плен шведы рассказывают, что они видели, как в обитель вошло множество нового войска. Но желание искупления позора и жажда реванша заставляет шведов собрать новые силы, и через год посылаются новые войска разорить обитель, раскидать по камню храм Богоматери и рассечь икону. Получалось, что они вызывают на бой Саму Богородицу, и на Её священном Лике думают торжествовать свою месть. В монастыре было решено бежать с иконою в Москву, где уже царствовал Михаил Феодорович. Но икону вынести из монастыря не удастся, хотя неприятель еще далеко. И тогда иноки понимают, что Владычица сильна защитит икону Сама. Они решают умереть но не допустить к храму ни одного врага иначе, как через трупы всех защитников до последнего. Но не жертвы ждала Пречистая, а веры и надежды на Нее. В расстоянии полудневого хода от обители, за рекой Сясью, большое шведское войско было поражено новым чудом: им показалось, что многочисленное, сильно вооруженное войско со всех сторон спешно окружает их. Шведы бросились бежать, бросая оружие и давя друг друга. В монастыре тщетно ждали врага. И когда окрестные жители оповестили монахов о случившемся, никто не мог поверить. Но окрестность, усеянная на большом пространстве брошенным оружием и трупами неприятеля, смятый кустарник и поломанный молодой лес, говорили об ужасе и стремительности бегства врага.

То была последняя попытка шведов бороться с силою Царицы Небесной. Вскоре начались переговоры о мире.

1945 год, штурм Кениксберга...

(Нижеизложенные факты заступничества Богородицы в годы Великой Отечественной войны мы приводим по книге С. Фомина «Россия перед Вторым Пришествием», в свою очередь взятые из многих и многих других строго документированных источников. На сегодняшний день эти факты широко известны всему христианскому миру).

...Огромные потери с нашей стороны. Появляется командующий фронтом со множеством офицеров и священниками. Бойцы шутят: «Попов привезли помогать нам!..» Но командующий прерывает шутки, приказывает построиться. Священники служат молебен и идут во весь рост с иконою к передовой.

Со стороны немцев — сплошная стена огня. — Куда они идут? — удивляются бойцы. — Без оружия. На верную гибель.

И вдруг стрельба резко обрывается. Тогда и был дан сигнал к наступлению. Пошли на штурм войска с моря и суши.

Произошло невероятное: немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен.

Взять Кениксберг, зная его укрепления, без Божией помощи было невозможно.

Как в один голос потом рассказывали пленные — перед самым штурмом русских в небе появилась Мадонна (так они называли Богоматерь).

Она видна была всей немецкой армии. Оружие противника отказало в один миг — они не могли сделать ни одного выстрела. Немцы падали на колени, понимая, Кто помогает русским.

И на Волоколамском шоссе, и на Курской дуге видели воины Божию Матерь, указующую нашим войскам направление удара и отступление немцам. «Вера и любовь русских людей к Божией Матери были безграничны, — читаем мы в сборнике рассказов "Чудеса на дорогах войны", — а Она всегда явно покровительствовала им и благоволила к нашему земному отечеству».

Церковь благословила Великую Отечественную освободительную войну народа и благословение это было утверждено на Небесах. От Престола Всевышнего как и тогда в первой Отечественной, в 1812 году возгорелся дух России. И на Куликовскую битву, исчерпав все пути к примирению, был благословлен святой Димитрий Донской, преподобным Сергием Радонежским. И в Первую Смуту из заточения обращался святой патриарх Гермоген к народу своему: «Благословляю верных русских людей, поднимающихся на защиту веры, царя и Отечества». Всегда стояла Церковь за защиту Отечества своего земного — Святой Руси: «Люби врагов своих, — разъяснял святитель Филарет (Дроздов), митрополит московский, — бей врагов Отечества и ненавидь врагов Божиих!» Именно такую жертвенную любовь ждут и принимают от нас Небеса и помогают в подвиге верным своим.

Вот еще несколько фактов заступничества Богородицы в годы Великой Отечественной войны.

Перед самым началом Великой Отечественной (1941) одному старцу Валаамского монастыря было три видения во время службы в храме. Матерь Божия со святыми предстояла пред Господом и молила не оставить Россию в войне. Спаситель трижды ответил, что не оставит Россию.

В последнем видении старца Он сказал Своей земной Матери: «Я знаю, как Ты любишь Россию, и ради слов Твоих не оставлю её. Накажу, но сохраню».

А в самом начале Великой Отечественной войны митрополит гор Ливанских Илия (будущий Антиохийский Патриарх), зная, что значит Россия для мира, молил Божию Матерь открыть ему, что нужно сделать для спасения России. И Божия Матерь явилась великому молитвеннику и другу России и передала определение Божие для страны и народа российского.

Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет.

«Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, — сдавать нельзя. Пусть вынесут, — сказала Она, — чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на его святую землю. Это избранный город. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена».

Услышим же эти слова, переданные митрополитом Илией, запомним их: «Как она была спасена».

Владыка связался с представителем Русской Церкви, с советским правительством.

Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), местоблюстителя патриаршего престола Сергия (Страгородского) и обещал исполнить все, что передал митрополит Илия.

20000 храмов Русской Православной Церкви было открыто в то время. Вся Россия молилась! Весь народ. Военачальники. Даже Иосиф Сталин.

«С Богом!» — говорил перед боем маршал Жуков.

«Пресвятая Владычица, спаси нас», — молились солдаты.

«Господи! Прими с миром дух мой!» — кричали пилоты горящих самолетов.

Сегодня поговаривают, что факт явления Богородицы митрополиту Илии недостоверен. Ему приснилось.

Хорошо приснилось, если поверил Сталин, если восстала Церковь, если народ возвратился к Богу. Всем бы такие сны и исполнения их!

Чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, по преданию, была обнесена самолетом вокруг Москвы.

С Казанской иконой Божией Матери крестным ходом обошли Ленинград.

Сталинградская битва началась с молебна перед этой иконой. Перед ней шла непрерывная служба. Икону привозили в самые трудные критические участки фронта. Священство служило молебны, солдат кропили святой водой. И все эти факты, кроме христианского мира, до сегодняшнего дня мало кому известны.

В октябре 1947 года митрополит Илия по приглашению Сталина приехал в Россию. Затем еще дважды посещал нашу страну.

Он был принят на самом высоком уровне с самыми большими почестями, с великой любовью и открытыми сердцами Церковью, правительством, народом.

Много документов и этой встречи и других хранятся в государственных архивах нашей страны. Документальные кадры, письма, телеграммы митрополита Илии, посылаемые во время войны в Москву Сталину.

Сталин выполнил все обещания, данные митрополиту Илии, по поводу пророчеств.

Со дня основания государства Российского и сейчас не прекращаются чудеса от икон Божией Матери.

И сейчас Она Сама, как всегда, непрерывно молится перед Богом о России и всем мире.

И сейчас — видим мы — не менее (если не более) опасное время для России. Опять отступнический, апостасийный мир ополчился на Русь. Сатанеет враг. Полыхают пределы России... Опять извне и внутри страны восстают страшные силы зла. Опять на Руси забывается имя Бога нашего.

1989 год, 9 августа — явление Богородицы в городе Магадане со свитком в руках, на котором начертаны слова: «Спасение за прощением, прощение за покаянием». Это

зов Царицы Небесной к всенародному покаянию. Через 10 лет по явлению написана Её икона «Соборное покаяние».

1995 год. Буденновск.

Банда Басаева захватывает городскую больницу.

Прикрываясь детьми и беременными женщинами, распятыми в окнах, они пытаются диктовать свою волю России.

Оголтелые враги России называют бандитов защитниками прав человека.

Как потом назовут и подонков, захвативших школу в Беслане и трое суток издевавшихся над детьми и взрослыми мирными жителями.

Этот акт безумия, потрясший весь мир и заставивший плакать и молиться даже самые жесткие сердца, французская пресса, где сильна чеченская диаспора, называла оборонительными действиями, а бандитов — повстанцами.

Поистине нет предела человеческому лицемерию.

Повстанцами против кого?

Детей?

России?

Бога?

И если в этом (правильном!) смысле понимать их «восстание», а точнее, падение, то понятно — какие силы стоят за ними. Кто руководит ими. Кто выходит на Последний бой с Жизнью. Кто штурмует Небеса, перемалывая тела и души людские.

А нам не понимать этого — преступление.

Перед собой.

Перед страной.

Перед Богом.

Вся Россия ныне — Буденновск.

И если не очнемся, то в таких вот буденновских и погибнем.

Настоящее имя города — Святой Крест.

Название больницы — Свято-Крестовская, по месту, где раньше находился Свято-Крестовский монастырь.

Нам выбирать, в каких городах, какой стране жить. Исповедующей Бога или отвергающей Его. В Святой Руси, Святом Кресте или в ульяновских, буденновских и иже с ними.

В самый кульминационный момент штурма больницы, когда Земля взывала к Небесам, утром в воскресенье 18 июня 1995 года на небе многие очевидцы (в том числе и боевики) увидели Крест, как бы облачный и справа от Креста на воздухе — в скорбной позе Богородица в черных одеждах, молящаяся Сыну Своему о спасении страждущих.

Это засвидетельствовано, запротokolировано и записано в документах города и Ставропольско-Владикавказской епархии. Много об этом событии газетных материалов. Издана книжечка «Сказание о явлении Пресвятой Богородицы в г. Буденновске 18 июня 1995 года и написании иконы Её Свято-Крестовской».

По благословению митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона и написана эта Свято-Крестовская икона Божией Матери.

Молится о нас Богородица Сыну Своему, Богу нашему.

Молится ли Ему мир?

Молится ли Ему Русь в массе своей?

6. Где твоя вера, Русь?

Где твоя Вера, Русь?

Молитва, покаяние?..

Где они?

Или видя, не видим?

Слыша, не слышим?

Зная, не знаем?!

Страшным взрывом 1917 года взорвало Русь. Разрушило Божьи храмы.

Разбросало святые иконы по всему миру.

В том числе чудотворные иконы Божией Матери.

Многие из них погибли.

Что случилось с тобой, тысячелетняя Русь?!

Народ твой в большинстве своем отвернулся от Бога, Царя отдал на расстрел, сам в братоубийственном безумии, опьяненный, свалился под забором обескровленной погибающей страны.

Но и тогда не оставила Русь Богородица.

В день отречения (отречения ли?..) от престола Св. Царя Николая II Она в Коломенском явила Образ Свой – икону Божией Матери «Державная», тем самым давая знать, что берет на Себя все дело о заступничестве России.

Сама Владычица берет на Себя управление нами, как Царица, и Сама непосредственно возводит нас к Царю Небесному. Это прозревается, понимается, свидетельствуется уже многими, всерьез рассматривается вопрос о теократическом управлении Россией. То, что об этом уже говорится широко и открыто, достаточно представляет собой хотя бы материалы «Руси Державной», № 08(134), 2005, с. 1, 3 «Все решает Пречистая».

Да, все решает Она — Царица Небесная.

Предательство генералов, поправление ими присяги и клятвопреступничество, обман и принуждение Царя в подписании акта об отречении «во благо России» явилось на самом деле миллионными жертвами для народа нашего. Отрекся ли от нас Царь, взошедший на Крест с Семейю Своей ради России или мы отреклись от него и от Бога?

Где твоя Вера, Русь?

Где твоя Сила?

Где твоя Правда?

Только в Боге, — отвечает Русь устами верных своих.

В Божией Матери.

Во Святых Его.

И Вера.

И Сила.

И Правда.

И путь мой – через земное отечество к Отечеству Небесному.

«Блаженна на Земле отчизна, — говорит Святитель Московский Филарет, — которая доставляет своим гражданам средства достигать отечества небесного!»

Какой еще национальной идеи, кроме Православия, при котором все национальности с их вероисповеданиями уживались в стране, нужно для России?

Какого бога, кроме Бога искать для России?!

Какого иного пути, кроме Соборного во Христе нужно для Руси?

Каким еще обманом обманывать ее?

Только в Боге Спасение наше, Свобода и Истина.

«Мы спасаемся только истиною — светом, в котором нет никакой тьмы. Если бы Церковь когда-нибудь поколебалась в исповедании истины, то никому не нужно было бы закрывать храмы и разрушать их. Не нужно было бы нам их снова восстанавливать. Это не имело бы никакого значения, если бы мы не знали, что только в Православии есть истина, свет и жизнь», — пишет уже цитируемый выше протоиерей Александр Шаргунов в статье «Все зависит от Церкви» в журнале «Русский дом» № 6 за 2005 год, в журнале для тех, кто любит Россию, как указано в подзаголовке его.

А для тех, кто не любит ее, есть бесчисленное множество по всему миру внешне ярких, но жалких духовно печатных изданий, имя их — легион.

В них хулится Россия, ругается имя Бога нашего, сквернится православный человек.

Для чего?

Для того, чтобы в глобальном масштабе насадить в мире идеалы общества потребления, истребить в сердцах жертвенную любовь к ближнему своему, погубить человека как образ Божий.

Потому и нападки на Русь, что она одна, в принципе, на сегодняшний день и сдерживает тьму; как всегда, в трудные моменты, обращается к Богу, поднимается с колен, противостоит безумию.

В этом весь смысл нападков на Русь, на Православие.

Весь смысл происходящего.

«Весь смысл нынешней эпохи – в стремлении сил беззакония уничтожить Православие, хотя бы ослабить его на первых порах, низвести до уровня малой этнической религии, а после и вовсе искоренить вкупе с русским народом. Все остальное, творящееся в мире, – лишь исторический антураж, нередко отвлекающий от сути», — пишет Михаил Дунаев в статье «Еще раз о русской национальной идее» в журнале «Всерусский соборъ» № 2(4) 2003 года. Еще одно издание в России, ратующее за возрождение Святой Руси, ополчающееся на тьму мира сего.

А пока мы живем в нерусском государстве.

Страшнее Первой Смуты — Вторая, нынешняя. Мы раздавлены обломками безбожного государства, пожравшего миллионы сограждан наших и ныне пожирающего нас по полтора миллиона в год. Нас удушают всяческими нововведениями в государственном масштабе, всяческими реформами на иностранный манер. Но мы как духовно исторический тип измениться не можем. Мы можем только умереть под эти нововведения, что и происходит сейчас и что на руку врагам народа нашего, врагам России, Православия, Бога. А жить мы можем, как народ и государство, только Богом и, следовательно, «приведением законодательства в полное соответствие с христианской нравственностью» / Тростников В. Н. «Наше прекрасное начало» // Русский Дом. — 2005. — № 6 /.

Так чего же мы ждем?

На что надеемся?

Или боимся?

Кого?

Мира?

Но ведь нам, если мы христиане, сказал Сам Господь: «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16,33).

Кого нам бояться, если Бог с нами?

И Богородица.

Если мы живем в согласии с Ними, мы уже наполовину во времени, наполовину в вечности. Мы уже восходим в Царство Небесное. «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк.12,32).

Если мы с Богом.

А бояться нам надо только оступничества от Него.

«Весь мир живет во времени, Россия в вечности. Россия — дом Пресвятой Богородицы. Разве даст в обиду Свой дом Матерь Божия», — говорит Владимир Крупин в уже упоминаемом нами журнале «Всерусский соборъ» № 2(4) 2003 г.

Только молитвами Заступницы нашей Богородицы и святых наших осилим этот путь.

Иначе — смерть, началом смерти всего мира.

Но возрождается Россия милостью Божией.

Возрождается молитвами всех святых ее.

Жертвами воинов.

Трудом заботящихся о ней

Украшается Земля наша храмами.

Возвращаются Святые иконы.

В том числе столь милые сердцу иконы Богородицы.

В августе 2004 года, на празднование Успения Богородицы, вернулась икона Казанской Божией Матери — хранительницы восточных рубежей России. Чуть ранее — чудотворный образ Божией Матери «Тихвинская» — хранительницы северо-западных рубежей.

Как их встречали!

И в Москве.

И в Тихвине.

И по всей России.

Кто видел, кто читал, кто интересуется, тот знает, — народ в храмах и на Красной Площади во главе с Патриархом на коленях молился возвращению их. Вся верующая Россия молилась.

Западные же рубежи хранит икона Божией Матери «Смоленская».

Южные рубежи — икона Божией Матери «Иверская».

Кавказ нынче кровоточит как рана на лице Богородицы.

Но восстановился над Россией Крест Богородичных икон.

В центре Креста — сияет икона Божией Матери «Владимирская», спасительница Москвы — сердца Православия, России. Сегодня она, слава Богу, в действующем храме Николы в Толмочах при Третьяковской галерее.

А по четыре стороны от Владимирской иконы — Тихвинская, Казанская, Иверская, Смоленская.

Сияет Божия благодать и Милость Владычицы нашей над нами, возрождается Русь, тянется к Богу и Молитвеннице своей Богородице, врачует забытой уже было Любовью, исполняется Верою, открывается Небесам. И опять горячие слезы и молитвенные благодарения воссылаются Матери Божией, Владычице нашей Милостивой.

От избытка сердца умилительно именует православный народ Божию Матерь и Ее иконы самыми дорогими именами: Благодатное Небо, Неувядаемый Цвет, Мати Дево, Блаженное Чрево, Млекопитательница, Скоропослушница, Живоносный Источник, Целительница, Скорбящих Радость, Милующая, Споручница грешных, Умягчение злых сердец, Взыскание погибших, Стена Нерушимая, Ключ Разумения, Знамение, Умиление, Радость Ангелов, Звезда Пресветлая, Всеблаженная, Всецарица.

7. Не уйдем от Креста

Но до сих пор оружие в душах многих людей проходит сердце Богородицы!

До сих пор не только не верят в Нее, но сознательно сквернят.

До сих пор рубят святые иконы. «В 1998 году во время праздника Введение во храм Пресвятой Богородицы "художник" армянин Авдей Тер-Оганян на глазах у публики на выставке современного искусства в Манеже изрубил топором около 10 икон. "Художник" получил то, что заслужил — пощечины от возмущенных посетителей, но остался при своем «мнении» / Новохатский С. Н. И один в поле воин // Русский Дом. — 2003. — №7 /.

Топором рубят иконы с Ликом Богородицы в центре страны нашей — Москве.

Не защитим?

Уйдем от Креста?

Бросим свою Путеводительницу?

Где мы тогда окажемся?!

Пострашнее Первой Смуты и продолжительнее оказалась нынешняя, Вторая. Тогда, в Первую, один из поляков-интервентов поднял руку на осквернение Иконы Божией Матери и сам был предан смерти своими же, устранными его поступком, сородичами.

А ныне?

Святое хуляется.

Жизнь отнимается.

А мы — молчим?

Сопредседатель межрегионального общественного движения «Народный Собор» О.Ю.Кассин рассказывает: «В 2007 году в музее и культурном центре имени Сахарова, более известном, как "Сахаровский центр", проходила выставка "Запретное искусство — 2006". Наше возмущение вызвали и картины с нецензурными надписями, а так же, различные, оскорбляющие христиан, изображения — распятие, на котором вместо головы Христа — орден Ленина и другие. По данному факту мною и еще рядом представителей православной общности было направлено в прокуратуру заявление с требованием возбуждения уголовного дела. После тщательной проверки и заключения экспертизы дело было возбуждено по статье 282 УК РФ — возбуждение религиозной вражды. Обвиняемыми по нему сейчас проходят директор "Сахаровского центра" Юрий Самодуров и куратор выставки от "Тертьяковки" Андрей Ерофеев. Кстати, Самодуров уже не первый раз привлекается по этой статье. Он уже судим ранее за организацию подобного рода провокационной выставки. Отделался тогда наказанием в виде штрафа 100 тысяч рублей. Сейчас у него рецидив. Так что наказание, соответственно, должно быть посерьезней. Кроме того, Самодуров подал в отставку с должности директора "Сахаровского центра". Уволен и куратор этих выставок от Тертьяковской галереи Ерофеев» / Народный Собор действует // Русь державная. — 2009. — № 7 — 8. — С. 6 /.

Они сделали свое дело на этом отрезке времени. Кто займет их места?

А ведь 100 тысяч рублей у каждого провокатора в кармане не лежат. Откуда они берутся? Понятно, что это хорошо и богато организованные антирусские, антиправославные, антиобщественные движения. И самодуровым нечего бояться — их всегда защитят, их гнусные дела оплатят. Правда, только здесь, на Земле. А как они перед Богом будут откупаться? Чем? Уже проданной дьяволу душой?

Кризис.

Кризис духа.

Кризис веры.

Кризис света.

Только тот, кто способен чувствовать не только свою боль, но и чужую, встает на защиту ближних своих, Отечества, Веры.

Только тот, кому оружие при страданиях близких проходит душу, как Самой Богородице у Креста, — воин Христов.

Только тот надежен для отечества своего
земного и Царствия Небесного, кто душу
свою полагает за други своя.

Восстановлен Крест Богородичных икон
над Россией.

Молится Богородица о нас.

Защищает.

Спасает.

Но для Спасения нашего важно не только,
чтобы Бог и Пресвятая Богородица были с
нами, но чтобы и мы были с Ними.

Мы не должны уходить от Креста.

Крест – сила Господня.

Это знают наши враги.

И потому не стесняются (так как счи-
тают нас слабыми) плевать нам в глаза,
сквернить святыни наши, требовать сня-
тия Крестной символики даже с герба
России.

Им Крест — Смерть.

Но нам Крест — Жизнь.

Нам ли бежать Креста?

Мы должны в подвиге восходить на Крест,
защищая веру нашу Православную, Русь
нашу Святую, жизнь на Земле удерживать.

Иначе, как мы предстанем пред Богом без
отечества своего, Святой Руси?

Что скажем Ему в оправдание свое?

Где будет наше место?

Только с врагами Божиими, врагами наши-
ми, во тьме кромешной.

Пресвятая Богородица, спаси нас!

Излечи Своим пронзенным сердцем прон-
зенное слабое сердце наше.

Недуги наши.

Язвы наши.

Души наши.

Пресвятая Владычица, Всеблагая, Царица
Небесная, спаси нас!

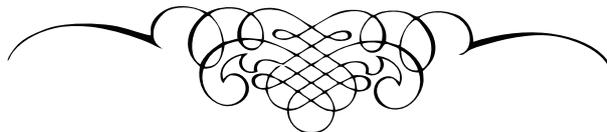
Россия под Знаком Креста.

Она и стоит на Камне Веры — Христе.

И над Россией — Крест.

Крест Божий.

И Крест Богородичных икон.

Галина Писаревская

Писаревская Галина Николаевна — член Союза художников России, автор многочисленных персональных и коллективных выставок. Преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств, автор трех педагогических программ. Кроме того, занимается с детьми дошкольного и школьного возраста. Живет в Кемерове.

Свойства души художника Коробейникова

«Творчество есть свойство души художника, самое яркое, самое чистое в человеке, которому есть что рассказать и передать миру в своих произведениях».

В.В. Кандинский

Творчество не случайное явление в жизни художника Василия Николаевича Коробейникова. Он вырос в семье мужественных сильных личностей. Из пятерых детей двое — художники — Николай Николаевич и Василий Николаевич. Они унаследовали от деда и отца желание творить красоту. В год 65-летия Великой Победы не грех вспомнить деда Василия Николаевича Коробейникова, добровольца, служившего на Ленинградском фронте командиром взвода истребителей танков. Имел награды: орден «Красной звезды», медаль «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенинсберга». Был ранен, вернулся в Кузбасс, в город Тайгу, где прожил всю жизнь. И не удивительно, что после войны стал руководителем оркестра народных инструментов, потому что прошел войну до Кенинсберга с двумя орудиями в руках, как сам потом говорил: «Это противотанковая техника и любимая балалайка». В перерывах между боями звучала музыка его легендарной балалайки, которая тревожила и умиляла звуками плясовых, частушек и задушевных довоенных песен.

Отец Василия Николаевича, Николай Васильевич, всю жизнь проработал в вагонном депо станции Тайга слесарем, и чтобы прокормить семью, на второй работе был художником в клубе им. В. И. Ленина. В свободное время любимым занятием было конструирование моделей кораблей.

В такой творческой семье росли и духовно развитые дети. Их мать, которая проработала 30 лет в школе рабочей молодежи, была главным критиком творческих работ сыновей. Она обладала природным чувством красоты — из любых цветов могла сочинить

великолепный букет. Поэтому у Василия Николаевича много работ посвященных любимой маме.

В каталоге персональной выставки в городе Новосибирске четыре портрета, и каждый по особому раскрывает все грани теплоты материнского сердца, ее душу и красоту. Любимый теплый золотистый колорит (замечено во всех портретных образах), подчеркивается всполохами голубых небесных цветов, что усиливает цвет ярких синих глаз, добрых и нежных. В другом портрете синий с фиолетовым оттенком создает философию спокойного вдумчивого состояния уверенного в жизни человека. Третий портрет выполнен в лучших традициях классической живописи, состояния легкой тревоги, напряжения, ожидания чего-то нового в жизни ее детей. В четвертом портрете мама всегда рядом, даже тогда, когда сын с кистью в руках перед новым произведением. Робкая, осторожная, боящаяся потревожить творческий процесс сына, не испугнуть его, очарованного будущим произведением.

Красной строкой в творчестве художника проходят женские образы и детские портреты. В них теплота отношений, точность, лаконичность и острота характеристик от лепки цветом до изысканности линий, от живописного до условно декоративного локального цветового строя. Работы несут в себе знак светлого идеала.

Это портреты: «Леночка» х. м. 2002 г., «Сирень цветет» х. м. 2002 г., «Цветы» х. м. 2003 г., «Леночка и гипс» х. м. 2003 г., «Весны рождение» х. м. 2004 г., «Любаша» х. м. 2005 г., «Влада» х. м. 2006 г., «Ах Ренуар!» х. м. 2006 г.

Образы друзей, братьев, шахтеров и просто интерьеров: «Лик» х. м. 2001 г., «Утренняя трансформация» х. м. 2006 г., «Белый квадрат» 2009 г.

Затем встречи друзей художников: «Деревня из детства», «Дебют», «Творчество» х. м. 2006 г., «Стул от Вадима» х. м. 2006 г.,

Натюрморты. В них самое главное — пространство и цветовая среда. В сюжетных композициях она обволакивает, окутывает фигуры. Их очертания порой едва нащупываются, но позволяют безошибочно угадать за пластическим сюжетом отзвук сюжета реального. Что-то произошло между персонажами, и след прошедшего читается в энергии или усталости линий и вспышках цвета. Переходящее эмоциональное состояние делается вечным, длительным. В случайном течении бытия поэтизирует некая тайна, от-

крывается красота, имеющая отношение к событию и участникам.

Художник В.В. Кандинский в VII теории о живописи говорил: «Полным тайны загадочности мистическим образом из художника возникает творение, освобожденное от него, оно получает самостоятельную жизнь, делается личностью, независимо духовно дышащим субъектом, который ведет материально-реальную жизнь, который есть существо».

Художник вовсе не какой-то особенный баловень судьбы. У него нет права жить без обязанностей, его работа трудна и часто становится его крестом. Он должен знать, что каждый его поступок, каждое чувство, мысль образуют неосознанный тончайший материал, из которого возникают его творения и что он, если и свободен то, не в жизни, а только в искусстве.

В автопортрете Василия Николаевича Коробейникова «Мой крест» х. м. 2004 г. крупным планом с пронизательным взглядом сам автор, за его спиной — мольберт на фоне светлого окна с яркими золотисто-желтыми шторами. Весь момент наполнен противопоставлением силуэта темного креста свету.

В автопортрете «Зеркало» х. м. 2005 г. есть яркий психологический образ художника. Он как будто задает себе вопрос и в тоже время утверждает о своем бытии: «Я здесь, но кто я?» Этот вопрос мучителен для всех творческих людей. С одной стороны, это эмоциональное восприятие окружающего мира, тяга к конкретности художественного воплощения жизненных явлений; с другой — это строгий рационализм, конструктивность мышления, условность самовыражения. Утверждать, что авторский стиль уже окончательно сложился, было бы преувеличением.

Художник Василий Николаевич проявляет интерес к разным традициям и направлениям в искусстве. Его художественная поэтика соединяется с многослойным опытом современного искусства, как российского, так и зарубежного. Очевидно, именно эта черта, гибкость творческого характера, потребность в варьировании изобразительного языка, расширении его возможностей для обновления манеры исполнения позволяют художнику сталкивать один метод работы с другим, от чего-то отказаться, что-то приобрести, постоянно пробовать искать, создавать.

Вот такой яркий художник-труженик пришел в наш Кузбасский университет культуры и искусств в 2006 году преподавателем специальных дисциплин, а с 2008 года

стал заведующим кафедрой Декоративно-прикладного искусства. Выбор был верным и одобрен всем коллективом преподавателей кафедры.

Василий Николаевич родился в Кузбассе в городе Тайга в 1956 году. Окончил художественное училище в городе Кемерово. Был призван в армию, не закончив учебу. Служил в Кремлевском полку стрелком и художником. После армии вернулся в Кемерово, в 1979 году закончил училище. Годы службы в армии изменили взгляд на жизнь. Сам он говорит так: «Стал иначе видеть, понимать, чувствовать, оценивать. А во время учебы в высшем художественном вузе в городе Владивостоке был более ответственным, и армейские темы присутствовали в тематических композициях».

В 1986 году окончил Дальневосточный педагогический институт искусств. С дипломом художника Василий Николаевич вернулся в родной Кузбасс, преподавал в художественном училище. Участвовал в областных, региональных и всесоюзных выставках. Имеет дипломы, награды. В 2009 году открылась с большим успехом его персональная передвижная выставка по городам Кузбасса.

***

Далее, для более полного раскрытия темы, хочется привести несколько фрагментов из интервью Василия Николаевича одной из кузбасских газет.

— Как вы понимаете феномен музыки? Насколько она важна в жизни художника?

— Чрезвычайно! Муза вдохновляет настолько, что художники творят невероятные вещи. Одним из ярких примеров могут быть Сальвадор Дали и его Гала, но я хочу сказать ещё и о том, что музой может быть не только красивая, интересная женщина. Лично я вдохновенно тружусь, забывая о еде и сне, если пишу картины природы или лицо матери, или имею счастье писать иконы, или расписывать стены церкви.

— Василий Николаевич, что значит для вас иконопись? Как вы пришли к этой работе?

— Думаю, что для любого художника иконопись — это веха в жизни, время, которое он вспоминает потом всю жизнь, это Божья благодать, это соприкосновение с чудом, это взлет вдохновения, это ни с чем несравнимое счастье и огромная ответственность. Хотя я

человек верующий, иконопись вошла в мое творчество сравнительно недавно. Уверен, что к такой работе надо подходить в зрелом возрасте, когда художник готов не только профессионально, но и духовно. Горжусь тем, что одно из центральных мест в нынешней выставке занимает портрет епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха.

— Некоторые из ваших картин производят впечатление «недоработанных». Почему?

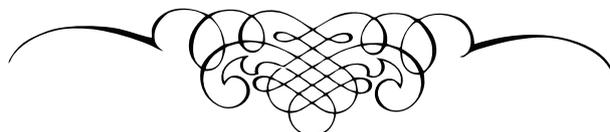
— Это такой прием, в нем я нахожу две составляющие. С одной стороны, я оставляю некоторые работы как бы «недоработанными», потому что когда на полотне изложено самое главное, проработка деталей уже не так важна. А вторая цель — привлечь внимание зрителей, чтобы они пристальнее вглядывались в полотно: ведь в мнимом «несовершенстве», в его глубине есть поле для полета собственной фантазии.

— Николай Васильевич, как и чем живет художник Коробейников?

— Я преподаю, у меня много учеников. Очень рад, что среди них много настоящего одаренных ребят. Мы вместе выставляем свои работы. В настоящее время с бригадой художников расписываю церковь, хочу оставить память о себе для людей. В моем активе участие в четырех всероссийских выставках, в одной международной, несколько персональных. Вообще, художник Коробейников живет творчеством. Больше всего мне нравится творчество художников Коровина, Шагала, Серова. Причем в зависимости от настроения то одного люблю больше других, то другого. Вообще, я чувствую, что мое творчество переживает ломку. Какое оно примет направление, еще не могу сказать точно, время покажет. В целом, все, кроме живописи, — для меня работа, любимая или нелюбимая — это отдельный вопрос, от нее я могу уставать. А вот живопись — это мой отдых, моя радость, мои огорчения, моё настоящее и будущее.

***

Эти ответы подчеркивают сущность художника как человека глубокого, нравственного, уважающего студентов, коллег и своих учителей. Почтение старших естественное состояние для художника-педагога. Только тот, кто глубоко понимает и высоко ценит предшественников, может воспитывать талантливый последователей.

Любовь Рудич

Рудич Любовь Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации. В 1962 году закончила Харьковский библиотечный институт по специальности «Библиотечное дело и библиография». В 1974 году начала работу в Кемеровском государственном институте культуры, возглавила кафедру библиотечного дела и библиографии, а с 1980 года стала руководить впервые созданной среди вузов культуры Сибири кафедрой управления и экономики культурно-просветительской работы (1980–2001). Л. И. Рудич ведет большую работу в системе повышения квалификации специалистов культуры и образования в Кузбассе, Красноярском крае, Томской и Омской областях, республике Хакасия. Она является автором и соавтором восьми учебных пособий, три из которых имеют гриф Министерства культуры РФ, рекомендованы для вузов культуры и искусств страны. Живет в Кемерове.

Война глазами РЕБЕНКА

Я родилась 5 апреля 1939 года в небольшой слободе Купянского уезда Харьковской области, на Украине. В настоящее время это районный центр Сватовского района Луганской области. Как утверждалось историками, это был самый благополучный год в развитии СССР. Я быстро развивалась и в 9 месяцев уже ходила. Но в возрасте 9–10 месяцев заболела воспалением легких, которое перешло в плеврит. Врачи спасли меня, но все, что я к тому времени могла, было утеряно, и восстанавливать пришлось медленно и долго.

Война пришла в нашу семью военным призывом родных в действующую армию. Ушли на фронт мамины братья Андрей и Илья Гапичи. От старшего из них, Андрея, семья получила всего 2 письма и извещение о том, что он пропал без вести. Вернуться домой суждено было только отцу, получившему контузию на фронте. На фронт также призвали мужа папиной сестры Анны Дмитрия Винокура. Он вернулся с войны со многими наградами, воевал в коннице генерала Доватора, дошел до Австрии.

Какие воспоминания остались со времен войны в памяти 3-х — 5-летней девочки? Они, конечно, отрывистые, неполные. Помню приход оккупантов. Это были румыны в темных одеждах, скорее, летнего времени. Мы с бабушкой сидим в полутемной хате. Сквозь закрытые ставни окон просвечивают лучи солнца. Как вошли непрошеные гости, не помню. Помню, что мне стало страшно, когда один из них подошел к бабушкиному сундуку, прикладом отбил висячий замок и штыком стал рыться в том, что там было. Помню, что бабушка потом объяснила мне, что все ценное из одежды они с мамой закопали в яме в огороде.

Далее помню, как они спали на полу в большой комнате, даже шинели не были сняты. Только настелена солома. Это были итальянцы. Они были не очень сыты, как считали наши родители, так как на речке, которая протекала в конце нашего огорода, ловили лягушек и заставляли маму их варить. Маме тогда было всего 24 года, она храбро ответила одному из них: «Вари сам!»

Мама рассказывала, как они требовали какое-то «оли», и что бы она им ни предлагала в качестве масла, итальянцы сердились, даже угрожали ей пистолетом, требуя это «оли». Она не знала что «чипполи» по-итальянски лук.

В это время ночью в нашем доме обосновался немецкий штаб. Всю ночь мы не спали, так как два офицера пили бутылку шнапса, похожую на бутылку шампанского. У них на столе стояла большая круглая банка размером с термос. В ней, как я видела, лежали куски сахара. Я, видимо, так пристально на них смотрела, что один из немцев, взглянув на меня, протянул мне кусочек сахара. Но я не взяла, мне было страшно, я их боялась. Кроме того, мне хотелось не сахара почему-то, а лоскут красивой, розовой шелковой ткани, которой закрывалась эта банка. Но сказать об этом я не посмела.

Хорошо помню бомбежку. В нашей хате уже не было ни немцев, ни итальянцев. Мы снова с бабушкой одни, и только слышны страшные разрывы артиллерийских снарядов. Когда кончился артобстрел, кто-то из соседей сказал, что в хату тетки Василины прямо в середину дома попал снаряд. К счастью, они сидели в погребе, поэтому все остались живы. После этого и мы во время бомбежки и артобстрела с той и другой стороны стали прятаться в погреб. Помню, как мы, дети, сидели на бочках с капустой и огурцами. Конечно, нам было скучно, и мы стали баловаться, и, чтобы нас утихомирить, нам дали есть огурцы.

Затем наступило солнечное утро. Мы выходим из погреба, а около него стоит молодой офицер, красивый, с португезами и говорит нам, что немцы из города выбиты. Вновь в нашей хате был организован штаб, только на этот раз наш, советский. За столом сидел радист и кричал в трубку: «Я вишня, я вишня». А я спрашиваю у родителей: «Почему он говорит, что он вишня?» Ответ я не помню. Но помню, что над кроватью, где я сидела, на стене висел ручной пулемет с полной обоймой патронов.

Еще при немцах вернулся из окружения папа, тяжело больной, воспаление легких перешло у него в туберкулез. Из его правой руки свисали клочья мяса, а мама все время промывала ее марганцовкой. Больше ничего не помню.

После того, как выгнали немцев, началась для нас послевоенная жизнь. Война еще шла, но казалась она далекой, хотя ее присутствие постоянно ощущалось. Так, маме постоянно, каждый день привозили огромную кучу солдатского белья в крови, марлю, окровавленные бинты. Давали мыло и хлорку, надо было стирать, так как всего не хватало бойцам.

Мы с моим троюродным братом, который жил в соседнем доме, знали все марки отечественных самолетов, узнавали их по гулу моторов. Мы хорошо разбирались во всех марках военных машин и орудий, так как они всегда проезжали мимо нашего дома. Дорога шла с крутой горы, но им все было нипочем. Неслись они с большой скоростью. Однажды мы придумали такую игру: кто сколько раз успеет перебежать дорогу, пока машины, мотоциклетка или пушка с тягачом доедут до нашего дома. В один момент я успела перебежать, а мой брат попал под колеса мотоциклетки. Отделался он, к счастью, сотрясением, а меня наказали розгами, чтобы помнила, что так делать нельзя.

Война уходила все дальше, но легче от этого не было. Так, однажды мальчишки постарше, примерно 10—12 лет, человек шесть, собрались и пошли на гору, наше любимое место для игр, и решили взорвать мину или гранату. Точно не знаю, что это было. На горе их было великое множество. Они выбрали один из одиночных окопов, заложили туда снаряд, подожгли его, а сами попрятались в соседние одиночные окопы и стали ждать. Снаряд не взрывался, и когда они решили, что он уже не взорвется, то поднялись раздался взрыв. Одного разорвало в клочья, двум оторвало пальцы на руках, остальные отделались испугом. Потом были похороны.

Для моих сверстников и тех, кто постарше, игрушками часто были гранаты, снаряды, мины, а уж патронов было великое множество. Никаких других игрушек в то время не было. Даже тряпичную куклу смастерить родителям было не из чего. А собрать меня в первый класс тогда оказалось целой проблемой. Мне сшили ситцевое платьице с крылышками и тряпичную сумку для тетрадей и букваря. Так я пошла в первый класс в 1946 году. Заканчивая свои воспоминания, скажу только одно: все мы вышли из детства. По большому счету современное семейное воспитание сводится к тому, чтобы одеть, накормить, вовремя отправить ребенка в школу. Мое поколение – это дети войны. Но несмотря на это лихое время, несмотря на тяжелое испытание, выпавшее на судьбу целой страны, моя семья дала мне многое, а самое главное – сформировала мой духовный мир, привила мне общечеловеческие нравственные ценности, благодаря стихам Пушкина, Лермонтова, Некрасова, народным украинским песням, молитвам. Все вместе – это то, что меня формировало до 14 лет, и это тот багаж, который я несу с собой на протяжении всей моей жизни.

Валерий Фоминский

Фоминский Валерий Иванович родился в 1950 году. Окончил Кемеровский государственный институт культуры. Работал в творческой студии «Панорама» Союза журналистов СССР, газетах «Кузнецкий край», «Кемерово». Известный в Кузбассе фотомастер. Автор персональных и коллективных выставок. Член Союза журналистов России. Сотрудничает с многими СМИ. Живет в Кемерове.

ЦВЕТОВАЯ ГАММА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Черно-белая фотография – особая, сложная и огромная глава отечественной и мировой фотографии. Не будучи в этой сфере профессионалом, не стану пускаться в длительные рассуждения, но некоторыми мыслями поделиться рискну. Мне кажется, что порой лаконичный язык черно-белой фотографии бывает более емким, чем многословная речь цветных фото. Хотя, конечно, сегодняшнее время и пространство трудно представить себе не отраженным в цветной фотографии. Но в тоже время мне нетрудно представить сегодняшний день отраженным черно-белой фотографией. И недаром сегодня многие мастера, изрядно поработав в цвете, делают великолепные черно-белые снимки.

В детстве у меня был фотоаппарат. Я знаю, что такое фотопленка, фотобачок, проявитель, закрепитель, фотобумага, фотоувеличитель и т. д. Я не стал фотографом, но до сих пор сохранил убеждение, что черно-белой фотографией можно передать всю цветовую гамму действительности. Даже цвета радуги можно увидеть на черно-белой фотографии. Если, конечно, приглядеться повнимательнее.

И неслучайно наша новая рубрика названа «Черно-белая радуга». Публиковаться в ней будут черно-белые фотографии, в которых можно увидеть всю сложнейшую радугу жизни. При этом прошу не ассоциировать слово «радуга» с детской книжкой для раскраски: жизнь и отражающая ее черно-белая радуга намного сложнее.

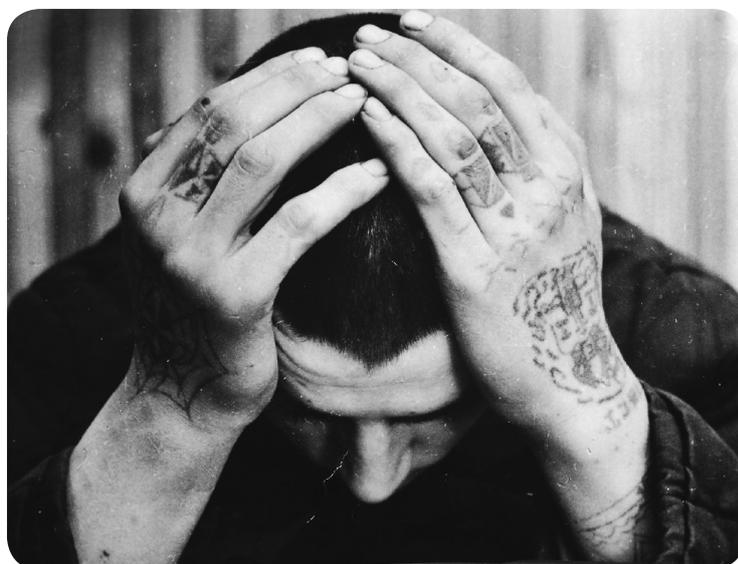
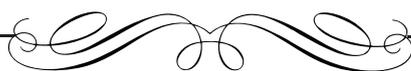
Первый, к чьему творчеству приглашаю приглядеться, Валерий Фоминский, выпускник нашего вуза. Сегодня Валерий известный в Кузбассе фотожурналист. Недавно ему исполнилось 60 лет. В Кемеровском музее изобразительного искусства состоялась юбилейная выставка работ фотомастера. Были там представлены и черно-белые фотографии. Часть из них в этом номере открывает рубрику «Черно-белая радуга».

*Иосиф Куралов,
главный редактор журнала
«Университет Культуры»*

Митинг на Коксохиме

*Зимняя тайга**Из жизни зоны*

Летом на речке

Весовой контроль

Сельская свадьба

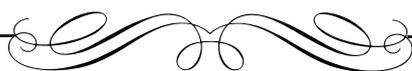

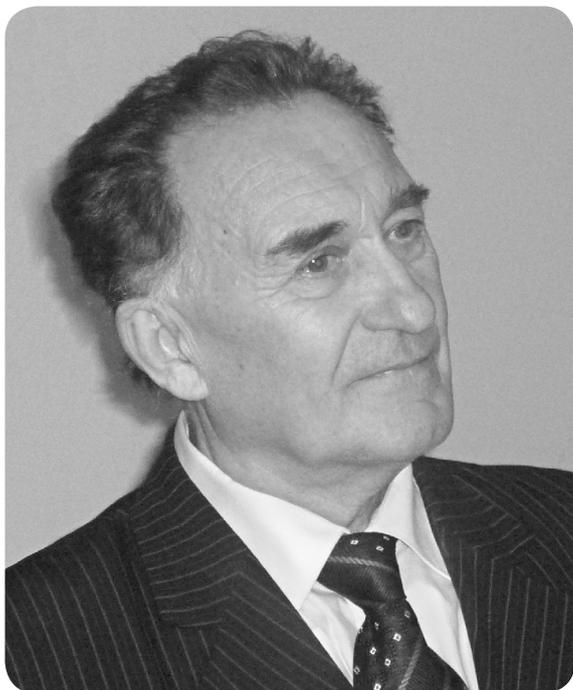
*Веселая
бригада*

На качелях

Анатолий Мошонько

Мошонько Анатолий Павлович родился в 1939 году. В 1968 году окончил факультет народных инструментов Новосибирской консерватории им. Глинки, а в 1979-м – оперно-симфонический факультет в классе Народного артиста СССР Арнольда Каца. Приглашен в Кемеровский институт культуры на должность заведующего кафедрой духовых и эстрадных оркестров в 1979 году. Автор множества публикаций, монографий по музыкальной культуре региона («Самовоспитание вкуса» (1992), «Кузбасс музыкальный» (1996), «Музыкальный театр Кузбасса» (2000)), учебных пособий «Методика репетиционного процесса» (1996), «Методика работы с эстрадным оркестром» (2002), получивших гриф Министерства культуры РФ, сборника песен и хоров «Струны сами говорят», сборника аранжировок и переложений «Осенний сон». Лауреат премии «Молодость Кузбасса» (1978), лауреат международного фестиваля им. И.И. Маланина (1999). Кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор. Живет в Кемерове.

Джазовый шаман из Абакана

Страницы истории Сибирского джаза

Джаз — это ощущение бесконечности и драматической непознаваемости мира, дарованное нам в звуках. Но если опуститься на землю, то картина станет гораздо проще. Конечно, позавчерашний день джаза не менее интересен, чем сегодняшний. Симптом же нашего времени, явно обозначившийся в конце 20-го века и последующие годы, — это свобода выбора. Свобода выбора того, что ты будешь делать на сцене. Свобода выбора той музыки, которая больше всего соотносится с твоим сознанием и подсознанием.

Свой выбор в 80-е годы сделал и яркий представитель новой джазовой волны, единственный лидер абаканского джазового движения Александр Иванович Куц, который творил то, к чему был, по-видимому, изначально предназначен. Он пробовал себя в новой музыкальной стихии, вводил в пейзаж звучания необычные для джазовых инструментов, нелогичные, на первый взгляд, аккорды, использовал нетемперированную звуковую палитру. В некоторых композициях наряду с ярко выраженной мелодической линией невозможно было услышать общепринятой гармонии, ритма, открытой музыкальной формы. В сущности, впервые в Абакане пробовали играть спонтанную музыку, уходя от «квадратного» членения пьесы на отдельные структуры.

Будущий музыкант родился в 1948 году в семье офицера пограничника Ивана Григорьевича Куца, когда Россия залечивала военные раны. И куда бы ни забрасывали пограничные тропы семью: на Памир или Камчатку, в Эстонию или на Украину, в город Артемовск, в доме всегда звучала музыка. Мать Саши — выпускница дирижерско-хорового отделения Полтавского музучилища Галина Андреевна, за отсутствием других учеников на заставе, обучала музыке своих сыновей. Александру было поручено освоить и укротить баян, но сам инструмент не вызывал в нем особой любви. Тем не менее, природная музыкальность и мамина строгость дали хо-

рошие результаты — он весьма успешно закончил музыкальную школу по классу баяна.

1965 год, июнь. Позади школа и выпускной бал. Главным пристрастием Саши и его друзей был джаз. Они часто выезжали в Таллин на концерты джазовых звезд, как эстонских, так и зарубежных. Таллин всегда считался городом богатых джазовых традиций, в конце 40-х годов там работали пять биг-бэндов. В 60-х годах набирали силу проходившие в Таллине джаз-фестивали. В них участвовали многие известные советские и зарубежные исполнители.

Саша поступил в Артемовское музыкальное училище на теоретическое отделение, приобретал новых друзей, привыкал к основательному и неторопливому, словно течение реки Бахмутки, ритму городка. Но ритм его собственной жизни всегда был быстрее, чем окружающий. С самого раннего детства для Саши музыка была главным источником информации, способом самовыражения.

В 1978 году Александр Куц принят в Абаканское музыкальное училище на должность преподавателя по музыкально-теоретическим дисциплинам, духовым и ударным инструментам. Начало работы Александра Куца в этом городе было похоже на обретение режиссером своего театра, актеры которого, в свою очередь, обрели хорошего лидера. А. Куц начал работу с училищным эстрадным оркестром, придав ему своеобразное, неповторимое звучание. С 1979 года музыкант становится президентом Абаканского творческого джазового объединения. Началось десятилетие, когда Абакан словно взорвало джазом. Музыка разных стилей и направлений звучала в инструментальных группах Абакана: бибоп, хард-боп, модерн и даже авангард имели основательную бигбэндтовую школу.

Однако основным направлением деятельности абаканского оркестра под управлением А. Куца стали поиски в совершенно иной, незнакомой и дотеле неизвестной области джаза. Оно было связано с органическим соединением элементов современной импровизационной и этнической музыки народов и народностей Сибири и Восточной Азии в целом. Попытки музыкально-топографически соединить джаз и этническую музыку поначалу не выглядели убедительными. Из механического соединения разных звуковых тканей цельное полотно никак не получалось. Опыты в этом направлении Александра Куца больше напоминали эквивалент паназиатской музыкальной культуры. Подобные экспери-

менты не раз демонстрировались на международных фестивалях этнической музыки «Живая вода» на берегах Телецкого озера, где играли этнические и джазовые музыканты из разных стран Центральной Азии.

Причина отторжения современной импровизационной и этнической музыки будет ясна из понятной параллели: не каждый даже талантливый режиссер решится «осовременить» древнегреческую трагедию без риска лишить ее глубины и многозначности, и не всякая профессиональная драматическая труппа сможет такую задачу выполнить. То же самое происходило и с попытками извлечь из глубины веков некую музыкальную конструкцию и «осовременить» ее с помощью суммы джазовых технологий.

Поняв и освоив своеобразие этнических мотивов, абаканские джазовые музыканты, по сути, оказались во второй половине 80-х годов законодателями региональной джазовой моды. Благодаря импульсам с этническим материалом биг-бэнд Александра Куца начал рисовать масштабные экзотические звуковые картины. Джаз и хакасские напевы — первый опыт «соединения несоединимого», впоследствии успешно освоенный многими мастерами фри-джаза.

Все свои лучшие работы Александр Куц представлял на различных фестивалях страны. Абаканский эстрадный оркестр играл нестандартную, небанальную музыку, которая удачно сочеталась с достижениями современного джаза. Очень важным было то, что ее исполняли джазовые музыканты (хакасы, шорцы), которые сами являлись носителями национальной бесписьменной традиции, сплавляя ее с элементами мировой джазовой культуры.

Роль А. Куца состояла в том, что он умело объединил эти элементы, подобрал музыкантов, которые понимали его идеи, композиционно их выстроил и представил музыку, которая украсила не только сибирские фестивали, но и была достойна фиксации на дисках или могла представлять отечественное искусство на международных форумах джаза. Это был единственный в истории нового джаза в стране большой (19 музыкантов) оркестр, чьи творения еще и поныне неизвестны даже знатокам и ждут своей публикации.

Важное значение имел первый в Абакане фестиваль джазовой музыки в 1982 году, посвященный 60-летию образования СССР. Этого праздника давно ждали музыканты, любители джаза, все те, кто собрался в зале

Абаканского областного ДК. Идея проведения фестиваля давно зрела в Абаканском джаз-клубе, но только поддержка обкома ВЛКСМ и помощь многих энтузиастов сделали то, без чего организация фестиваля едва ли была возможна.

Музыканты Абаканского ТДО были застрельщиками и душой фестиваля. Тщательно была составлена программа, хорошо продуманная, вбиравшая в себя полный диапазон джазовых стилей. Специально к фестивалю подготовлены композиции самих участников этого концерта.

С первыми сочинениями Александра Куца ранее уже познакомились музыканты Абакана и Красноярска. Примечательно, что уже тогда автор смело использовал национальный фольклор (в частности хакасский), что в условиях джаза чрезвычайно сложно, но и в такой же мере интересно. Слушателей интриговали и исполнительские составы, от солирующего рояля до полнозвучного биг-бенда. Сводному оркестру ТДО Александра Куца было уже три года, но настоящий успех выпал на его долю именно в 1982 году на этом джазовом фестивале. Исполнители щедро дарили зрителям горячее дыхание своего искусства.

Новым этапом стала организация и проведение фестиваля джазовой музыки «Абакан-83». Джазовый форум поставил задачу серьезного и глубокого осмысления того значительного, что имеет отечественный джаз, в частности, сибирский. Фестиваль продемонстрировал растущую популярность этого неувядающего жанра, особенно основанного на местном национальном материале. На фестивале прозвучало новое, которое появилось через год в Красноярске. Слушатели были поражены тем, что сделал А. Куц и его оркестр. Это были настоящие профессиональные музыканты, профессиональный руководитель, знающий толк в этой музыке, а также очень удачное, органичное сочетание хакасского фольклора.

В те годы джаз более всего нуждался в осмыслении и своего пути, и своей эстетической сущности. Абаканские музыканты вносили достойный вклад в это дело. Перспектива использования этноджаза привлекла в оркестр лучших джазовых музыкантов города, среди которых преподаватели и учащиеся музыкального училища, руководители коллективов Абакана, рабочие, служащие, актеры. В его оркестре играли также выпускники кафедры эстрадного оркестра и ансамбля Кемеровского государственно-

го университета культуры и искусств — Николай Жаукенов (саксофон), Андрей Фишер (труба), Владимир Котляр (труба), Сергей Ромашов (тромбон) и другие.

Стилистика новоджазовой музыки особенно ярко выразилось в сюите «Хакасские эскизы» Александра Куца. Она впервые прозвучала в Красноярске на традиционных «Осенних днях джаза» в 1984 году. Уже тогда многие музыканты, специалисты отметили значительность и глубину замысла многочастной джазовой композиции, основу которой составил хакасский фольклор. Красноярский фестиваль стал для музыкантов из Абакана той лабораторией, где можно было обмениваться творческими идеями, проблемами, получить полезные рекомендации. После этого оркестр заметно улучшил качество ансамблевого звучания, были скорректированы многие технические и драматургические детали сюиты. Последовательная и твердая воля его руководителя А. И. Куца, помноженная на творческую одержимость музыкантов обеспечила дальнейший успех. В партитуре «Эскизов», написанных в современном джазовом стиле, А. Куц создал такую структуру композиции, которая давала полную свободу солистам в расчете на их неповторимую индивидуальность. И такая ориентация оправдалась, так как оркестр собрал действительно лучшие джазовые силы Абакана. Вот почему успех «Хакасских эскизов» в равной мере делили и композитор, и исполнители. Вот почему каждый музыкант заслуживал быть названным.

На фестивале в Красноярске в 1985 году А. Куц представил слушателям программу коллектива «Диксиленд». Долгими, горячими аплодисментами встретил зрительный зал премьеру джазовой композиции, исполненную ансамблем. Музыка о трудной, сложной судьбе хакасского народа в прошлом. Автор вновь предпринял довольно смелую попытку показа (языком джаза) путей сближения самобытной хакасской культуры с отечественной и мировой. Дерзко, но на удивление к месту звучали цитаты знаменитой «Лунной сонаты». Органично были вплетены в ткань композиции интонации и темы хакасских народных песен. Слышался перезвон струнных хакасских народных инструментов — хомуса, чатхана. Новый художественный эксперимент А. Куца был несомненной удачей автора.

А. Куц и раньше в своих джазовых опытах для биг-бэндов использовал хакасский фольклор — благодатный материал, прекрасно вхо-

дящий в сложный язык современного джаза. Например, «Абаканская степь» — сложное, фрагментарное сочинение, в котором применяется богатый арсенал выразительных и инструментальных средств (от хомуса до синтезатора). А использование нескольких подлинных хакасских тем, сложные, переменные размеры, яркие контрасты частей «зримо» передавали картины прошлого, настоящего и будущего Хакасии.

Успех «Хакасских эскизов» сопутствовал и в Новосибирске на «Днях джаза» в 1985 году, и в Ленинграде на втором симпозиуме новоджазовой музыки. Части сюиты «Дорога в Тею», «След шамана», «Степной ноктюрн», «Песня хайджи» говорили о связи джазовой композиции с хакасским фольклором, заключающейся в использовании древних мотивов, народных инструментов и даже приемов горлового пения, принятого у хакасов. Это сочинение синтезировало мотивы музыкальных культур разных времен и народов.

Пение Валентины Адьяновой в третьей части сюиты «Степной ноктюрн» критики охарактеризовали как «необычайно тонкое, одухотворённое, с огромной любовью и нежностью, какие бывают в лучших джазовых балладах». Большое впечатление на музыкантов и зрителей произвело выступление Вл. Киржибекова во второй части «След шамана», поразившего «очень интересной гранью древней хакасской музыкальной традиции».

Ясно, что словами невозможно передать смысл музыки. Назовем лишь ее конструктивные особенности. Это ретроспективный взгляд на древнюю культуру хакасского народа сквозь призму современных достижений музыкального искусства. Выражается он сложным языком современного джаза. Художественная реализация темы потребовала соединения в одном ансамбле музыкантов джаза и классического амплуа, инструментов как древних народных, традиционно джазовых, так и современных электронных синтезаторов. Исполнение сюиты сопровождалось театрально-декоративными и световыми эффектами. Эта программа отличалась новизной выразительных средств, формы, содержания. В частности, было отмечено своеобразие языка, удачное использование фольклора, приемов синтезирования. Алексей Баташев — один из крупнейших авторитетов джаза, автор книги «Советский джаз», назвал выступления оркестра большим художественным событием фестиваля.

Не только зарубежных друзей, но и многих гостей из европейской части страны удивлял и необычный состав ансамбля, и профессиональная подготовка музыкантов, «сибирская основательность» композиционной мысли, техника и мастерство солистов. Многие хотели бы видеть и слышать его в своих городах. По крайней мере, как сказал Майкл Зверин, «этот оркестр наделал бы много шороха на фестивале в Лю Мане» (место проведения популярного фестиваля нового джаза во Франции). «Выступление Алисы Кызласовой, солистки и артистки областного драматического театра, облаченной в роскошные национальные одежды, окончательно покорило слушателей. «Это была моя заветная мечта: соединить в одном выступлении джазовых музыкантов и народных певцов, поскольку и те, и другие природные импровизаторы», — признался Александр Куц. И сделал он это блестяще.

Отзвучали последние импровизации солистов оркестра на фестивале джаза «Новосибирск-85», и под нарастающие аплодисменты огромного зала Дворца культуры имени В. П. Чкалова ведущий концерта московский искусствовед Алексей Баташев несколько раз повторяет в микрофон: «Замечательно, прекрасная работа...» Зал рукоплещет, музыкантов несколько раз вызывают на сцену, и абаканские джазмены, не ожидавшие такого приема, растерянно и смущенно кланяются. И даже после этого никто из них не предполагал, что решением жюри и оргкомитета их оркестр новоджазовой музыки джаз-студии областного Дома культуры будет удостоен диплома и главного приза фестиваля «Лучшему джаз-оркестру».

То, что было сделано в Абакане, отмечали критики, интересно, свежо, ново. Это нужно не только для сибирского региона, но и для мировой музыкальной культуры. Несомненно, оркестр А. Куца представлял в стране собой тот же вариант развития современной джазовой музыки, как оркестр Карла Блея в США, как оркестр Матисса Рюгг в Австрии. Наконец-то, за Уралом, в Сибири, писали критики и музыковеды, появился коллектив, играющий новоджазовую музыку. И что самое главное, его творчество опирается на музыкальное наследие народов Сибири, которое никем в джазе не используется.

Алексей Баташев, давая интервью на одном из новосибирских фестивалей, охарактеризовал этот феномен: «Я давно наблюдаю за творчеством Александра Куца, музыканта, дирижера и композитора. То, что я услы-

шал на этот раз в Новосибирске, является, с одной стороны, логическим развитием его интересных опытов, с другой — отражением процесса, который сегодня происходит во всём мире. Я имею в виду интенсивное соединение нового джаза с фольклором тех этнических культур, которые не так широко представлены в мировом искусстве. Культура малых народов дает сегодня необычайно богатый, необычайно интересный материал. К большому сожалению, широкий музыкальный мир знает о них недостаточно много и глубоко. При взаимодействии джаза и фольклора, когда оно касается не просто тембральных или ладовых особенностей, а самой сути музыкального мышления импровизирующего музыканта, он впитывает в себя элементы национального музыкального мышления и показывает его в действии, на уровне современного музыкального мышления исполнителя, знакомого с мировыми достижениями, возникает новый тип творческого процесса. То, что делает оркестр Куца, выстроено цельно, имеет хорошую форму, хороших солистов и стоит того, чтобы остаться в истории. В этом смысле та работа, которую сделал А. Куц, имеет большое значение. Меня очень поразило и тронуло то, что фольклор здесь был использован не как декоративное украшение, не как экзотика. Сюита "Хакасские эскизы" выстроены цельно, имеет хорошую форму».

Энтузиасты понимали, что такая работа требует системности, профессионального знания языка, как джаза, так и конкретного фольклора, антиэмпирики, серьезной методологической основы без сублимационного характера или откровенно конъюнктурных оттенков. И было еще некое внутреннее чувство, подсказывающее им, что, несмотря на отсутствие у отечественных джазовых исполнителей какого бы то ни было интереса к музыке Востока (за исключением джазовых групп Средней Азии), именно здесь должна быть скрыта и может быть проявлена некая животворящая субстанция. Некий магический кристалл, сквозь который можно по-новому взглянуть на импровизационную музыку.

Поэтому даже отдельные попытки наложения этнической музыки, о которой музыканты европейской части страны вообще не имели представления, на джазовую основу вызывали у критиков большой интерес. Хотя и тут не обходилось без элементов эпатажа доверчивой публики всех этих костюмов шаманов, бубнов, торбазов, бубенчиков, ма-

лахаев и прочего — экзотического набора на концертах хватало. Видимо, сибирскому джазу нужны были свои Альберт Айлер, Сан Ра или анклав музыкантов из «Knitting Fastori», то есть личности или коллективы, соответствующие высоте упомянутых задач.

В пьесах «Пробуждение степи» и «Эскизы» «вклинился» звук древности — народного хакасского инструмента. А. Куц показал, что придать звучанию национальный колорит, углубить тему и понятие сможет только чатхан, но не своим доминирующим звучанием, а как бы вставками, репликами. В первой части пьесы «Лунная ночь» использовано тихое, мелодичное, старое звучание чатхана, как отрывочные звуки прошлого. Остальные инструменты продолжали повествование. И вновь возникали и почти затихали загадочные звуки. Во второй части — задорное, веселое в темпе тахпахов — настрой чатхана другой. Для участия в джазе был использован электрочатхан.

Абакан (так сложилось) в 80-е годы стал традиционным местом творческих встреч музыкантов, работающих в жанрах фольклора и джаза. Мне не однажды пришлось встречаться с Александром Ивановичем. Это был не просто энтузиаст джаза, он был его настоящим фанатом. Все разговоры, мысли, планы касались лишь джаза. Побывал и на репетиции оркестра в любовно оформленной оркестровой студии Абаканского музыкального училища. Мы подолгу беседовали о путях развития и функционирования отечественного джаза, о новых формах его проявления, о лидерах авангарда. Его волновали содержательные, эстетически значимые проблемы. В философском смысле этнический джаз, считал А. Куц, сиюминутен. Абаканский джаз отрицал консерватизм старого. Прежде всего, это отрицание коснулось личности самих исполнителей. Новоджазовый музыкант для А. Куца — это интеллектуал, пришедший на основе своего творческого опыта к необходимости отрицания некоторых общепринятых норм традиционного джаза. Музыкант должен говорить своей музыкой только то, что в данный момент желает сказать, сочиняет собственные правила игры и никаких других не признает. Весь новый джаз для него строился на оппозиционных уровнях, суть которых — всестороннее творческое испытание традиции, результатом которого становится отход от нее.

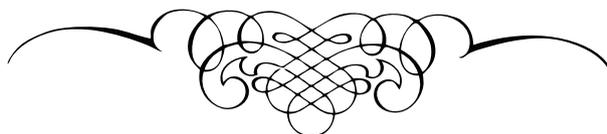
С другой стороны, это искушение творческой самостоятельности самого музыканта силой традиции. Ибо, если традиция и

освященный ею коллективный опыт оказываются сильнее, музыкант из авангардного реформатора рискует превратиться в среднего (с профессиональной точки зрения) ретрограда, которому новые пути в искусстве недоступны в силу скромных масштабов дарования. Не удивительно, что многие исполнители оркестра А. Куца синтезировали эти оппозиционные уровни, вписываясь в многообразную палитру художественных индивидуальностей, развивающих современных сибирский джаз.

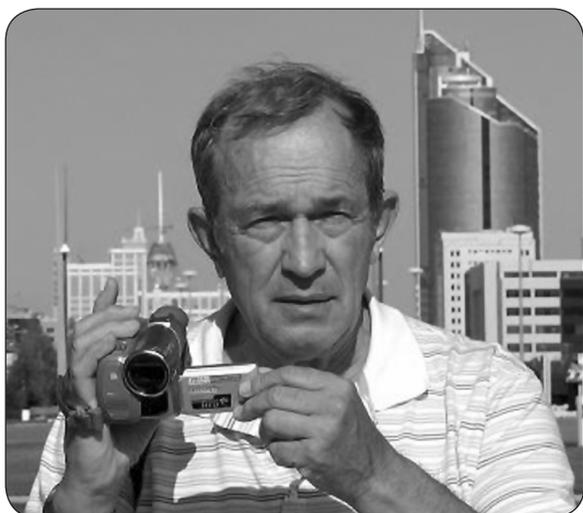
Музыкант, считал А. Куц, использующий элементы национального творчества, концепции, свойственные его бытию и мироощущению, — это индивидуальный мастер, имеющий своё лицо и, следовательно, стоящий выше банального большинства его

коллег. В этом смысле абаканский оркестр на различных фестивалях был настоящим открытием. Слушателей и критиков поражали нестандартный состав, наличие крупной композиционной формы.

Впоследствии Александр Куц стал организовывать многонациональные и представительные форумы джаза и фольклора в родном Абакане, но его идеи постоянно наталкивались на неприятие местными властями и культурными ведомствами. Он недолго боролся с этим сопротивлением, окончательно подорвал свое здоровье, и сердце его остановилось. Подобная трагическая судьба отечественного джазового музыканта не так уж единична. Однако его идеи не забыты и ждут реализации представителями новых поколений.

Юрий Светлаков

Светлаков Юрий Яковлевич родился в 1938 году в Киселевске. Известный кинооператор, ведущий популярной некогда телепередачи на канале ГТРК «Кузбасс» «Шаг за горизонт». С 7 сентября 1961 года по 7 сентября 2006 года работал на Кемеровской студии телевидения. В 1969 году заочно окончил кинооператорский факультет ВГИКа. Снимал киноочерки, вёл циклы передач: «Кинолетопись Кузбасса», «Рассказы о Кузбассе», «Колесо», «Люди земли Кузнецкой», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом». Юрий Светлаков – автор нескольких книг, преподаватель курса операторского мастерства в Кемеровском государственном университете культуры и искусств, доцент.

К 65-летию Великой Победы готовится к изданию книжка-альбом кинооператора Юрия Светлакова. В ней — рассказ о двух чудом уцелевших документальных фильмах «Добровольцы-сибиряки» и «Сибиряки-гвардейцы» и редкие кадры о формировании и боевом пути 22-ой гвардейской добровольческой дивизии.

Фрагмент из неё представляем нашим читателям.

Сибиряки- добровольцы на экране

Сразу надо сказать, что в первые дни войны киносъёмки были поставлены на службу фронту. В Новосибирске на базе эвакуируемых студий, «Мостехфильм» и «Диафильм», была создана объединённая студия по выпуску военно-учебных фильмов, позднее она стала называться «Военфильм».

Фильмы нужны были для популяризации военных знаний среди широких масс, для подготовки новых резервов для армии, для помощи в овладении сложной боевой техникой. Подобные фильмы снимались и на местной студии «Сибтехфильм».

На фронтах и в тылу сняты тысячи метров киноплёнки о борьбе против фашизма. С патриотическим подъёмом встречали зрители такие документальные фильмы, как «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Битва за нашу Советскую Украину», «Ленинград в борьбе».

В первые годы войны на базе Новосибирской студии кинохроники стал выходить всесоюзный киножурнал. Сюжеты в «Союзкиножурнале» были своеобразной весточкой с фронта.

В воспоминаниях кинооператора Бориса Небылицкого в его книге «Репортаж о кинорепортаже» я нашёл разговор между кинооператором и солдатом из Кемерово:

— Вы, новобранцы, воевать-то, чем будете? — спросил солдат, заметив, что ни у меня, ни у Алексея нет винтовки. Алексей вытащил из-за пазухи киноаппарат и показал солдату.

— Так это же кино-фото, — улыбнулся нам собеседник и по свойственной солдатам привычке по деталям догадался о главном. — Сегодня Адольфу дадим жару. Засиделся на

нашей земле — пора и честь знать. Только уговор, ребята кино-фото, — вы нас с Петей обязательно снимите в бою — пусть в Кемерово мать увидит, как я воюю.

Свист снарядов прервал разговор.

Снимали ли кинооператоры у нас в Сибири, в частности в Кузбассе?

В первые дни войны коллектив Новосибирской студии заметно поредел — многие ушли на фронт: Георгий Гребёнкин, Георгий Цветков. Андрей Тарбеев, Евгений Качин и другие. Кинооператор Андрей Тарбеев погиб под Москвой.

В 1942 году Новосибирской студией кинохроники был снят фильм «Добровольцы-сибиряки» (режиссёр А. Литвинов, оператор С. Хмелёв).

Многие кадры этого фильма снимались в Кузбассе. Это, пожалуй, единственная картина в стране, где подробно рассказывается о формировании дивизии в годы войны.

Летом 1942 года Новосибирский обком ВКП(б) принял решение: «Сформировать первую добровольческую дивизию сибиряков только из числа добровольцев, в составе которой должно быть не менее 50 процентов коммунистов и комсомольцев». Заявлений было подано в 33 раза больше, чем необходимо было для создания дивизии.

Я встречался в Красноярске с кинооператором Сергеем Хмелёвым и естественно спросил про съёмки этого фильма:

— *Когда появилось сообщение о формировании Сибирской добровольческой дивизии, мы, режиссёр Литвинов, ассистент оператора Никифоров, администратор и я, сразу же, без сценария, приступили к съёмкам. Вообще весь фильм был снят по событийному. Мы снимали на Сибсельмаше, кто пишет заявление, кто проходит медкомиссию. В селе снимали. Потом этих же людей на учениях. Мне особенно запомнилась съёмка ночью. У нас был один осветительный прибор. Всю дивизию подняли в 11 часов ночи. Снимать надо — сняли. Получилось [21—23].*

Позднее узнал, что съёмки этого эпизода проходили у нас в Кузбассе под Юргой.

Фильм «Добровольцы-сибиряки» сохранился и был показан бывшим воинам 22-й гвардейской дивизии сибиряков-добровольцев в телевизионной передаче «Кинолетопись Кузбасса».

Диктор взволнованно говорит:

«На призыв новосибирцев горячо откликнулись металлурги Сталинска, шахтёры Кузбасса, колхозники Барабы и Кулунды, охотники Нарыма и Алтая.

Велика честь попасть в ряды добровольцев. Тысячами посыпалась заявления в военкоматы и партийные комитеты.

В путь-дорогу дальнюю провожала Сибирь добровольцев-сталинцев. Нелегка разлука с сыновьями, братьями, мужьями, отцами.

Одним наказом напутствовали сибиряков: "Служить верно Родине и быть беспощадными к врагу!"»

Боевой удачи, полковник Гузь!

Счастливого пути, ратной славы, полковник Панишев!

Множьте боевую славу сибиряков, ставших грозой для гитлеровских захватчиков.

Возвращайтесь в Сибирь со скорой победой».

Красива в этом фильме песня на стихи поэта Александра Смердова:

По Сибири, по таёжной шири

Прокатился наш клич боевой.

Мощь сибирская, сила богатырская

Поднялась на решительный бой.

Участники передачи рассказали, что в дальнейшем боевой путь 22-й дивизии снимали гвардии рядовые Леонид Стекольников и Семён Гельман.

После войны в 1946 году из снятого ими и другими операторами фронтовых групп материала, а так же фильма «Добровольцы-сибиряки» на студии «Сибтехфильм» был смонтирован полнометражный шестичастевой фильм «Сибиряки-гвардейцы». Музыка и песни к этому фильму написали А.Новиков и М.Блантер.

К счастью, и этот фильм сохранился.

За 1418 дней 252 кинооператора, пройдя путь от Волги до Берлина, снимая события Великой Отечественной войны, оставили уникальную КИНОЛЕТОПИСЬ, общий метраж которой составляет ТРИ С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИОНА метров.

За годы войны было создано более 50 киножурналов и 101 документальный фильм.

Кинолетопись — это ещё и поистине неисчерпаемый исторический источник для будущих осмысленных фильмов нашего времени!

Что бы как-то сохранить память о документальных фильмах, снятых о наших земляках и предпринята эта попытка перевода изображения и звука на бумажную основу.

Приведённые в этой книжке кадры из фильмов «Добровольцы-сибиряки» и «Сибиряки-гвардейцы» не очень высокого технического качества, так как были сканированы с чудом уцелевшей контратипной копии.

Дикторский текст и кадры из фильма

«Добровольцы - сибиряки»

Новосибирская студия кинохроники. 1942 г.
Режиссёр А. Литвинов.
Оператор С. Хмелёв.

На призыв новосибирцев горячо откликнулись металлурги Сталинска, шахтеры Кузбасса, колхозники Барабы и Кулунды, охотники Нарыма и Алтая [4—6].

Велика честь попасть в ряды добровольцев.

Тысячами посыпались заявления в военкоматы и партийные комитеты [10—14].

Вчерашние металлисты и горняки, рыбаки и лесорубы, получая боевое оружие, клялись перед Родиной до последнего дыхания не выпускать его из рук [18—20].

Из добровольцев сформировались Новосибирская, Омская, Барнаульская, Красноярская дивизии и бригады имени товарища Сталина [15—17].

Закипела боевая учеба в лагерях. Дорога каждая минута. Скорей на фронт!

Учиться так, как требует этого фронт.

Сибиряки готовы к бою!

Титр: Перед отправкой на фронт состоялся смотр частей Новосибирской добровольческой дивизии.

Звучит песня:

Из сибирских далёких просторов,
От Оки – полноводной реки,
Из колхозов и стан, и заводов
Сразу двинулись сибиряки.

По Сибири, по таёжной шири
Прокатился наш клич боевой.
Мощь сибирская, сила богатырская
Поднялась на решительный бой.

Взяв винтовку — идут добровольцы,
На ходу создавая полки.
Коммунисты идут, комсомольцы,
Беспартийные большевики.

По Сибири, по таёжной шири
Прокатился наш клич боевой.
Мощь сибирская, сила богатырская
Поднялась на решительный бой.

Звучит марш «Прощание славянки».

В путь-дорогу дальнюю провожала Сибирь добровольцев [24—25].

Нелегка разлука с сыновьями, братьями,
мужьями, отцами.

Одним наказом напутствовали сибиряков:
«Служить верно Родине и быть беспощадным к врагу».

Боевой удачи, полковник Гузь [26].

Счастливого пути, ратной славы, полковник Панишев [28]!

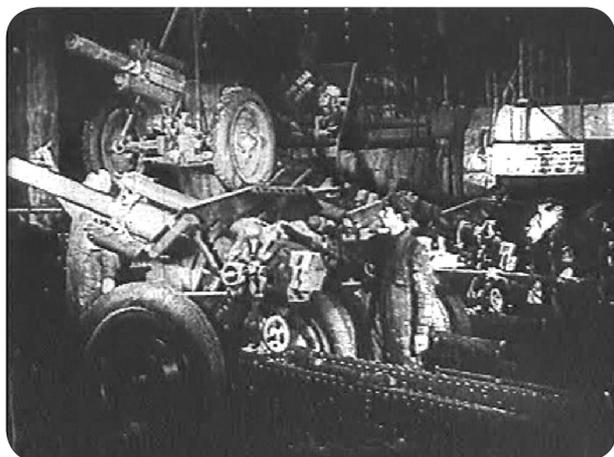
Множьте боевую славу сибиряков некрасовцев и батраковцев — ставших грозой для гитлеровских захватчиков [29—32].

Возвращайтесь в Сибирь со скорой победой [29—33]!

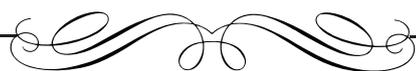
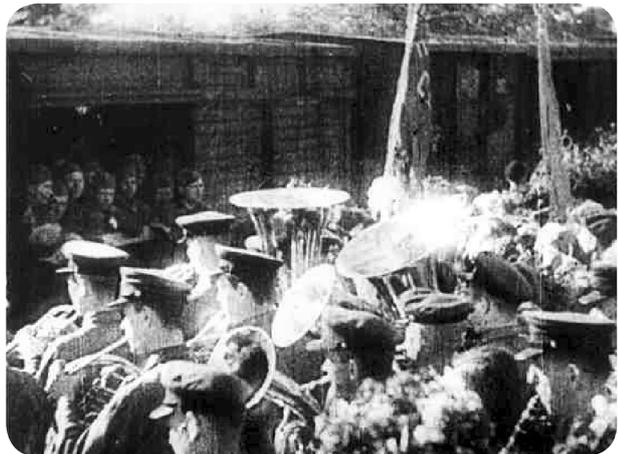
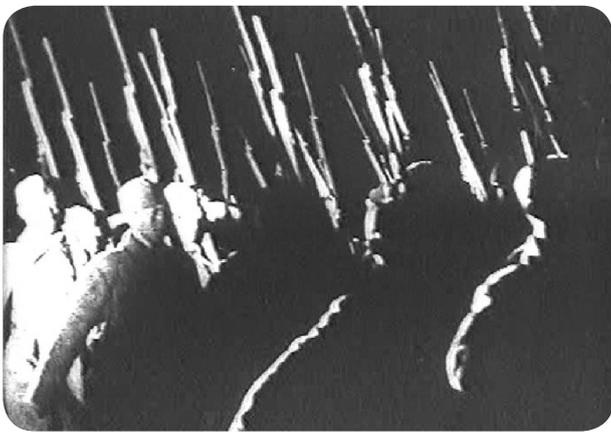
Титры: Режиссёр А. Литвинов.

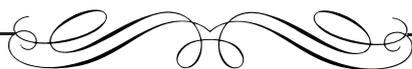
Оператор С. Хмелёв.

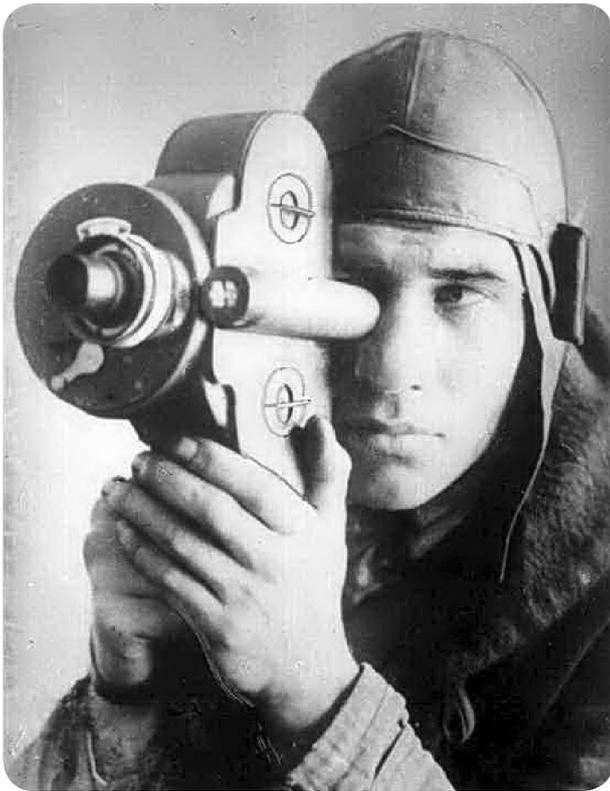
Новосибирская студия кинохроники. 1942 г.

Кинооператор Сергей Хмельов

ВСТРЕЧА

с бывшими воинами 22-й гвардейской дивизии сибиряков-добровольцев в телевизионной передаче «Кинолетопись Кузбасса»

Запись 22 февраля 1982 года.

В передаче принимали участие:

Андрейчиков Пётр Григорьевич,
гвардии сержант.
Калиниченко Михаил Фёдорович,
гвардии сержант.
Мичурина Лидия Мартемьяновна,
гвардии старшина.
Радзевич Василий Владимирович,
гвардии лейтенант.
Усов Петр Антонович,
гвардии старшина.
Фомин Константин Иванович,
гвардии подполковник.
Шелепов Николай Васильевич,
гвардии старшина.

Ведущий Юрий Светлаков,
кинооператор.

Ведущий:

«Добровольцы-сибиряки» — так назывался одностатейный документальный фильм Новосибирской студии кинохроники, снятый в 1942 году. Режиссёр фильма А. Литвин, оператор С. Хмельов. Фильм рассказывал о создании сибирской добровольческой дивизии.

В студии бывшие воины 22 гвардейской дивизии сибиряков-добровольцев. Боевой путь вашей дивизии достаточно подробно описан в книгах «Сибирский характер», «От Сибири до Прибалтики», «Сибиряки-добровольцы», «Место назначения — фронт» и других.

Итак, летом 1942 года Новосибирский обком ВКП(б) принял решение: «Сформировать первую добровольческую дивизию сибиряков только из числа добровольцев, в составе которой должно быть не менее 50 процентов коммунистов и комсомольцев».

Тысячи сибиряков написали свои заявления с просьбой направить их добровольцами на фронт. Среди этих заявлений были и ваши.

Фрагмент из фильма «Добровольцы-сибиряки».

На призыв новосибирцев горячо откликнулись металлурги Сталинска, шахтеры Кузбасса, колхозники Барабы и Кулунды, охотники Нарыма и Алтая.

Велика честь попасть в ряды добровольцев. Тысячами посыпались заявления в военкоматы и партийные комитеты.

Вспомните, что вы писали в своих заявлениях, что заставило вас написать их.

Усов:

— Чтобы объяснить, что меня, как и других побудило, надо вспомнить общий настрой советского народа, нас сибиряков. Все стремились на фронт, непосредственно участвовать в борьбе против фашистов.

Жил я в Яшкино. Был комсоргом школы № 30. У меня были связи с райкомом комсомола. Когда объявили запись, я стал проситься и просил райком, чтобы мне помогли. Степаненко Павел пообещал содействовать. Прямо в райкоме я написал заявление примерно такого содержания: «Прошу зачислить меня в сталинскую дивизию сибиряков-добровольцев. Обязуюсь сражаться, как подобает комсомольцу, с фашистской нечестью». Написал и ушёл на работу. Работал на цементном заводе токарем. На следующий день 18 июля вызвали в военкомат. Там вручили пакет. Дома сказал, что уезжаю, и поехал.

Слева направо: ведущий Ю.Светлаков, П.Г.Андрейчиков, М.Ф.Калиниченко, Н.В.Шелепов.

Слева направо: В.В.Радзевич, Л.М.Мичурина, П.А.Усов.

Мичурина:

— Я в то время работала в госпитале. Поступали тяжелораненые. Я сразу написала заявление, но в первый поток не попала, если бы попала, то была бы в 33 дивизии.

Я писала: «Прошу зачислить меня в ряды действующей армии, так как я имею большую подготовку медицинской сестры». Через некоторое время я получила повестку, вернее письмо, где мне отвечали, что в настоящее время призыва не производится, ждите, ваше желание будет учтено.

Ведущий:

— А с родителями вы советовались?

Мичурина:

— Нет. В моё отсутствие пришла повест-

ка. Мама прочитала и заплакала. Когда я вернулась с дежурства, сказала: «Что ты делаешь? Даже меня не спросила». Мать есть мать. На место сбора я ехала в эшелоне с военными. Стояла тамбуре и плакала. У меня был букет полевых цветов, который вручил мне хирург из госпиталя Константин Иванович. Я почему-то только в тамбуре плакала. Когда меня провожали, я не плакала. Потом с пакетом пришла в штаб и попала во второй батальон во второй Кузбасский полк.

Фомин:

— Я в то время работал на шахте «Комсомолец» в Ленинск-Кузнецке. В феврале месяце узнал, что брат погиб на фронте. Я и раньше рвался на фронт, молод был, не бра-

ли, но здесь надо было отомстить за брата. Я подал заявление и меня направили на фронт.

Ведущий:

— Родителям сообщили?

— Нет, родители в деревне жили, я им ничего не писал.

Радзевич:

— Время-то было какое. Немец рвался к Сталинграду. Ленинград был окружен. Мы же патриоты, нас комсомол тогда воспитал. Я из деревни Тараданово. Мне уже в городе комнату дали. Я написал письмо, чтобы жена с дочкой приехала. Рядом в квартире жила женщина, у которой было четверо ребятишек. Вдруг она получает похоронку. Я пошел в партком и написал короткое заявление: «Больше не могу сидеть в тылу — пошлите на фронт». Медкомиссия сказала: «Не годен к строевой службе». Я говорю: «Хорошо, хозяйственный взвод есть у вас — есть, вот возьмите — я буду командиром хозяйственного взвода». Меня взяли. Домой послал телеграмму «Не выезжай — выбыл на фронт».

Ведущий:

— Заявлений было подано в 33 раза больше, чем было необходимо для создания дивизии. Такого потока добровольцев не знала ни одна страна, ни одна война, ни одна армия мира.

В необычайно короткий срок в составе 150 дивизий были сформированы стрелковые полки: Новосибирский, Кузбасский, Кемеровский, Томский, артиллерийский, сапёрной батальон, батальон связи, разведроты и другие спецподразделения.

Командиром дивизии был назначен участник обороны Севастополя — Николай Олимпиевич Гузь. Начальником штаба был участник боёв на озере Хасан Григорий Иванович Панишев.

Усов:

— Когда я прибыл на место формирования дивизии, много разговоров было, что во главе её поставлен опытный уже, участник боёв за Севастополь, кавалер ордена Боевого Красного Знамени. Мы этим гордились, что во главе нашей дивизии уже обстрелянный, бывалый офицер. Полковник Панишев был внимательный, добрый, каждый мог с ним поговорить. Полковник Гузь был строгий, такой коренастый, плотный. К нему страшно было подойти, заговорить.

Ведущий:

— Начались учения.

Эпизод из фильма «Добровольцы-сибиряки». *Вчерашние металлисты и горняки, рыбаки и лесорубы, получая боевое оружие, клялись перед Родиной до последнего дыхания не выпускать его из рук. Из добровольцев сформировались Новосибирская, Омская, Барнаульская, Красноярская дивизии и бригады имени Сталина.*

Закипела боевая учеба в лагерях. Дорога каждая минута. Скорей на фронт! Учитесь так, как требует этого фронт.

Сибиряки готовы к бою!

— Как проходили у вас учения?

Усов:

— Надо сказать, что меня сразу не зачислили в дивизию. Я на положении вольноопределяющегося был направлен в минометную роту Кемеровского полка. Начались занятия. В 5.40, как сейчас помню, подъём. Физзарядка. Умывание. Завтрак и занятия. Возвращались в 11 вечера. Усталые.

Ни кино, ни танцев мы не знали. Занятия — сон — питание. Мы ещё ходили в походы. Такие марш-броски в колхозы, где помогали в уборке урожая. Занимались напряженно. У нас в роте были уже побывавшие в боях офицеры и солдаты. Для молодежи это было находкой. Они рассказывали, как себя вести в конкретной обстановке. Командир роты Котов был и другие. Это нам очень помогло в дальнейшем, когда были в боях.

Мичурина:

— А мы на танцы ходили. У нас обмундирование выцвело всё. Платье заштопано, вместо чулок обмотки. Ботинки до того пожелтели от походов, мы их солидолом начищали. Пришли мы как-то раз на танцы. Думали, никто же нас не пригласит. Смотрю, к моим подружкам подходит парень — приглашает. Я стою, кажется, такая неуклюжая, и вот подходит и приглашает танцевать. Вы представляете.

Но основное — учёба, учёба и учёба. Были такие минуты, когда старшина на нас сердился за то, что вредничали. Бывало, скажет: «Запевай», а настроения нет, он тогда накажет: «Санитарный взвод, ложись и попластунски 100 метров вперед!» Представляете, утром в 6 часов, по росе...

Учения очень напряжёнными были. Для нас особенно разбирать и собирать карабины, винтовки. Старшина говорил: «Пригодится, девчата». Я, когда первый раз из ка-

рабина отстреляла, мне «пяткой» вышибло челюсть. Стыдно было от других. Но научились. Из «Максима» стреляли.

Конечно, мы научились многому: оказывать помощь, выносить раненых, рыть землянки, всё, всё, что понадобилось на войне. А главное научились разбираться в людях. Я после войны в 50-х годах была в тех местах, там много клубники выросло, незабудок много. Узнала берёзку, где сидел баянист, где танцы были.

Ведущий:

— 14—15 сентября отправлялись воинские эшелоны на фронт. Снимал это событие оператор Сергей Хмелёв.

В путь дорогу дальнюю провожала Сибирь добровольцев. Нелегка разлука с сыновьями, братьями, мужьями, отцами.

Одним наказом напутствовали сибиряков: Служить верно Родине и быть беспощадным к врагу».

Боевой удачи, полковник Гузь.

Счастливого пути, ратной славы, полковник Панишев!

Множьте боевую славу сибиряков некрасовцев и батраковцев — ставших грозой для гитлеровских захватчиков.

Возвращайтесь в Сибирь со скорой победой!

На смотре присутствовал секретарь Новосибирского обкома ВКПб Михаил Васильевич Кулаков. Оператор фильма Сергей Васильевич Шмелёв рассказывал мне, что дивизию подняли ночью, и ему пришлось снимать в очень сложных ночных условиях.

Ведущий:

— Было сказано: «Возвращайтесь в Сибирь со скорой победой!». До Победы были долгие четыре года войны. Ваши эшелоны сначала прибыли под Москву, потом был марш-бросок под город Белый, где вы приняли боевое крещение. Как это было?

Усов:

— Прежде о 200-километровом марш-броске. Он проходил в очень сложных условиях, шли по болотам, Была осень — шли дожди. С одной стороны — авиация не бомбила, с другой стороны, шли без обозов, промокшие, добрались до города Белого. Сосредоточились в роще Квадратной.

Надо сказать, что в это время начинались бои под Сталинградом. Для того, чтобы оказать помощь Сталинграду, нашей дивизии было поручено начать боевые действия под городом Белый, чтобы сдержать войска нем-

цев и не позволить перебросить их под Сталинград.

Накануне прошли комсомольские собрания, объяснили, что мы ночью начнём наступательные действия. Встретили это радостно, потому что устали уже сидеть, рвались в бой с фашистами. Утром 24 ноября был снег, ветер. Наконец-то бой. Сначала «Катюши», потом «Иваны-болваны». Я был минометчик. Наши поднялись в атаку, а мы начали через их головы посыпать фашистов из минометов.

Ведущий:

— Итак, 23 сентября ваши эшелоны прибыли под Москву. Потом дивизия была перебросена под Калинин и оттуда вы совершили многокилометровый марш-бросок под город Белый, где и приняли первый бой.

Андрейчиков:

— Бой начался 25 ноября. Накануне боя пришли к нам два офицера, Шаравьев из Ленинск-Кузнецкого, работник политотдела дивизии и наш политрук роты Витя Макошин, бывший секретарь райкома комсомола из Промышленной. Они нам говорят: «Товарищи, завтра идём в бой. Как вы себя чувствуете?» Все сказали, что мы готовы хоть сейчас в бой. К утру разыгралась такая метель, буквально забивало глаза. Как я вспоминаю сейчас, где-то справа ударила «катюша», потом слева, потом с тыла. Все смешалось в единый грохот.

Первую линию наступления занимал новосибирский полк, наш вёл вторым. Первые траншеи заняли благополучно, хотя с трудом, дальше немец остановил нас. Но никто не дрогнул, не было таких, кто бы оглянулся назад.

Калиниченко:

— Для меня это был не первый бой. Я провёл финскую кампанию с первого дня по последний. Но здесь был особенный бой. Я был командиром минометного взвода. 24 числа мы под вечер закончили копку траншей и ушли отдыхать. Утром в 5 часов мы заняли огневые позиции. По приказу командира роты я выдвинулся в боевое охранение на наблюдательный пункт. В 6 утра началась артподготовка, сильнейшая. Когда темно и снаряды «Катюши» летят, хвостиком помахивают — красиво смотреть. Я сижу, наблюдаю. Надоело ждать, все были напряжены ожиданием этой минуты первого боя. И вот неожиданно меня как шарохнет, я оказался в окопчике, пыль, газ, дышать нечем. Никак не соображу, что

произошло. Потом понял, пока мы отдыхали, в это время минометчики установили свои мины рядом в кустарники, их называют «Иван-болван» в сто килограмм. Он их включил, а до меня было метров двести, взрывная волна от запуска меня и ударила.

Первое крещение получили от своих же.

Потом мы начали бить. Настроение было исключительное. Особенно, когда заняли первую линию траншей. Вот это был первый день сражения.

Шелепов:

— У меня было иначе. Со станции Селижаново был путь под г. Белый. Шли болотами. В дивизии было тяжело с питанием, так как тылы отстали. Трудное время было. Меня вызвали в политотдел, там знали мою доверенную профессию, актера драматического театра, и сказали: «Вот вам пять дней — надо создать агитбригаду. В такой трудный момент нужна песня, сатира, стихи». Нашлись: баянист, три медицинских сестры, один актёр с украинского театра и я. Вот так начался путь с агитбригадой. Задача была — дать хороший заряд духа нашим солдатам.

Фомин:

— Моё первое крещение боевое было под Локней, когда мы заняли оборону. Я был пулемётчик.

Командир взвода подошел смотрит и говорит:

— Видишь немца?

— Вижу.

— А что не стреляешь?

Я прицелился и пустил очередь.

— А теперь убегай!

Я убежал на другую точку, когда вернулся — там всё было разбито.

Прибыли на первый рубеж, утром рано. Когда открыли огонь — все горело. Первый рубеж взяли нормально. Перед высотой враг проходил. Окопы были ложные, пристроенные. Много наших погибло. Наша дивизия как арьергард была. Дивизия прорыва. Бои все сложные. А здесь жара, август месяц, самолеты бомбят, артиллерия стреляет.

Усов:

— Под Белым мы помогли Сталинграду. Удара наносили одновременно и на Курской дуге.

Рядом с нами были женщины, женщины-санструкторы, женщины-пулемётчицы. Вот в хронике видели Марию Павленко, она под городом Белый получила орден Ленина. Она за ночь из-под огня вынесла 17 раненых.

Гулевич, Мичурина, Вильдискина — сколько раненых спасли они!

Ведущий:

— Был трудный бой под Белым, под Локней, под Великими Луками. За ратные дела вашей дивизии было присвоено звание Гвардейской, это было в апреле 1943 года.

Фомин:

— Вручение знамени и значков было, когда мы стояли под Гжатском. Там нас построили в две шеренги, встали на колени и принимали Гвардейское знамя. Дивизия стала именоваться 22-й гвардейской дивизией.

В те дни напряжённо работала наша агитбригада.

К нам приезжал баянист Иван Иванович Маланин и Шмелько. Шла у них такая программа «Огонь по врагу». Была у нас Русланова, был и Малый театр. Наша агитбригада многое взяла из программы «Огонь по врагу». Мы везде работали в полную силу.

Запомнился эпизод, когда Иван Иванович Маланин ехал в дивизию на место боёв. Из Гжатска шла высокая насыпь. Прошли дожди. Шофёр упустил дорогу, и их стянуло в сторону. Машина перевернулась. Иван Иванович был незрячим. Говорит шофёру: «Серёга, мы куда-то с тобой полетели». Он ему: «Куда полетели, ты на мне сидишь. Вылазь в окно». Наша дивизия была на прорыв для создания прохода другим войскам.

Ведущий:

— Сибирь помогла фронту. Я помню, родственники вязали варежки с двумя пальцами, кисеты, полотенца с вышивкой.

Фомин:

— Сталевар Чалков на свои сбережённые средства приобрёл автоматы и послал их в подарок воинам-сибирякам. На прикладе была металлическая пластинка с надписью «Сибиряку от Чалкова». Получить этот автомат было великим счастьем. Их было сравнительно мало. Выдавали их тем, кто отличился в боях. С этими автоматами панцырники шли на штурм высоты 233.3.

Ведущий:

— Кто такие были панцырники?

Калиниченко:

— Это был панцырный батальон. На груди и на спине у них были стальные щиты, и потери, несмотря на тяжелейшие условия боя,

были минимальными. В нём, действительно, были богатыри.

Было ещё такое. Немцы бросали в нас гранаты, с деревянной ручкой, которые взрывались через 17 секунд. У нас ребята наловчились бросать их обратно. Немецкими гранатами били их.

Ведущий:

— Высота была взята, освобождена станция Павлиново. Затем ваша дивизия прошла Белоруссию и вступила в Латвию. В ноябре 1944 года за освобождение Риги вашей дивизии было присвоено звание Рижской.

Там вы и закончили войну — встретили День Победы. День Победы — самый прекрасный праздник на Русской Земле. Хотелось бы услышать от вас как, где, при каких обстоятельствах вы встретили конец войны. Как это было? Интересны мельчайшие подробности этого незабываемого дня. В воспоминаниях кинооператора Петра Тодоровского я вычитал: «Точно не помню, как объявили нам о капитуляции. Помню только... Сережкины ноги. Сережка Иванов упал в траву, скинул сапоги, портянки отшвырнул подальше, сложил руки на груди, я не размыкая глаз, промышчал... "Все!" Через минуту он храпел как чёрт полосатый, и от каждого вздоха позвякивали медали на его груди. Я не спал. И не потому, что думал о чём-то особенном. Нет, просто лежал и смотрел на Серёжкины ноги, торчащие из густой травы. Потом на его большой палец села бабочка».

Андрейчиков:

— День Победы я встретил в городе Салтус в окопах. Главные бои-то шли в Германии. 8 мая утром немцы прекратили огонь, а до этого такую сильную канонаду устроили. А утром выбросили белые флаги.

Где-то к часам десяти бежит к нам офицер. Лицо у него взволновано. Так не командирски кричит: «Товарищи! Гвардейцы! Дорогие сибиряки! Война кончилась!» Что тут было.

Все стали обниматься, шапки летят в воздух. В 12 наступила тишина. С нашей стороны была послана разведка, немцы увидели их и кричат: «Стой, рус, мина, мина». Наши с миноискателями дорогу проложили, немцы встретили нас с любопытством и ненавистью. Мы сказали: «Милости просим в плен». «Нет, — говорят, — в плен не пойдём, наше начальство сказало ждать. Мы по морю поедём домой».

Тут подъехал генерал. Нам сказали, что это был начальник штаба немецкого, что-то говорил, немцы стали выполнять приказ о капитуляции.

Все дороги были забиты обезоруженными фашистами. В этот день мы получили приказ приступить к прочёсыванию местности, чтобы собрать трофейное оружие и боеприпасы, а также выловить отдельных гитлеровцев. Во время прочёсывания не обошлось и без вооружённых стычек с эсесовцами. За день до капитуляции они получили приказ от своего начальства уйти в леса для продолжения сопротивления. Но и с ними было покончено.

Шелепов:

— Самый радостный был День Победы. Конечно, мы пели «Алёна, Алёна», «Землянка», «Катюша», «Огонёк», «Кабачок». «Едут, едут по Берлину наши казаки».

Пели народные и нашу «По Сибири, по таёжной шири».

Фомин:

— Весна 1945 года была невероятная. Значительно раньше срока стало тепло, раньше срока пошла трава, всё зацвело, что могло цвести, запели птицы.

Выло ощущение, что из войны мы прямоком попали в сказку. Разве забудешь 9 мая 1945 года. С вечера мы готовились нанести врагу решающий удар. Утром наблюдатели заметили над обороной немцев какие-то белые тряпки, всё стало ясно — враг капитулировал. Радости не было границ. Описать ликование невозможно. Пели, обнимались... Мы выполнили наказ сибиряков, война завершилась нашей победой.

Шелепов:

— Это наш самый, самый большой праздник. Мы его не вспоминаем, а помним. Потому, что был оплачен дорогой ценой, потому что мы отстояли себя. В этот день хотелось почувствовать себя мальчишками. Мы орали и безостановочно пуляли в небо, пока не опорожнили магазины своих автоматов. Война кончилась. Много пели. Нашу песню 22-ой дивизии «По Сибири, по таёжной шири», «Алёна, Алёна»...

А я на площади читал «Теркина»:

Нет, ребята, я не гордый

Не заглядывая вдаль.

Так скажу: зачем мне орден?

Я согласен на медаль.

На медаль, И то не к спеху,

Вот закончили войну,

Вот бы в отпуск я приехал

На родную сторону...

И, явившись на вечерку,

Хоть не гордый человек,

Я б не стал курить махорку
А достал бы я «Казбек»
И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг...

Ведущий:

— В этот день ярко светило солнце и не только в Кузбассе, но и во всём мире. Помните, в фильме было сказано «Возвращайтесь в Сибирь с Победой». Сибирь встретила вас объятиями. Память о 22-й дивизии хранят улицы и школы, названные именами ваших однополчан. Давайте в финале передачи все вместе споём песню 22-й гвардейской дивизии «По Сибири, по таёжной шире».

Радзевич:

— Я очень хорошо пел когда-то в молодости — запевалой был. Это наша была песня. Кто автор? Мы авторы, все мы. Это наш марш был.

Все поют:

По Сибири, по таёжной шире
Прокатился наш клич боевой.

Мощь сибирская, сила богатырская
Поднялась на решительный бой...

Собирайте историю!

*И поныне не ведают
Новой музы поклонники:
Где начало поэзии,
Где конец кинохроники.*

М. Матусовский

Жаль, что пока изучение истории кино не введено в программу вузов и школ.

Что удивляет — ни один профессиональный историк не решился связать своё имя с исследованием самого достоверного исторического источника, какой является киноплёнка.

Кинолетопись Кузбасса должна найти отражение в научных трудах по истории, этнографии, географии и других науках, ибо хроника даст для понимания времени иногда больше, чем литература, живопись, документы.

Пройдут годы.

Изобретут новые способы фиксации и воспроизведения времени и изображения. Исчезнут рамки, появится объём.

Изображение можно будет рассматривать со всех сторон: это не фантастика, это уже реальность — голографическое кино. Тем

P.S. В фильмотеке Кемеровской студии телевидения была амбарная книга, в которую записывались сданные на хранение сюжеты, фильмы и передачи. Так вот, напротив передачи «Кинолетопись Кузбасса» о 22-й гвардейской дивизии я прочитал резолюцию редактора: «Стереть как не представляющей исторической ценности».

Потом мне объяснили, что стёрли в связи с недостатком магнитной ленты для монтажа более важных передач.

ценнее будут чёрно-белые кадры кинохроники, и не надо их раскрашивать.

Потомки будут изучать наше время не по разбитым черепкам, засыпанном землёй, а по кадрам хроники, которые мы должны сбересть для них.

Поэт Олжас Сулейменов в интервью корреспонденту газеты «Советская культура» сказал:

«До будущих времён дойдут единичные произведения игрового кинематографа. А хроника сохранится вся. В ней отражена правда времени. В одних лентах более выпукло, обобщённо. Но и посредственные документальные ленты останутся и будут интересовать, потому что потребность правды непреходяща, она не слабеет, а усиливается с годами».

Через многие годы наш сегодняшний день, запечатлённый километрами киноплёнки, снова оживет на киноэкране. И притихнет погружённый в темноту зрительный зал, где будут наши дети. Киноленты памяти помогут им лучше узнать прошлое, понять настоящее и увидеть горизонты будущего.

ЛЮБОВЬ Фурс

Фурс Любовь Владимировна — студентка 4 курса Кемеровского государственного университета культуры и искусств, фотограф творческого отдела КемГУКИ. Призер конкурсов журнала Digital Camera, VIII межрегионального фестиваля рекламы «С рекламой по жизни». Победитель конкурса студенческих фотовидео- и сценарных работ «Опять-25», межрегионального конкурса «Святая Русь – Великая Россия», международной выставки-ярмарки «Фото-Экспо-2008» (золотая медаль). Участник международного фестиваля искусств в Китае (персональная фотовыставка в Чань-Чунском педагогическом университете). Победитель блиц-конкурса фотосеминара «На Поднебесных Зубьях» – 2009. Участник выставки русских фотографов в Галерее Искусств в Париже. Живет в Кемерове.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА

С 6 лет меня брали в летние походы и зимние лыжные поездки. В те времена был очень популярен туристический поезд выходного дня «Снежинка». Поэтому знакомство с красотой Горной Шории состоялось очень рано. Я росла среди этой красоты и впитывала в себя чувство гармонии, чувство любви и уважения к природе. Может быть поэтому во мне всегда позитивный настрой, а дух путешествия и приключений не дает никогда покоя. Я люблю встречи с природой. Возвращаться на старые места и знакомиться с новыми. Моё увлечение фотографией было неожиданным, но вполне закономерным.

Баловаться фотографией я начала лет с 14. Пленочный фотоаппарат, проявка и печать фотографий под красным фонарем в темнущке. Первые неказистые фотографии, многие даже не сохранились. Затем студенчество и фотографирование друзей. Альбом наполнен этими наивными и простыми фотографиями, сделанными собственными руками. Но зато есть память о моей студенческой юности и подругах, чья жизнь раскидала по разным уголкам нашей огромной страны. Каждая фотография возвращает в те, давно ушедшие времена. И это волшебная сила снимка — возрождать события, затерянные в огромных архивах жизни, поднимая их на поверхность и вызывая всплеск эмоций.

Когда родилась моя младшая дочь, я была достаточно взрослой, перепробовала несколько совершенно разных профессий. Я никогда не боялась изучить что-то для себя новое. С рождением дочери я вдруг осознала, что хочу совершенно волшебных, красивейших фотографий своей маленькой принцессы. А что для этого требуется? Конечно же научиться фотографировать как настоящий профессионал. Ведь ни один фотограф не будет рядом с моим ребенком столько же, сколько я сама.

Поступив на дистанционные курсы фотографии в Москве, успешно закончила два полных курса. А когда узнала, что в нашем городе есть вуз, имеющий кафедру фотовидеотворчества, твердо решила поступить туда.

Скажу честно – было страшно! Школу я закончила очень давно, вокруг молодые и талантливые ребята, моложе меня в 2 раза. «Есть ли у меня шанс?» – думала я. Но не в моей привычке отступать от задуманного. Когда узнала, что принята и сообщила это своим друзьям, то услышала в ответ: «Да мы

и не сомневались!» Так началась моя вторая студенческая жизнь, мои знакомства и встречи с уникальными и замечательными людьми университета культуры и искусства.

На момент поступления в вуз я уже достигла определенных результатов в фотографии. Мои работы печатались в специализированном фотожурнале «Digital Camera». Я трижды становилась призером конкурсов, объявленных этим журналом. Призы до сих пор радуют меня и служат мне верой и правдой. Но хотелось большего, хотелось с головой окунуться в творчество и мир искусства.

Самый любимый преподаватель по фотомастерству — это, конечно же, Владимир Лаврентьевич Гулик. Мэтр в фотографии, глубоко интеллигентный, мудрый и интереснейший человек. Беседовать с ним — всё равно, что читать увлекательный философский роман! И теперь для меня вполне закономерно то, что Владимир Лаврентьевич однажды позвал меня с собой на семинар фотожурналистов в Лужбу. Так пересеклось мое прошлое, настоящее и будущее.

Лужба — это маленькая станция, куда стекается огромное количество туристов круглый год. Именно на ст. Лужба начинаются тропы восхождения по маршрутам Поднебесных Зубьев. Самый известный человек в этой местности — Михаил Михайлович Шевалье. Это он уже не первый год встречает в приюте «Кузбасский» региональный семинар фотожурналистов. Начиная с 2004 г. фотографы и журналисты из Кемерово, Новокузнецка, Междуреченска, Ленинска-Кузнецкого, Березовского, Гурьевска и других городов собираются, чтобы обменяться опытом, обсудить интересные темы, наполнить себя впечатлениями и сделать запоминающиеся кадры окружающей природы.

Если вы один раз съездили на этот семинар, то становитесь членом большой семьи «Лужбинского братства». Невозможно побороть чувство, которое тянет и зовет обратно в горы, к знакомым и приятным лицам друзей.

Что меня подкупает в наших поездках, так это то, что люди всегда подбираются очень хорошие. Учитель наш всегда тонко чувствует, кого из студентов нужно и можно взять. Горы не любят капризов, эгоизма и лени. Ребята, которые представляют вуз среди взрослых фотографов, всегда отличаются своей талантливостью, добротой, романтизмом души и желанием в любой момент помочь. Просматривая работы Марины, Георгия или Фёдора понимаешь, что взгляд на окружающий мир у всех индивидуален и разнообразен.

Георгий Шишкин, на мой взгляд, один из лучших представителей нашего фотографического студенчества, Его курсовая работа о поездке в Лужбу — это живой и эмоциональный рассказ. Некоторым фотографиям можно смело дать титул «художественные».

Блиц-конкурс вызывает азарт. Но ища сюжеты на заданную тему, мы не забываем снимать и свои впечатления, стараясь отразить их в фотографии. Осенние поездки отличаются от зимних. Осенью воздух наполнен звуками — журчание воды, шелест листвы и травы, стрекот насекомых, голоса птиц — всё это сливается в единую симфонию гор.

Зимой же вокруг тишина и только ветер нарушает это безмолвие. Я не знаю, какие поездки мне нравятся больше — осенние, в буйстве красок природы, или зимние, в белом одеяле снега. Каждая поездка — это новые впечатления и в то же время воспоминания прошлых встреч.

3 дня семинара пролетают как один. Подведены итоги, объявлены победители, прошли просмотры и обсуждения портфолио авторов. И всем немного грустно, что предстоит разъехаться по своим домам. Новая встреча будет только через полгода. И всё это время мы будем просматривать архив отснятого материала, выбирать кадры для печати, смотреть и вспоминать ставшие родными лица участников семинара.

Лучший результат поездки — это фотовыставка. И осенью 2009 года мы провели такую выставку сначала у нас на кафедре, а затем показали её в первом корпусе КемГУКИ. Участвовали в ней 4 автора: доцент кафедры ФВТ — Гулик Владимир Лаврентьевич и студенты кафедры — Фурс Любовь, Мартынов Федор и Марина Изман. Выставка получилась великолепной, она хорошо передала те впечатления, которые мы увезли из Кузнецкого Алатау.

Скоро лето, скоро новые впечатления и новые поездки, путешествия. Впереди ждет Алтай и Телецкое озеро. В планах поездки на Байкал. Осенний выезд в Горную Шорию. Просматривая архивы старых поездок, я вновь испытываю это щемящее чувство — как от просмотра своих первых фотографий. Каждый кадр — это кусочек воспоминаний, прекрасной мелодией вновь всплывают и вызывают те чувства и эмоции, которые я испытывала в момент съемки. Фотография — это волшебная и магическая сила. Я в этом совершенно уверена!

Фото Л.В. Фурс — на внутренних сторонах обложки и цветной вкладке.

